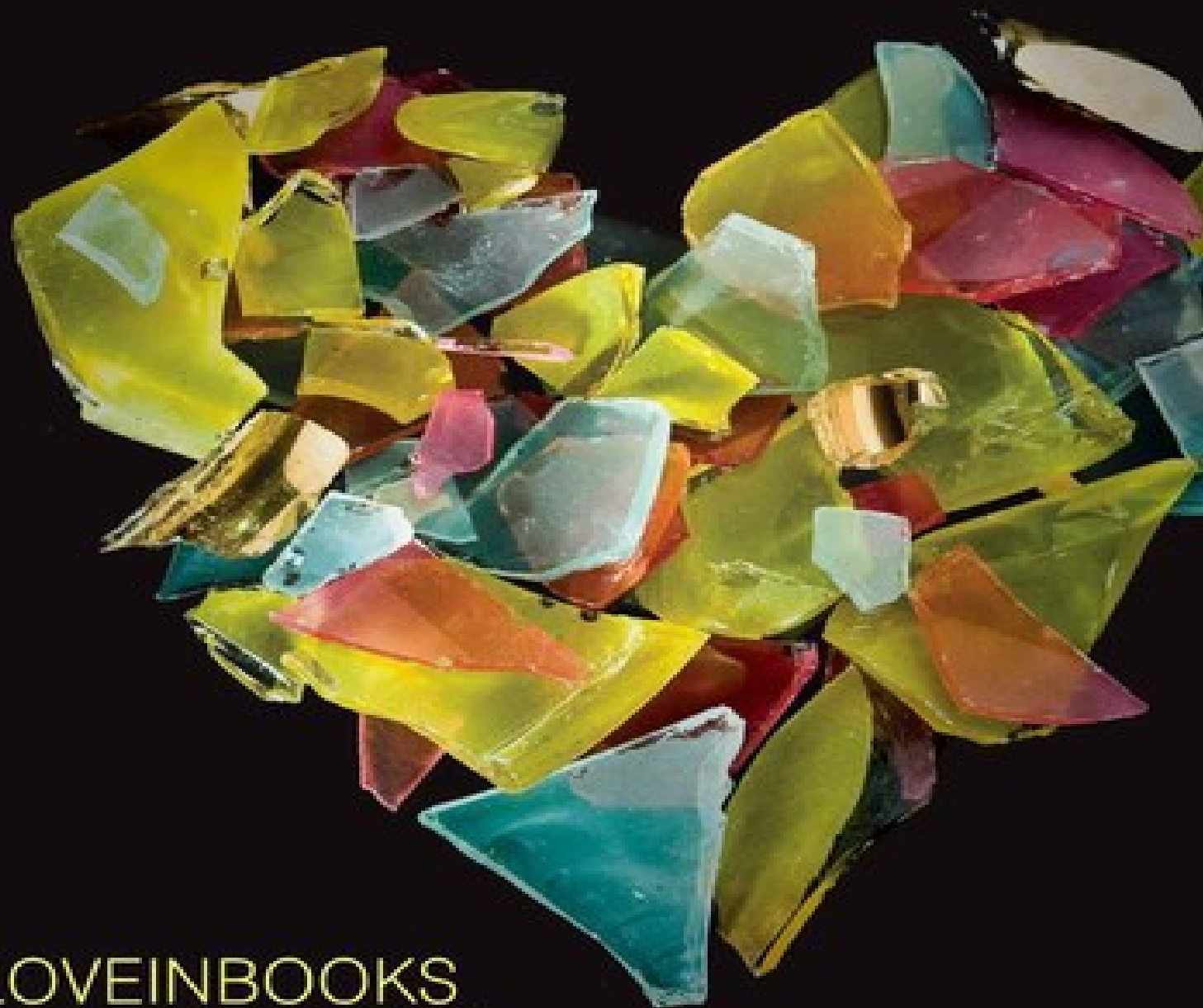

Но я люблю его

LOVEINBOOKS
АМАНДА ГРЕЙС

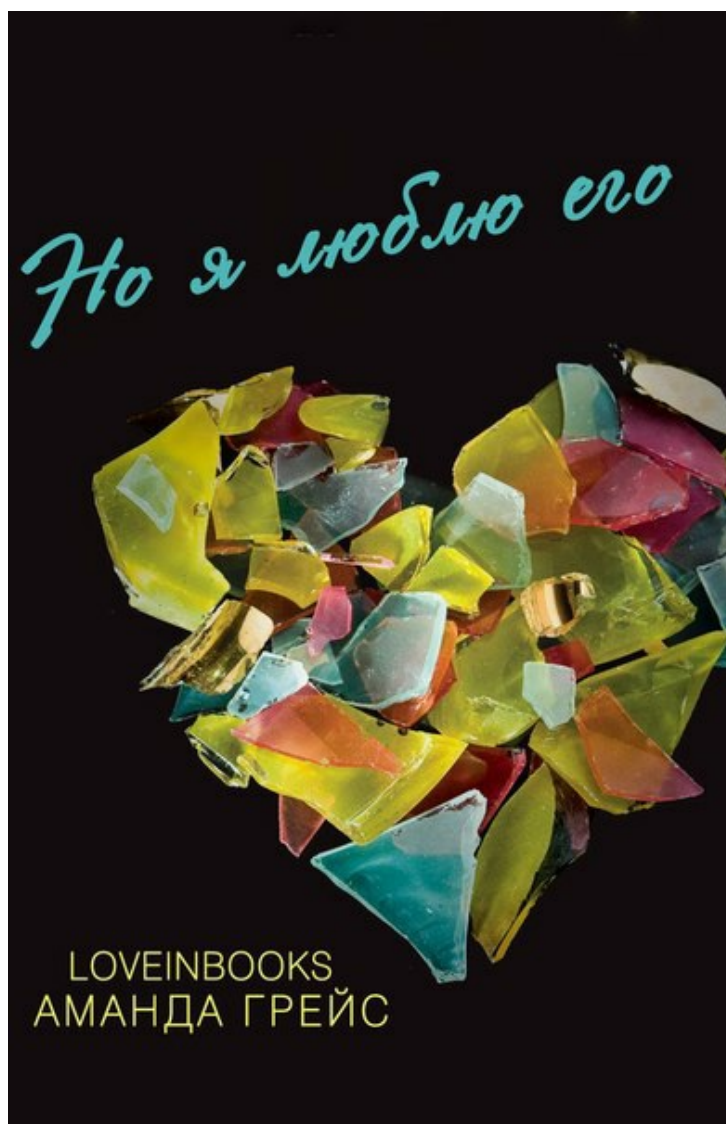
ВНИМАНИЕ!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

Любая публикация данного материала без ссылки на группы и указания переводчика строго запрещена.

Любое коммерческое и иное использование материала, кроме предварительного ознакомления, запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей.

АМАНДА ГРЕЙС «Но я люблю его»

Автор: *Аманда Грейс*

Название: *Но я люблю его*

Автор перевода: *Диана Шматько*

Редактор: *Татьяна Бабаева*

Вычитка: *Виктория Коробко*

Перевод группы: vk.com/loveinbooks

Аннотация

Иногда ночью я просыпаюсь и часами смотрю на сердце, вспоминая, как подбирала каждое стеклышко с пляжа и склеивала все в одну большую скульптуру. Интересно, понимает ли Коннор, что она означает? Осознает ли, что у него всегда будет часть меня. Каждый кусочек стекла – это частичка меня, которую я отдала ему.

Жаль только, что я не сохранила ни одной для себя...

В начале последнего учебного года Энн была круглой отличницей и звездой легкой атлетики с лучезарной улыбкой, друзьями и будущим. А затем она познакомилась с закрытым парнем, Коннором.

Только в ее власти исцелить его эмоциональные шрамы. Только он может заставить ее чувствовать себя любимой и нужной.

Энн не в силах вспомнить тот поворотный момент, когда все изменилось, когда она отказалась от всего, чтобы быть с ним. Но к выпускному ее жизнь стала опасной ходьбой по натянутому канату. Всего одна ошибка может вызвать ярость Коннора. Слепой поток жестоких слов и беспощадное уничтожение всего и каждого на своем пути.

Это восстановленное из воспоминаний слайд-шоу раскрывает душераздирающую историю любви, в которой все пошло ужасно неправильно.

*Посвящается Син Балог и Саре Маас,
которые являются не просто моими
приятельницами по писательству,
но и самыми настоящими подругами, во всех
смыслах этого слова.*

30 августа

Один год

Я лежу на полу среди сотни обломков. Треснутых дисков, разбитой деревянной шкатулки для украшений, разорванных книг и наших с Коннором фотографий. Думаю, мои внутренности выглядят так же, как эти вещи – будто их пропустили через мясорубку. Они раздроблены и неузнаваемы.

Моя губа разбита, и каждый раз, когда я ее вытираю, на рукаве остается кровь. Грудная клетка превратилась в опустошенный сосуд, словно Коннор вынул мое сердце и забрал с собой, когда ушел, хлопнув дверью так сильно, что со стены упала картина.

Все, что я чувствую, – это боль. Одну большую волну боли, которая снова и снова неустанно обрушивается на меня. Осторожно откинувшись на локти, я ложусь на пол и смотрю на потолок, окутанный тенью.

Смеркается. Как долго я здесь лежу? Тьма добирается до каждого уголка в комнате и заполняет все вокруг. Когда-то этот кокон темноты укрывал и защищал нас от всего, что находится по ту сторону двери. Мы вместе прятались во тьме, надеясь, что мир угомонится, даровав нам успокоение.

Но теперь меня ничто не может защитить. Особенно тьма.

И вступить за меня тоже некому. Я сама всех оттолкнула. У меня ничего не осталось. Я отдала ему все, а он оставил меня ни с чем.

Похоже, у меня сломано запястье. Каждый раз, когда шевелю рукой, ее пронзает острая боль – аж перехватывает дыхание.

Сегодня было хуже, чем когда-либо. Сегодня Коннор не ограничился одной пощечиной. Его ярость выплескивалась, бурлила и лишь набирала обороты, уничтожая все на своем пути.

Не знаю, ушел ли он, чтобы продолжать крушить все дальше, или потому что только это могло его остановить.

Не понимаю, как за год все так изменилось, как я потеряла себя?

23 августа

11 месяцев, 24 дня

Несмотря на все рассказы Коннора о своем отце, я никогда не видела в том монстра. Мы много раз с ним встречались, но он казался обычным человеком, слишком нормальным, чтобы делать все то, о чем мне рассказывал Коннор. Монстр был мифическим существом, злодеем в переименованной сказке.

Теперь, наблюдая, как танцующие языки пламя лижут эту красивую белую решетку, я осознаю, что никогда до конца не понимала Коннора. Никогда по-настоящему в это не верила.

Зато верю сейчас. Это реально. Все истории из жизни Коннора воплотились наяву.

Его отец слетел с катушек. Мать рыдает, свернувшись калачиком на газоне. Хорошо, что они живут в сельской местности и рядом нет соседей. Иначе, наверное, нас бы всех арестовали.

– Я заплатил за это, значит, могу и уничтожить! – Он отдирает еще один кусок решетки от веранды. Она трещит и ломается, щепки летят на клумбы. Горшок с розами Нэнси тоже падает и разбивается вдребезги о цементную дорожку. Это просто еще одна вещь, которую он отберет у нее без извинений.

Разломанная решетка отправляется в топку к остальным. Пламя растет, устремляясь ввысь и пожирая все, чего коснется.

Мы с Коннором прячемся в тени большого дуба в углу двора. Джек знает, что мы здесь, но ему не до нас, ярость поглотила его целиком. Мне хочется взять Нэнси и затащить к нам в тень, но она находится слишком близко к Джеку. Умоляет его остановиться. Не знаю, как она может это делать, лично меня он пугает.

Сегодня он кажется больше: выше, тучнее, сильнее. Есть что-то нечеловеческое в его облике.

Должно быть, он пьян, хоть и твердо стоит на ногах. Трезвый человек не стал бы сжигать собственную веранду. Ту, которую собственноручно построил месяц назад. Нэнси красила ее все выходные, потом они сидели на ней в шезлонгах и любовались своей работой.

А сейчас она в руинах.

– Энн, тебе не обязательно быть здесь, – говорит Коннор, прислоняясь к дереву и притягивая меня к себе. Я не отвечаю. Лишь прячу лицо на его груди, когда он меня обнимает. Его отец с треском отдирает очередной кусок решетки от веранды, которая наполовину уже уничтожена.

– Зачем он это делает? – спрашиваю я.

– Зачем он вообще что-либо делает? – отвечает Коннор. Его голос глухой и безжизненный. Для Коннора это неизбежная часть жизни, ее просто нужно выдержать, чтобы вернуться к хорошему.

По плану, это должен был быть ужин в честь дня рождения Нэнси. Коннор не хотел приходить. Он не любит видаться с отцом. Собственно, поэтому и переехал в отдельную квартиру. Чем дальше от отца, тем лучше.

Но для мамы он готов на все. У нее ничего не осталось. Она превратилась в тень. В те редкие разы, когда мы встречаемся, я стараюсь не смотреть ей в глаза, потому что в них пустота. Ей еще нет и пятидесяти, но ее волосы седые, а на лице залегли глубокие морщины. Она всегда носит в себе печаль, да такую безысходную, что мне тяжело находиться с женщиной в одном помещении. Нэнси загнана собственной жизнью, и мне интересно, что ее ждет, если она ничего не изменит?

Я боюсь, что если посмотрю ей в глаза, то увижу там себя. Увижу свое будущее. Боюсь, что нас скрепит дух товарищества на почве недостатков Коннора и его отца. И если она увидит себя во мне, то все безнадежно. Если она посмотрит на меня, похлопает по спине и поймет мои чувства, я буду знать, что у нас с Коннором гнилые отношения.

Я просто буду это знать.

Но Коннор не станет таким. Он понимает, что поступает неправильно, и обратиться за помощью. Он обещал. Мы долго это обсуждали. Он даже принес мне информацию о кураторах в нашем районе. Мы пройдем через это вместе и разорвем порочный круг, и все благодаря мне и моей вере в него. Раньше он не решался на это. У него не было такой поддержки, которую даю ему я. И это меняет его, заставляет верить в себя.

Я не поступлю, как остальные. Не брошу его, когда что-то пойдет не так. Теперь мы оба взрослые: мне восемнадцать, ему девятнадцать. Если будем работать вместе, то покорим весь мир. И больше нам никто

не понадобится.

Я отстраняюсь от Коннора и снова смотрю на двор. Темнеет, а пламя все разрастается. Моя маленькая «мазда» припаркована всего в паре метров от него. Трава на газоне жухлая, и огонь может перекинуться на нее. Он может сжечь все.

– Думаешь, с моей машиной все в порядке?

– Наверное.

Его щека у моего виска кажется ледяной. В объятиях Коннора я чувствую себя в безопасности, несмотря на то что в нескольких шагах от нас его отец сжигает дом по кусочкам. Интересно, как далеко он зайдет. Сожжет ли весь дом? Обратит ли все в пепел?

Я знаю, что Коннор больше его не боится. Он сказал, что с тех пор, как три года назад впервые постоял за себя, отец к нему не лезет. Тогда была их последняя стычка. Сейчас Коннор на голову выше отца, у него мускулистые руки и широкие плечи.

И все же в момент срыва его отец кажется таким огромным.

– Может, уйдем?

– Ты иди, если хочешь. Но я ее не брошу.

Я знала, что он так скажет.

– Ему наскучит веранда, и он переключится на нее. Его остановит только мое присутствие.

Киваю.

– Может, она уйдет с нами.

– Она не уйдет.

И это я тоже знала. Она больше заботится о своем муже, чем о себе.

Понятия не имею, что его так вывело. Когда мы приехали, огонь уже бушевал. Вокруг царил хаос, и причину искать было поздно.

Вероятно, он и сам ее не помнит. Такая ярость не подчиняется разуму.

Не могу избавиться от страха, который испытываю перед Джеком. Это неправильно. Не думаю, что его голова вообще работает, он просто заведен слепой яростью. Опасной, пугающей, бессмысленной яростью, от которой мне беспокойно и страшно. Ноги покрылись мурашками, и хочется убежать отсюда подальше. Я разрываюсь между желанием спасти себя и остаться с Коннором.

– Думаю, нам лучше уйти, – шепчу я. Как бы сильно я ни

прижималась к Коннору, этого недостаточно. Мне не скрыться.

– Ты иди. Не стоит здесь оставаться. Тебе не нужно видеть его таким. Я справлюсь сам, – отвечает он.

Я киваю. Знаю, что должна остаться ради Коннора, но мне не терпится отсюда убраться, оставить эту сцену позади. Уверена, сегодня это будет преследовать меня во сне: истерические всхлипы Нэнси, безумный блеск в глазах Джека, суровое, хмурое выражение лица Коннора. Увиденное его не удивило.

И это хуже всего. Осознание того, что это для него нормально. Что это всего лишь очередной день в его отстойной жизни. Коннор обвинял Джека не голословно. И меня от этого тошнит. Мне нужно отсюда выбраться. Нужно прилечь.

Я отворачиваюсь от Коннора и иду к своей машине. Джек отдирает очередной кусок решетки от веранды и бросает его в огонь. Дерево трещит, и я, отпрыгнув от шквала искр, спотыкаюсь о камень.

Это выводит Джека, и он в три шага оказывается передо мной, его лицо пылает от гнева. Я резко отступаю и с грохотом врезаюсь в машину.

Коннор молниеносно встает между нами и отталкивает от меня отца.

– Не трогай ее, – произносит он низким, угрожающим голосом, от которого у меня кровь стынет в жилах. – Никогда к ней не прикасайся.

Их лица разделяет всего сантиметр. Время словно останавливается, все замирает. У меня перехватывает дыхание, и я стою в ожидании, когда взлетят кулаки и прольется кровь.

Но Джек просто переводит взгляд с Коннора на меня, после чего возвращается к веранде и с новой силой отрывает очередной кусок.

Все кончено, и я уйду. Коннор чмокает меня в губы, и пока не передумала, я газую с подъездной дорожки – аж гравий разлетается под колесами.

В комнате Коннора почти темно. Включен лишь крошечный ночник, который светит сквозь стеклянное сердце.

Я смотрю на него со своего места в кровати, пока взгляд не размывается и все голубые, зеленые и янтарные цвета не сливаются в единую мозаику.

Иногда ночью я просыпаюсь и часами смотрю на сердце, размышляя о том, что оно значит для нас с Коннором. Вспоминая, как

долго над ним трудилась, как подбирала каждое стеклышко с пляжа и склеивала все вместе в одну большую скульптуру.

Интересно, смотрит ли он на нее тем же взглядом? Понимает ли, что она означает? Осознает ли, что у него всегда будет часть меня. Каждый кусочек стекла – это частичка меня, которую я отдала ему.

Жаль только, что я не сохранила ни одной для себя.

Я лежу так несколько часов в ожидании. Знаю, что он вернется, когда Нэнси будет в безопасности, а его отец уйдет, и не раньше.

Коннор забирается ко мне в кровать в четыре утра, а я еще не сомкнула глаз, хотя они так болят, будто полны песка, веки отяжелели.

На мне его старая футболка и боксеры, Коннор сразу обнимает меня за талию, и я натягиваю одеяло повыше, спрятав наши лица и оставив только макушки.

– Ненавижу такие дни, – едва слышно шепчет он. В такие моменты мне кажется, Коннор все еще боится, что отец услышит его слова. Он забывает, что мы в его новой квартире и что его отец находится далеко отсюда.

– Знаю, – лишь отвечаю я, потому что других слов у меня нет.

– Хотел бы я, чтобы она его бросила.

– Я тоже. – И я правда хочу. Больше всего на свете. Тогда наша жизнь наладится. Все эти проблемы исчезнут, как только она уйдет от него и заживет в спокойствии. Весь стресс в жизни Коннора испарится, и тогда он будет по-настоящему счастлив.

Тишина наполняет комнату, пока не становится тяжелой. Она давит на нас. Она душит меня.

– Мне жаль. – Слова бесполезны, но мне все равно нужно их произнести.

– Он уже давно так не срывался.

Киваю.

– Я никогда не позволю ему тебя обидеть.

Я это знаю. Так же как и то, что напрямую Джек не причинит мне вреда. Он просто сделает это руками Коннора.

– Однажды он приставил пистолет к моей голове, – продолжает Коннор.

Я слышала эту историю. Много раз. Но знаю, что он расскажет ее снова – это его способ пережить ситуацию. Коннор будет говорить, пока не закончатся слова, а я буду слушать, пока он не заснет. И тогда

наступит моя очередь бояться, метаться и вертеться всю ночь в попытках забыть истории и образы, забыть, как его голос срывается во время пересказа самых тяжелых моментов.

Но хуже всего то, что в этих историях я буду представлять маленького мальчика, беспомощного маленького мальчика, который все еще живет внутри Коннора.

– Я сидел в пикапе. Он зашел в круглосуточный магазин. За мороженым, так он сказал. Обещал купить мне шоколадное тако, мое любимое.

Самые страшные истории Коннор рассказывает в темноте, когда не видно его лица. Я чувствую, как он дышит мне в шею и как крепко обнимает за талию, будто я – его якорь. Но не вижу его лица.

Да и не хочу.

– Я передумал. Захотел сэндвич с мороженым. Гребаный сэндвич с мороженым.

В его голосе звучит упрек. Но не в адрес Джека. А в его собственный. Будто это его вина, будто его отец был бы другим, если бы Коннор все не испортил.

– Мне было восемь. В общем, я вылез из пикапа и пошел в магазин. Мой отец стоял там, направив пистолет на продавца. Он оглянулся на звон колокольчика на двери, и парень, воспользовавшись моментом, нанес удар битой, но промахнулся. Так я стал заложником. Отец приставил пистолет к моей голове и велел продавцу отдать деньги, иначе он меня пристрелит.

На этом моменте Коннор всегда останавливается, а его голос срывается.

Сегодня история воспринимается иначе. Сегодня я в нее верю. Раньше все его рассказы казались сказками. Утрированием. Нет, я не думала, что Коннор врет, просто уже видела Джека. Он был обычным парнем. Такой человек не мог быть тем монстром из историй. Такой человек не мог причинить столько боли.

Но сегодня я увидела его – выпущенного на свободу монстра, который все время прятался внутри, и эти сказки стали реальностью. Теперь я знаю, что Джек правда способен на то, о чем рассказывает Коннор. И сегодня в моей голове эта история оживает, выражение лица Джека прорисовывается до мельчайших деталей.

– Но парень успел включить сигнализацию. И копы окружили

магазин, пока отец стоял там, тыча пистолетом мне в голову. Тот не был заряжен, но я этого не знал.

Коннор немного сдвигается. Кровать скрипит. Он знает, что не обязан рассказывать, что мне известен конец, но все равно продолжает.

– У полиции ушел час, чтобы заставить его опустить пистолет. Долбанный час. Мне было восемь, – повторяет он. – Кем нужно быть, чтобы приставить пистолет к голове собственного ребенка? Ему дали всего два года, потому что он не вставил пули. Плюс условно-досрочное. За хорошее поведение он вышел еще до того, как мне исполнилось десять.

Я никогда не знала, что на это ответить, поэтому всегда молчала. Для такого невозможно подобрать слова.

– Иногда мне хочется, чтобы он зарядил его и нажал на курок, – признается Коннор.

Я замираю. Не хочу, чтобы разговор завернул в это русло. Я могу справиться с его гневом. Сгладить горькие воспоминания, помочь все забыть. С этим я разберусь, уйму его злость.

С печалью сложнее. Он тонет в ней, и мне его не достать.

– Нет. Я люблю тебя. Даже не думай об этом.

И с этими словами меня покидают силы на борьбу. Раньше я старалась на пределе возможного. Яростно сражалась с ним. Сражалась со всем, чтобы остановить те войны, которые он вел с самим собой. Вытирала ему слезы и разговаривала с ним часами – до рези в глазах, до срыва голоса, пока уже не вырубалась от истощения.

Но мой запал угас. Я постепенно его растеряла.

Между нами затягивается молчание. Я жду, какую сторону он примет.

– Я тоже тебя люблю, – отвечает Коннор и целует меня в шею.

Я вздыхаю с облегчением. Сегодня мы победили.

Поворачиваюсь к Коннору и приникаю к его губам. Накрыв своим телом, он целует меня в щеки, губы, подбородок, шею, и через считанные секунды мы растворяемся друг в друге.

Это единственное, что у нас осталось. Эти драгоценные секунды, когда страсть заслоняет все остальное и есть только мы. Все остальное – это война, которую никто из нас не победит.

Но я уже подняла белый флаг.

Я уже сдалась.

15 августа

11 месяцев, 16 дней

Я совершила ошибку. Огромную, чудовищную ошибку.

Я забыла, что у Коннора сломалась машина и он должен был встретить меня после работы. Я вернулась в «Сабвэй» всего две недели назад, и это уже осложнило наши отношения с Коннором.

А теперь он еще увидел, как я смеюсь и толкаю Марка, нового сотрудника.

Я знаю, о чем он думает и в каком направлении движутся его мысли. В нем кипит гнев. Страх потерять меня затмевает все остальные чувства, даже здравый смысл. В глубине души он мне доверяет, но его свирепая неуверенность всегда берет верх.

От величия этого страха Коннор не понимает, что я никогда его не брошу.

И сейчас он увидел, как Марк приобнял меня одной рукой, сбоку и по-дружески, но все же приобнял. Коннор не поверит, когда я скажу, что это ничего не значит. Он просто проиграет в голове это объятие миллион раз и так извратит историю, что она станет далека от реальности.

Я так долго была осторожна. Но рано или поздно это должно было случиться. Я должна была оступиться и совершить нечто подобное. И чего я удивляюсь, почему у меня нет друзей? Что со мной никто не общается? Я сама виновата. Боюсь последствий. Если я скажу что-то не так и не тому человеку и в наши отношения каким-то образом вмешаются, то вот, во что это выльется.

Даже Эбби это знает. Поэтому и держится от меня подальше. Поэтому и так грустно улыбается при встрече.

Поэтому и перестала бороться за нашу дружбу. Она последняя отступила. Последняя отдала меня Коннору.

Ненавижу это. Ненавижу это ожидание, пока мы идем к моей машине. Марк понятия не имеет, что сейчас произойдет, но я слишком хорошо это знаю.

И боюсь. Ненавижу этот страх перед ним. Ненавижу значение этой тишины и что ничего не могу поделать, лишь ждать, когда она взорвется.

У меня начинается клаустрофобия, хотя я еще даже не села в машину. Мне хочется убежать. Подальше от него, подальше от всего. Я могу пробежать пять или десять миль, прежде чем выбьюсь из сил. К тому времени я уже буду на полпути в Абердин. Наш прибрежный городок Уэстпорт, штат Вашингтон, ничтожно мал, я убегу из него за десять минут.

Только это ничего не решит. Возможно, в этот раз Коннор со мной поговорит. С тех пор как он съехал от отца, ему стало лучше. Он приходил в себя. Привыкал. Может, теперь он поймет, что Марк просто случайный парень, который ничего не значит, и мы назовем это точкой отсчета на пути к исправлению.

Я знаю, что если буду настойчивой, то все наладится. Коннора просто нужно немного направить. Показать любовь и понимание. Он так сильно хочет измениться.

Но, конечно же, мои надежды не оправдываются. Едва закрыв дверь, Коннор хватает меня за запястье и слишком сильно его сжимает. С ним всегда так, слишком много, слишком напряженно, слишком *все*.

– Забудь о магазине. Вези меня домой. Живо.

И по какой-то причине всю поездку, преисполненную мертвой тишиной, я надеюсь, что моя машина тоже сломается и мне придется из нее выйти, так и не доехав до дома.

Но мы доезжаем. Я заворачиваю к его четырехквартирному дому и очень осторожно паркуюсь, идеально вписываясь между белыми линиями. Смотрю на три других двери в надежде, что сейчас там никого нет. Это небольшое здание: две квартиры внизу, две наверху. Коннор живет в верхней слева, с большим кривым номером «три» на двери.

Я поднимаюсь за ним по старой деревянной лестнице, сердце выпрыгивает из груди. Я едва ощущаю под рукой узкие перила, которые ведут меня к двери с облупившейся красной краской.

Только мы переступаем порог, как Коннор со всей дури меня толкает, и я растягиваюсь на полу. Ударяюсь локтем, и рука на мгновение словно немеет. Слышу, как за спиной хлопает дверь – картины на стене дребезжат от силы удара.

Я не встаю – пытаюсь выровнять дыхание и подавить желание свернуться калачиком. Его настрой можно изменить правильными словами. Если буду мыслить трезво, то сумею вернуть своего Коннора.

Если все сделаю правильно, он вернется.

– Ну ты и шлюха, – злобно цедит он. – Ты и перед ним ноги раздвинула?

Я впадаю в шок. Коннор и раньше был жесток, но это... это исходит из глубин его тьмы.

– Нет, боже, нет. Я люблю тебя. Только тебя.

Я редко плачу, когда он становится таким. Уже привыкла, и слезы больше не приходят, как когда-то. Я просто принимаю это и переживаю. Когда все заканчивается, я обнимаю Коннора, пока он не перестает ненавидеть себя за содеянное, а потом мы оба делаем вид, будто ничего не было.

Но сегодня мои глаза полны слез. Его слова ранят сильнее, чем кулак.

– Ты – тупая идиотка, знаешь это? С чего ты решила, что он захочет тебя снова после того, как использовал? Я единственный, кто всегда будет рядом. Кто терпит тебя. А ему на тебя плевать.

Все это ложь. Коннор не просто «терпит меня». Он во мне нуждается. Так же как я в нем. Но от звучания этих слов внутри меня все сжимается. Согнувшись, я утыкаюсь лицом в колени и обнимаю ноги руками в желании исчезнуть. Наверное, я могла бы утонуть в собственных слезах.

Коннор больно дергает меня за руку, поднимает с пола и прижимает к стене, отрезая пути к отступлению.

Он всегда так делает – своего рода загоняет меня в ловушку. Ведь так я никуда не денусь, пока его гнев не утихнет. Так он сможет исправить содеянное, вместо того чтобы дать мне уйти с гадким чувством, бурлящим в животе.

Да я и не смогу оставить его в такой момент. После этого всегда следуют его слезы и мольбы о прощении. Но с каждым днем все становится хуже и сложнее. Становится труднее запоминать извинения перед новыми ударами.

Ведь они происходят все чаще. Следы любви исчезают, гнев растет и все идет не так, как я представляла.

Почему? Почему он позволяет гневу вот так изливаться?

Как он может, видя меня дрожащей и плачущей, продолжать орать? Как может смотреть мне в глаза и быть таким жестоким?

Я бы никогда с ним так не поступила. Никогда.

– Ты даже не представляешь, насколько ты тупая.

И тут он отклоняется назад, сжимает кулак и наносит удар.
В стену.

Она ломается, и куски гипсокартона сыплются мне на плечи.

Вот и все.

Первый удар, первый хороший, сильный удар обычно приводит его в чувства. Я даже вижу это по его лицу, эту резкую смену эмоций «до» и «после».

Я всегда знаю, когда тьма отступает. Мне кажется, это боль – такая саднящая и реальная – выдергивает его из плена ярости. Сегодня мне повезло. Сегодня он ударил стену, а не меня.

Коннор дважды моргает и осознает, что я дрожу перед ним.

– Ох. Я... – Он отходит от меня. Всегда наступает этот момент. Момент, когда он, кажется, видит себя со стороны, отматывает все назад и переживает заново. А затем Коннор поворачивается ко мне, и за долю секунды до того, как он полностью придет в себя, я вижу на его лице тот же шок и страх, какие наверняка отражены на моем. Я вижу, что он не понимает, что натворил. Что он себя не контролировал.

Но так не должно быть. Он не должен уступать ярости и позволять ей собой управлять. Я не знаю, почему в нем живут два человека.

Не знаю, почему ему достались две разные личности, а мне лишь одна – та, которая принимает на себя его гнев и которая собирает все по кусочкам после.

Я. Только я. Не хочу, чтобы это продолжалось. У меня больше не осталось сил. Я едва держусь.

И едва удерживаю на плаву его.

Это просто несправедливо.

Коннор делает шаг ко мне, чтобы обнять, но я вся напрягаюсь, и ему приходится насильно притянуть меня к себе.

И я всхлипываю от облегчения – все закончилось. Вспышка гнева прошла. Сегодня Коннор меня не тронул. Это хороший знак. Возможно, он больше никогда мне не навредит. Если он увидел меня с другим и разозлился, но все же не тронул, это что-то да значит. И я позволяю себе надеяться, что мы совершили шаг вперед, в противном случае меня надолго не хватит.

Коннор обнимает меня, и я захлебываюсь в слезах. Надо же, а мне казалось, я с ними покончила. Я думала, что смогу закалиться. Но

эти американские горки меня доконали. Я устала от этих перепадов настроения.

Мы опускаемся на пол – сил нет стоять, Коннор усаживает меня к себе на колени и укачивает, пока я рыдаю в голос – до нехватки дыхания, до икоты.

– Прости, Энн. Мне так жаль.

Я шмыгаю носом, изо рта вырываются хрипы.

– Мне не нужны твои извинения. Просто перестань так себя вести. Я хочу, чтобы все было так, как когда мы встретились.

– Я знаю. Так и будет, обещаю. Я буду относиться к тебе, как прежде. Клянусь.

Киваю, мне хочется в это верить.

Но даже когда слезы высыхают и я засыпаю в его объятиях, на душе остается еще один шрам. Его никто не увидит. О нем никто не узнает. Но он будет там. В конце концов все шрамы останутся шрамами, и вот чем я стану – одним большим шрамом от любви, в которой что-то пошло не так.

30 июля

11 месяцев

Меня охватывает странная нервозность. Сегодня я планирую подарить Коннору свою скульптуру. Надеюсь, увидев ее, он поймет, как сильно я его люблю. Прочувствует это до глубины души, как я.

Только он задерживается. Я расхаживаю у окна в ожидании, когда свет фар окрасит стену. Вот наконец настает этот момент, и мое сердце пускается вскачь.

С мягкой улыбкой на губах подбегаю к двери и слышу, как Коннор поднимается по лестнице, стуча ботинками со стальными носами по ступеням. И с каждым его шагом мои нервы натягиваются все сильнее, пока в итоге не отдаются вибрацией в руках и ногах.

– Привет, милый! – восклицаю я и тянусь к нему за поцелуем.

– Привет, – грубовато произносит он, лишь едва касаясь моих губ, а затем проходит мимо, словно меня тут и нет.

– Я тебе кое-что приготовила.

– Я не голоден. – Он плетется по коридору и скрывается в ванной, не дав мне ответить. Даже входную дверь не закрыл.

С секунду я смотрю ему вслед, а затем иду за ним.

– Это не еда, а...

– Меня уволили, Энн. Я не в настроении для болтовни, ясно?

Сложно не отступить от звука его голоса. Есть в нем опасные нотки, которые кричат мне убратся подальше. Как можно дальше. Будь я умнее, ушла бы. Прямо сейчас, пока гнев не начал расти, кипеть, томиться и взрываться.

Увольнение было неизбежно, конечно же. Коннор часто так выматывался, что было уже не до работы. Сказались ночи, когда он не спал допоздна, помогая маме. Ночи, когда он ворочался в кровати, замученный прошлым и безразличный к будущему.

Он пропускал. Опаздывал. И все же я почему-то не ожидала такого исхода.

Что теперь? Спрятать сердце? Приберечь его до лучшего дня? Оно стоит на обеденном столе во всем своем сияющем великолепии под светом люстры. И мне даже при желании его не спрятать. Хотя можно набросить на него простыню. Надеюсь, так Коннор его не заметит.

Мне хочется, чтобы он улыбнулся, когда я вручу ему это прекрасное произведение искусства. Хочется увидеть, как оно повлияет на Коннора, когда он поймет, как сильно я его люблю.

Но ничего не получится, пока он в таком настроении. Все эти долгие часы работы пропадут даром. Так нельзя. Мой труд должен быть оценен. Мне нужно увидеть отдачу, иначе меня поглотит разочарование.

Киваю себе и направляюсь к шкафу в коридоре. У нас должна найтись парочка лишних простыней. Да и сам шкаф сгодится. Можно освободить место на полке и спрятать там сердце. Оно не крупнее баскетбольного мяча, хоть и более хрупкое и странноватой формы.

Отодвигаю полотенца и коробки, рьяно расчищая место – нужно успеть до того, как Коннор выйдет из ванной. Он не в настроении для подарка и может неправильно его понять. Нужно сберечь скульптуру до лучшего момента. Лучшей возможности. Лучшей...

– Что это? – Раздается голос Коннора. И отнюдь не из ванной. А из столовой. Мое сердце пропускает удар. Слишком поздно прятать скульптуру.

Я иду к Коннору, молясь, чтобы он был счастлив и чтобы все эти месяцы труда окупились. Поворачиваю за угол, вижу его лицо, и меня отпускает напряжение.

Черты его лица смягчились, а в глазах отражается небывалая благодарность – они светятся ею. Коннор подходит и, обняв, кладет подбородок мне на голову.

– Спасибо. Я сегодня в этом нуждался. Очень сильно.

Я киваю и прижимаюсь щекой к его груди. Слышу биение его сердца, спокойное и ровное. Оно действует умиротворяюще, и постепенно мы оба расслабляемся.

– Я люблю тебя, – произносит Коннор. – И всегда буду любить.

– Так тебе оно понравилось? – спрашиваю я, отстраняясь, чтобы заглянуть в его глаза.

– Да, безумно. Оно прекрасно.

Улыбаюсь.

– Рада слышать. Я трудилась над ним несколько месяцев. Сама собирала стеклышки на пляже.

– Это многое для меня значит. Ты себе даже не представляешь. Я всегда буду им дорожить. Как и тобой.

Я улыбаюсь и снова его обнимаю. У меня все получилось.
Наконец-то я что-то сделала правильно.

30 августа

Один год

Каждая частичка моего тела пульсирует. Дикая боль исходит от груди и разливается по рукам и ногам. Я сажусь, пытаюсь выбрать удобное положение, чтобы не задеть синяки и раны, но замираю от хруста стекла, разбросанного повсюду.

Она разбита. Моя прекрасная скульптура. Пол усеивают тысячи осколков, и каждый из них символизирует очередной час, который я потратила на кропотливые поиски морского стеклышка, идеально дополняющего другие.

А теперь от нее ничего не осталось. Как и от меня.

Дотянувшись до кровати, сдергиваю с матраса старенькое оранжевое одеяло и накрываюсь им с головой. Время от времени за окном сверкает молния, озаряя мой кокон красновато-коричневым светом. Комната гудит от звуков проливного дождя, но мне это нравится – заполняет комнату и разгоняет тишину.

Новая вспышка отбрасывает блики на янтарное стеклышко, угодившее в мой кокон. Я быстро отпихиваю его ногой. И при виде, как оно исчезает, мое сердце сжимается. Коннор знал, как много значила эта скульптура. Сколько я засиживалась допоздна, склеивая все воедино.

Он сказал, что всегда будет ею дорожить.

Вместо этого разбил ее в приступе ярости.

Воздух под одеялом нагревается. Я качаюсь взад-вперед, взад-вперед в своем пузыре, где не существует ничего, кроме меня.

Я не знаю, что делать дальше.

У меня никого не осталось.

Как он и хотел.

16 июля

10 месяцев, 16 дней

– Почему бы тебе просто меня не возненавидеть? – Коннор даже не смотрит на меня. Сидит в кресле, уставившись на свои руки. Я знаю, что он изучает белые линии, бороздящие его кожу. Они извиваются на костяшках, как дорожная карта – свидетельство того, откуда он родом. – Почему не видишь, что слишком хороша для меня?

– Я...

– Да, так и есть! И ты это знаешь!

Ненавижу такие моменты. Ненавижу, когда он убеждает меня бросить его. На самом деле он этого не хочет. Я это знаю. В нем говорит вина за содеянное. Это съедает его изнутри.

Бывают дни, когда Коннор мечтает проснуться без меня. Если я уйду, он сможет представить меня счастливой. Иногда мне кажется, что это помогло бы ему больше, чем моя поддержка.

Но для этого уже слишком поздно – я никогда не смогу уйти. Я все о нем знаю. Ему не справиться без меня. Кто тогда будет собирать его по кусочкам и подталкивать в правильном направлении. Я должна все исправить. Склеить все вместе и замазать трещинки в надежде, что никто не заметит подмены.

– Прошу, давай не сегодня, ладно? – говорю я. – Иди сюда. Просто обними меня.

Сидя на кровати, я тяну к нему руки, как мать к ребенку. Но Коннор не шевелится, и мне становится тоскливо без его объятий.

– Нет. На этот раз ты меня выслушаешь. Ты должна уйти, забыть обо мне и никогда не вспоминать. – Он поднимает голову и смотрит на меня, его глаза блестят от слез. – У нас ничего не получится по тысячи причин, и ты это знаешь. Пора взглянуть правде в лицо.

Я смотрю на него в ответ – на эти густые ресницы, обрамляющие ярко-голубые глаза, на светлые волосы, которые спутались от вчера нанесенного геля.

Коннор не выдерживает моего взгляда и отворачивается. Затем вздыхает, потирая шею.

– Но я люблю тебя, – произношу я. На глаза наворачиваются слезы, и одна стекает по щеке.

– Ты достойна лучшего. – Его голос сходит на шепот, но не лишается твердости. Коннор верит в свои слова и хочет убедить в них меня.

– Пожалуйста, – прошу я.

– Нет, – отвечает он уже громче и снова смотрит мне в глаза. – Я ухожу. Просто сяду в машину и уеду куда глаза глядят. Начну все сначала. Я не буду по тебе скучать. Думать о тебе. И тебе будет гораздо лучше без меня.

Я так сильно трясую головой, что слезы летят по сторонам.

– Прекрати реветь, – буркает он.

– Не могу!

– Это ничего не изменит.

Утыкаюсь лицом в колени и рыдаю, мое тело сотрясается от судорожных всхлипов. Я не могу дышать. Слезы отбирают у меня воздух и жизнь.

Я не смогу без него жить. Я больше не знаю, кто я, если не девушка Коннора. Разве он не видит, что от меня осталась только это? Не замечает, что я пожертвовала ради него всем? Что я не подала заявление в колледж, бросила друзей, выбрала его вместо мамы?

Разве он не понимает, что я живу ради него?

– Почему ты так со мной поступаешь? – спрашиваю я, поднимая голову, но сквозь пелену слез вижу лишь расплывчатый образ Коннора. – Почему всегда причиняешь мне боль? Я так с тобой не делаю.

– Так надо. Тебе лучше уйти. Ты просто этого не понимаешь. Я никогда не стану тем, кем ты хочешь меня видеть.

– Но ты уже такой!

– Это ложь, – цедит он.

Так и есть. Я это знаю. Но человек, который сейчас передо мной, появляется лишь на короткое время. Это не весь Коннор. Им все еще управляет прошлое... и гнев. Отец хорошо над ним поработал. Пройдет много времени, прежде чем Коннор станет таким, каким, я знаю, он может быть.

Я хватаю ртом воздух, но выходит поверхностно. Легкие наполняются, но этого недостаточно. Я не могу дышать.

Очевидно, поняв это, Коннор в мгновение ока оказывается возле меня, притягивает к себе на колени и обнимает. Я поворачиваюсь и утыкаюсь лицом ему в плечо. И его рубашка намокает от моих слез.

– Ты мне нужен. Прошу, ты мне нужен. – Не уверена, понимает ли он мои слова. Я сама их едва слышу сквозь рыдание. Комок в горло мешает говорить.

– Прости. Не плачь. Все нормально. Только не плачь.

Понятия не имею, сколько мы так сидим: он укачивает меня и успокаивающе шепчет на ухо. Я плачу, пока слезы не иссякают.

– Ш-ш-ш. Извини. Мне так жаль. Не плачь. Я люблю тебя. Пожалуйста, прошу, не плачь. – Коннор качает меня, поглаживая спину, и я наконец снова могу дышать. Другой рукой он нежно и умиротворяюще перебирает мои волосы. – Пожалуйста, успокойся. Я люблю тебя. Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя.

Я делаю несколько глубоких, медленных вдохов. Слезы почти высохли, и их можно сморгнуть.

– Мне нужно высморкаться, – произношу я гнусавым и охрипшим голосом.

Коннор тянется к комоду и передает мне большое пушистое белое полотенце. Я высмаркиваюсь три раза, чтобы можно было дышать через нос. Но даже после этого остается заложенность.

Мы устраиваемся на кровати, и Коннор притягивает меня к себе, переплетая наши руки и ноги настолько, что не поймешь, где заканчиваюсь я и начинается он. Да мне и не нужно разбираться. Я хочу, чтобы мы были единым целым.

В его комнате темно, как обычно. Звуки радио отходят на задний план, пока я слушаю, как дыхание Коннора смешивается с моим.

И опять есть только мы, спокойствие и тишина. Коннор берет одеяло и укрывает нас, а я придвигаюсь поближе.

Я так от этого устала. Прямо до мозга костей. Боль проникает все глубже. Боюсь, что однажды он действительно уйдет. Решит, что тем самым сделает мне одолжение. Такое ощущение, будто я падаю с горы, цепляясь за все подряд, но ничего не выходит, лишь набираю скорость, а впереди маячит скала, которая не оставит мне шансов.

– Прости, что так себя веду, – шепчет Коннор.

– Угу, – лишь отвечаю я, на большее нет сил. Мои веки тяжелеют и закрываются.

– Не хочу быть таким. Хочу быть счастливым.

Я молчу, сон утягивает меня в свои объятия. Но Коннор не возражает, он зарывается лицом в мои волосы и глубоко дышит. Запах

его одеколону успокаивает меня, как колыбельная.

Так мы и засыпаем. Держась друг за друга до боли в руках.

6 июля

10 месяцев, 6 дней

Сегодня я нашла записку на лобовом стекле. Увидела ее, еще когда подходила к машине, и она вызвала у меня улыбку. Раньше Коннор оставлял мне записки везде: в карманах куртки, в машине, в книжках. Но новых не было много недель.

«Ты у меня такая красивая».

Улыбнувшись, прячу записку в карман. Я храню их все. Они занимают целую коробку в шкафу. Я часто достаю ее и перечитываю слова Коннора.

Когда приезжаю к нему, я знаю, что он в хорошем настроении. Раньше я делала его таким счастливым все время. В каком бы нервном напряжении он ни был, при моем появлении вмиг успокаивался. От этого я чувствовала себя особенной. Но я не как его мама – мне не обязательно проходить через это. Я сама тут решаю. В этом наше отличие. Я выбираю его и любовь к нему, и он это знает.

Но теперь это редко срабатывает. Не знаю почему. Не знаю, когда я перестала иметь для него значение, и не знаю, как это исправить. Мне хочется, чтобы все было как прежде, когда я была для него всем.

Сегодня Коннор приготовил мне ужин и купил цветы, и мы, включив старый фильм с Томом Хэнксом, едим перед телевизором.

Все так уютно. Коннор смеется над фильмом, его голос полон радости, на губах улыбка, а глаза блестят. Это тот человек, в которого я влюбилась. Я хочу смеяться вместе с ним, но не могу. Наверное, функция смеха сломалась, как и все во мне. Если Коннор посмотрит на меня, я разыграю веселье, поскольку хочу, чтобы он оставался счастливым.

Положив вилку на край тарелки, Коннор притягивает меня к себе, и я растворяюсь в его объятиях. Прижимаюсь щекой к его груди и слушаю биение сердца.

Если закрою глаза, то смогу выкинуть все из головы и уйти от реальности. Такие моменты словно маленькие островки в бушующем море, и я хватаюсь за них, прячусь и надеюсь, что меня никто никогда не найдет. Я хочу быть изгоем, как Том Хэнкс, забытой на своем

личном маленьком острове.

Коннор кладет подбородок мне на макушку.

– Я люблю тебя.

Он так часто это говорит, будто боится, что я забуду.

Только мне все равно не верится, что он любит меня так же сильно, как я его. И я хочу, чтобы он это понял. Мне *нужно*, чтобы он это понял. Тогда он бы чувствовал себя иначе. Коннор бы знал, что может завоевать мир, что вместе нас не остановить. Что я всегда на его стороне.

Но скоро он это поймет, ведь скульптура уже почти готова. Нужно лишь подождать пару дней, пока клей схватится. А затем я отдам ее ему, и тогда он наконец прозреет.

– Хочешь пойти погулять? – спрашивает Коннор.

Фильм еще не закончился, но я все равно киваю. Мы видели это кино уже сотню раз – Коннор его обожает.

Он дает мне свою куртку, которую я всегда ношу. Набрасываю ее на плечи и засовываю руки в рукава. Они длинные и теплые. Мне хорошо в этой куртке, она словно броня. Коннор не любит верхнюю одежду. Наверное, он никогда не мерзнет.

Его жилой комплекс маленький, так что до дороги мы доходим секунд за тридцать. Под светом фонарей блестит мокрый асфальт, но летний дождь не портит нам настроение.

Мы идем рука об руку по жилым кварталам, мимо разбитых машин и уродливых сетчатых заборов. На нас рычит питбуль, и Коннор показывает ему средний палец. Не знаю, зачем он это делает, ведь собаке все равно.

В какой-то момент дома становятся больше. Заборы уже деревянные. Машины лучше. Мы ступили на территорию привилегированных – тех, кто понятия не имеет о том, что творится за закрытыми дверьми. Когда-то я принадлежала этому миру, но не думаю, что он принадлежал мне.

И тут я замечаю его. Сердце подскакивает к горлу, дыхание перехватывает.

Все вокруг него исчезает, и перед глазами остается только он. Судя по всему, он тоже нас замечает и застывает, держась рукой за дверь машины. Он смотрит на меня, точно олень, пойманный в свете фар. Слово мы не увидим его, если он не будет двигаться.

Он знает, что произойдет, если Коннор его увидит. Так же как и я.

Как я не заметила, что мы забрели в его район? Как я могла так сгруппироваться и привести сюда Коннора?

– Гм, давай пойдём этой дорогой, – говорю я, дергая Коннора за руку. Он не должен его видеть. Не сегодня. Не тогда, когда у нас все хорошо и когда я просто хочу побыть с ним. Хочу, чтобы прекратилась эта драма, хочу забыть, насколько все испорчено. Я просто хочу гулять в темноте, не думая ни о чем, но теперь уже поздно.

Коннор замечет Блейка. Отпускает мою руку и идет прямо к нему. Мне знаком этот настрой. Коннор ожесточился. Его плечи расправлены, а руки сжаты в кулаки. Шаги широкие и решительные. Я знаю, что каждый мускул в его теле напряжен. Готов.

И я знаю, что будет дальше.

Коннор первым наносит удар. Блейк падает на асфальт, который всего несколько минут назад казался мне таким красивым от свежести дождя.

Но теперь на нем уже не дождь. А кровь.

Я падаю на колени, как и Блейк. Я столько месяцев его защищала. Играла в миротворца и мученицу, сглаживала углы в разговорах, все преуменьшала, избегала Блейка и не упоминала его имени.

А теперь все кончено. Они дерутся.

Но Блейк так легко не сдается. Он встает, и я слышу хруст от встречи его кулака с челюстью Коннора. Таким я его еще не видела. Злым. И я знаю, что все из-за меня. Блейк давно этого хотел: хорошенько встряхнуть Коннора, накричать и открыть ему глаза то, что он со мной сделал.

Каждый раз, когда я стояла перед Блейком, эти слова читались в его глазах, но ни разу не произносились вслух. И вот, во что это вылилось. Вот, что я натворила.

На чьем-то крыльце загорается свет, дверь со скрипом открывается, и раздается крик мужчины.

Коннор отступает и врезается в капот какой-то машины, срабатывает сигнализация. Он пинает Блейка по ноге, и тот, кряхтя от боли, падает и хватается за голень. Тени пляшут под уличным фонарем, сопровождая драку.

Я подползаю к дорожному знаку «Стоп» рядом со мной и с его помощью поднимаюсь.

А потом убегаю. Отворачиваюсь от них, от звуков борьбы. Мои кроссовки ритмично стучат по асфальту. Для такого бега у меня не хватает дыхания, но ноги не хотят останавливаться. Годы в кросскантри и треках укрепили мышцы, которые теперь жаждут былой гонки, так что я не торможу. Куртка Коннора развевается у меня за спиной, как плащ супермена, а застежка дребезжит на ветру.

Я не возвращаюсь в нашу квартиру. Пробегаю мимо нее и уношусь из города к проселочным дорогам. Оставляю позади начальную школу с качелями и горками. Мчусь вдоль канав, заросших камышами и забитых мусором.

Я бегу, пока не оказываюсь перед домом моей мамы.

Но я ни от чего не убежала. Реальность настигнет меня. От того, кем я стала, никуда не деться.

Я сажусь на газон, скрестив ноги, и плююсь на темный дом. Окно спальни мамы выходит на эту сторону, и я понимаю, что она спит. Уже далеко за полночь. Наверное, я бежала больше часа.

Интересно, что бы она подумала, узнав, что я здесь? Если бы заметила, настолько я сломлена. Если бы увидела пожелтевшие синяки на моих плечах, где Коннор хватал меня в последний раз. Если бы она знала, в каком жутком мире я живу, то посадила бы меня под замок и никогда бы не позволила увидеться с ним снова, даже при условии, что я ее за это возненавижу.

Этот дом перестал быть для меня домом, но я все равно скучаю. Хочу открыть дверь, подняться по лестнице и забраться в кровать, где никто меня не достанет, где я буду часами спать без снов. Моя грудь разрывается от желания сделать это – пересечь газон, достать запасной ключ, войти в дом, запереть за собой дверь и больше никогда не открывать ее снова.

Хочу проснуться, съесть блинчики, обсудить поход в торговый центр и свой следующий забег по пересеченной местности. Хочу, чтобы мама рассказала мне о последней безумной идеи бабушки, а затем над этим посмеяться.

Хочу сидеть на кухне и наслаждаться солнечным светом. Хочу помогать маме сажать цветы по весне и луковицы осенью. Хочу смотреть один из ее любимых ужасных черно-белых фильмов и

жаловаться, что он скучный, пока она не отдаст мне пульт, чтобы я могла переключить на «Топ-модель по-американски».

Хочу, чтобы вернулся папа и все наладил, как когда я была маленькой. Он бы пришел и починил мои Барби, накачал колеса на велосипеде. Он мог починить что угодно.

Интересно, смог бы он исправить это?

Тени деревьев танцуют на ветру. Я пытаюсь вспомнить, какой была в последний день в этом доме, но ничего не выходит. Я помню события, но не помню себя. Я больше не знаю прежнюю себя. Она была улыбчивой, веселой и общительной. У нее было все. Весь мир лежал у ее ног.

Хотела бы я иметь все сразу. Встречаться с Коннором, помогать ему и быть той, в ком он нуждается, но в то же время оставаться прежней собой. Но не могу, как и не могу жить без него.

А он погрязнет в своей тьме, если я его брошу.

Он меня ждет, я знаю. Его лицо наверняка опухло, и понадобится моя помощь. Завтра мне придется отпросить его с работы и прикладывать лед к синяку под глазом, а затем мы вместе будем придумывать ему оправдание.

Я не знаю, как наши отношения до этого дошли. Когда они стали такими. Поначалу все было иначе. Все было красиво, страстно и переполнено чувствами, которых я никогда не испытывала. Я так отчаянно хочу их вернуть, что могу словить отголоски.

Я больше не хочу так жить; не хочу этого ужасного водоворота эмоций, который кипит и бурлит при малейшем движении. Только мне кажется, что другой жизни я не знаю, словно предыдущих семнадцати лет не было и в помине. Словно я уже родилась такой.

Я встаю и ухожу от дома. Он такой огромный, нависает надо мной, накрывая тенью. Я больше не могу здесь сидеть.

Разворачиваюсь и медленно иду к городу, к Коннору и его квартире. Вдали океан блестит в лунном свете, пока небо не затягивается тучами.

В последний раз оглядываюсь на исчезающий из виду дом. Дом, в котором я выросла. Дом, наполненный смехом.

Я больше не знаю, что такое счастье.

Я мертва для него.

12 июня

9 месяцев, 13 дней

Сегодня выпускной. Не представляю, как я до него добралась. Не знаю, почему мне вручают диплом. Но горжусь собой. Я заслужила его после такого года.

Коннор где-то здесь. Он тоже мною гордится.

Но мне все равно одиноко. Интересно, мама знает, что сегодня церемония? Интересно, что бы она ответила, если бы я ее пригласила?

Точно бы удивилась, но наверняка бы и обрадовалась.

Я сижу на раскладном стуле в окружении своих одноклассников. Они смеются, обнимаются и говорят, что будут скучать после расставания. А думаю лишь о том, что меня долго не было, но никто из них по мне не скучает.

Я знаю, Эбби сидит где-то сзади, рядом с теми, у кого фамилия начинается на «Р» или «С», и задаюсь вопросом, смотрит ли она на меня. Думает ли обо мне. Мне хочется обернуться и поискать ее. Взглянуть на нее. Но если она посмотрит на меня, как все остальные – будто меня и вовсе не существовало, – то я этого не переживу.

В сторону Блейка я тоже не смотрю, хотя догадываюсь, где он сидит в этом море фиолетовых выпускных шапочек и мантий. Я не видела его с уличной ярмарки на прошлой неделе.

С катастрофы на прошлой неделе.

Одна из моих одноклассниц стоит у микрофона и, сверкая белоснежной улыбкой, говорит о будущем, возможностях и о том, что мы можем все свои мечты воплотить в жизнь.

Это ложь. Судьбы некоторых предreshены с младенчества. Некоторым не дано шанса на будущее. Они получают лишь тьму и украденное детство. И это разрушает их жизнь навсегда.

Церемония длится словно целую вечность. Имя за именем. Вспышки фотоаппаратов и аплодисменты. Неужели это для всех большое событие? Неужели выпускной кажется им поворотным моментом в жизни или хоть чем-то значащим?

Он ничего не значит. Просто выдача листка бумаги.

Когда встает мой ряд, мне хочется сбежать. Я больше не одна из них. Кажется неправильным идти за Вероникой Мастерсон и Виком

Мэтьюсом. Мне здесь не место.

Когда подходит моя очередь, я поднимаюсь на сцену и протягиваю руку за свертком бумаги. Директор кивает на фотографа, и тот делает снимок.

Я не улыбаюсь.

Только собираюсь вернуться на свое место, как вдруг замечаю ее.

Мою маму. Она смотрит на меня своими ярко-голубыми глазами. Ее светлые волосы ниспадают на лоб, отбрасывая тени на лицо, но я знаю, что она смотрит на меня. Мы неотрывно глядим друг на друга. Она пришла. Не могу поверить, что мама здесь. Смотрит на меня. Поддерживает, как некогда на моих соревнованиях по бегу.

Я замираю. Я не разговаривала с ней как минимум месяц. В последний раз это был короткий неловкий звонок. С тех пор она со мной не связывалась.

Мы чужие друг другу. И все же она здесь. Это что-то значит. Я что-то для нее значу.

Директор подталкивает меня вперед, разрушая момент, и я ухожу, но все еще чувствую на себе ее взгляд.

Зачем она пришла? Хочет поговорить? Или забрать меня домой, подальше от Коннора?

Нужно убираться отсюда. Не хочу, чтобы она нашла меня после официальной части и попыталась убедить бросить Коннора. Не хочу повторять один и тот же разговор снова и снова. Не хочу защищать себя и его. Это отнимает слишком много сил. Даже я понимаю, что мои оправдания звучат неразумно и глупо, мне никогда ее не переубедить.

Она никогда его не поймет. Она никогда не поймет нас. Я ненавижу тон, с которым она говорит о Конноре.

Не хочу ее сегодня выслушивать.

Вместе с потоком учеников возвращаюсь к своему ряду, но, когда они поворачивают, я иду дальше. Все пялятся на меня. Перешептываются. Им интересно, что я делаю, только мне объясняться нет смысла. Они все равно никогда не поймут.

Поэтому я просто продолжаю шагать, мимо последних рядов и к выходу. На улице меня ослепляет свет солнца, и я прикрываю глаза. Спотыкаюсь о бордюр и падаю на колени. Не успеваю ничего понять, как к горлу подкатывает желчь и меня тошнит на траву, прямо возле дверей. Глаза щиплет от слез, горло саднит от рвоты.

Так меня и находит Коннор. Он всегда меня находит. Убирает мои волосы с лица и тихо ждет, пока я соберусь с силами. Он привык к миру боли и знает, как себя вести в тот или иной момент. Когда нужно что-то сказать, а когда лучше помолчать.

– Давай уйдем отсюда, – прошу я. Не хочу, чтобы меня видели в таком состоянии. Не хочу, чтобы знали, как я расклеилась.

Коннор помогает мне подняться, и мы уходим, оставляя взрывающийся аплодисментами зал позади.

Это ненастоящий мир. Реальный мир здесь, за дверьми этого зала.

Мой мир.

6 июня

9 месяцев, 7 дней

Сегодня на набережной проходит уличная ярмарка. Мы с Коннором идем туда поесть яблоки в карамели и посмотреть всякие вещички. Делать покупки мы не собираемся, но можно на все поглазеть. Подобные дни идеальны. Ленивые и оторванные от реальности, можно забыть о том, кто ты есть, и притвориться другим человеком.

Сегодня солнечно, это первый по-настоящему жаркий день лета, и мне не терпится провести его с Коннором. Еще не знаю, чем мы займемся вечером, но я что-нибудь придумаю, лишь бы разделить с ним каждую свободную минутку.

При виде ассортимента бейсбольных карточек у Коннора разбегаются глаза, и я отхожу к палатке с масляной живописью. Здесь выставлено множество картин, и они все потрясающие. Изображения лошадей, коров, гор и океанов – каждой природной красоты, которую только можно представить. Я теряю счет времени, рассматривая их. Реальный мир меркнет, пока я изучаю яркие цвета.

Но все становится серым, когда раздается его голос.

– Привет, незнакомка.

Блейк. Мое сердце подскакивает к горлу, то ли оттого, что я давно не виделась с парнем, то ли потому что у соседней палатки спиной к нам стоит Коннор.

Блейк хорошо выглядит: бейсбольная кепка на темных волосах подчеркивает выразительность карих глаз. Рассматривая его, я вспоминаю тот день, когда мы вместе бежали по лесу, снова и снова проигрываю в голове этот момент и пытаюсь сдержать панику.

– Привет. Эм, слушай, сейчас не самое подходящее время, ладно? – шепчу я. Звучит нелепо. Даже для меня.

И Блейк знает, почему я так себя веду. Он выпрямляется и озирается по сторонам, ища в толпе своего противника.

Словно по сигналу Коннор оборачивается и встречается с ним взглядом. Его пальцы соскальзывают с бейсбольных карточек, он резко засовывает руки в карманы и размашистым шагом подходит к нам быстрее, чем я успеваю придумать выход из ситуации.

– Какого черта ты здесь делаешь? – громко спрашивает Коннор.

Слишком громко. Все окружающие его слышат. Я чувствую на себе их взгляды.

Эти люди осуждают меня. Все так делают.

– Ничего, мужик. Просто разговариваю со старым другом.

– Я предупреждал тебя держаться от нее подальше.

Блейк заламывает бровь. Он выглядит одновременно раздраженным и позабавленным, будто Коннор не представляет для него угрозы.

– Насколько я знаю, ты мне не командир.

С моего лица сходит краска, сердце стучит так громко, что я едва различаю их слова. Порываюсь подойти ближе, встать между ними, но Коннор преграждает мне путь. Неужели он думает, что меня надо защищать от Блейка? А может, от своих же кулаков, если решит пустить их в ход?

– Отвали, приятель, – рычит Коннор.

Он несколько крупнее Блейка, но я знаю, что тот сейчас в отличной форме. Это видно по натянутым мускулам его рук и ног, когда он сжимает кулак – скорее для защиты, чем для нападения.

– Мне не нужны неприятности, – заявляет Блейк. Я знаю, что это правда. У него нет причин лезть в драку. – Я просто хочу с ней поговорить.

– Время разговоров закончено.

Блейк делает шаг назад, но не уходит. Вот только на этот компромисс Коннор не согласится. Коннор не идет на компромиссы.

– Ты не понимаешь, что творишь с ней, – не сдается Блейк. – Ты все у нее отбираешь.

– Я бы сказал, это не твое собачье дело.

Блейк издает какое-то утробное рычание, будто пытается подавить желание замахнуться и врезать Коннору по лицу. Меня удивляет эта реакция. Удивляет, что Блейк способен на такую ярость. Но затем он вновь грустнеет и качает головой.

– Ты разрушаешь ее. Разве ты этого не понимаешь? До встречи с тобой она была совершенно другим человеком.

Не в силах больше это выдержать, сажусь на бордюр. Не хочу, чтобы люди решили, будто я с ними. Мне не нравится видеть жалость или любопытство в глазах прохожих, когда они притормаживают, чтобы насладиться драмой, словно это какое-то прикольное телешоу, а не моя

гребаная реальность.

Коннор вытаскивает руки из карманов, чтобы толкнуть Блейка, но тот вовремя отступает. Я знаю, что Коннор сдерживается. Он понимает, что мы в общественном месте и здесь нельзя давать волю гневу, который клокочет внутри.

Они так близки к тому, чтобы сорваться. Очень близки. Танцуют вокруг друг друга, как боксеры на ринге, но никто из них не атакует первым.

– Зачем ты сделал это с ней? Как убеждаешь себя, что все хорошо?

– Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, – отвечает Коннор, его голос мрачнее, ниже с каждым словом. Блейк бьет по больному. Не верится, что Коннор до сих пор не потерял контроль.

– Ты уничтожаешь ее. Если любишь, то прекрати так с ней поступать. Отпусти ее, чтобы она смогла жить своей жизнью.

– Иди на хер, – шипит Коннор.

Блейк лишь смотрит на него в ответ и качает головой – печально и так медленно, что это кажется вечностью.

– Однажды ты все равно ее потеряешь и поймешь, что я был прав. Поймешь, что она гораздо лучше тебя. – Он поворачивается ко мне. – У тебя есть выбор. Ты достойна большего.

А потом Блейк разворачивается и оставляет меня с Коннором.

Оставляет меня с монстром, которого так неосторожно разбудил.

И на секунду мне кажется, что я вправду могу побежать за ним. Бросить Коннора разбираться со всем самостоятельно.

Но затем, снова посмотрев на Коннора, я вспоминаю все свои обещания, которые шептала ему, все клятвы, что всегда буду рядом, собирать его по кусочкам и не давать развалиться, и остаюсь.

Я обещала ему. Всегда и навечно.

Я обещала.

31 мая

9 месяцев, 1 день

После сдачи экзаменов я сижу без дела. Занятия в школе закончились, но церемонии вручения дипломов еще не было, а на своей обычной летней подработке в «Сабвэе» я пока не взяла ни одной смены. Коннор на работе, так что я надеваю спортивные штаны, ветровку, кроссовки и включаю айпод на полную мощность, готовясь сбросить накопившийся стресс.

Сегодня ветрено: прибой пенится, волны неистово разбиваются о берег, выбрасывая на песок всякий мусор. Над водой кружат чайки.

Прекрасный день для поиска морских стеклышек. Они повсюду, и я решаю пробежать сначала несколько миль, а их пособирать на обратном пути, иначе у меня даже пульс не ускорится.

Я бегу по мокрому песку, оставляя за собой следы. Стремительно ускоряюсь, хотя следовало бы потратить немного времени, чтобы разогреться и размяться. Но я не хочу.

У меня так давно не было возможности побегать. Я так долго держала эту страсть похороненной глубоко в себе, пока делала вид, будто никогда не занималась бегом. И как только мышцы разогреваются, а дыхание входит в привычный ритм, все встает на свои места.

Почему я перестала бегать? Почему поступилась?

Коннор хочет, чтобы я была счастлива. Он поймет, если я скажу, что иду на пробежку. Скорее всего, даже поддержит, если узнает, как много это для меня значит. Вот только всегда находится что-то важнее.

Хватит. Я хочу бегать каждый день. Я готова просыпаться в четыре утра, если придется. Я хочу вернуть бег в свою жизнь.

Я хочу вернуть себя.

Я забегаю гораздо дальше, чем планировала. Мелкий желтый песок сменяется камнями, а длинный причал уходит в воду. Развернувшись в обратную сторону, постепенно перехожу на шаг и хватаю ртом воздух. Во мне бурлит адреналин.

Я чувствую уверенность. Жизнь. Как я могла все это забыть?

Вернувшись домой, опустошаю тряпичную сумку на верстак в маленьком гараже. У меня по меньшей мере несколько дюжин

стеклышек: голубых, зеленых, янтарных. Достаточно, чтобы завершить скульптуру. Я думала, что закончу ее еще пару месяцев назад, но было непросто найти время для работы.

Надев резиновые перчатки, начинаю сортировать стеклышки по размеру и цвету. Маленькие пойдут на изгибы скульптуры, а большие – на ровные места.

Беру тюбик с клеем и красное стеклышко. У меня в запасе три часа до прихода Коннора. Если повезет, успею закончить скульптуру сегодня, а подарю уже через пару дней, когда клей высохнет. Коннору понравится. Сейчас ему нужна поддержка.

Включаю радио и, подпевая веселой кантри-песне, беру следующее стеклышко.

Да, я успею закончить ее сегодня. На работу ушло восемь месяцев, скульптура росла вместе с моей любовью к Коннору, став физическим воплощением моих чувств к нему. Наконец-то он поймет, как сильно я его люблю. Он увидит это.

И тогда поверит, что я никогда его не брошу.

28 мая

8 месяцев, 28 дней

Сегодня я едва держусь на ногах. Ночь выдалась тяжелой. Коннору позвонила мама – вся на взводе, – но когда он к ней приехал, то дома никого не оказалось. И остаток ночи он провел в переживаниях о ней. Естественно, мне не удалось поспать.

Подперев голову рукой, я натягиваю капюшон пониже, как вдруг что-то падает на парту.

Карточки с записями. Целая стопка, все исписаны аккуратным мелким почерком.

Почерком Эбби.

Поднимаю голову и сталкиваюсь с ее взглядом, лишенным всяких эмоций.

– Просто прочти все на розовых карточках. Желтые – мои.

На этом она уходит и занимает свое место впереди, а мне остается лишь смотреть ей вслед.

Наш проект. Наш годовой проект, от выполнения которого наполовину зависит выпускная оценка.

Я потратила на него часов десять за весь год. Судя по стопке карточек, Эбби работала над ним в двадцать раз больше.

Я подвела ее. Я игнорировала ее, динамила, сливала и...

Я подвела ее.

Сглатываю подкативший к горлу комок и, взяв карточки, просматриваю их содержание. Тут не меньше сотни, все аккуратно пронумерованы. Половина желтого цвета, а другая – розового.

Знала ли Эбби, что мне это понадобится? Что я не в курсе даже основных моментов нашей презентации?

– Энн, Эбби, ваша очередь.

Поняв, что учитель смотрит на меня, я киваю, снимаю капюшон и беру карточки. Они кажутся тяжелой ношей в моих руках – доказательством ее разочарования.

Мне дурно от мысли, что я бросила Эбби, свалив на нее всю работу. Я игнорировала подругу, будто она ничего не значит. Опять. Снова, снова и снова.

Она могла бы отыграться, рассказав все учителю или просто

позволив мне молча стоять рядом на защите. Вместо этого она спасла меня, хотя я этого не заслуживаю.

Я выхожу к доске, Эбби там уже вешает плакаты.

– Спасибо, – шепчу, перехватив ее взгляд.

Она лишь кивает с тем же бесстрастным взглядом. Сочувствие, теплота, дружелюбие – всего этого нет. Эбби смотрит на меня, как на пустое место.

Это прощание. Так она ставит точку. Так она может отпустить меня, не испытывая угрызений совести. Эбби знает, что я завишу от Коннора, поэтому прежней дружбы между нами уже не будет.

Я окончательно ее потеряла.

Это финальный аккорд наших отношений.

От осознания происходящего у меня чуть не подгибаются колени. Когда презентация закончится, все станет официально. У меня не будет друзей.

Я останусь одна.

20 мая

8 месяцев, 20 дней

Когда я прихожу к Коннору, в квартире подозрительно тихо. Ненадолго задержавшись у двери – все-таки тишина не свойственна этому месту, – иду по коридору в его спальню. Меня сопровождает гулкий отзвук собственных шагов.

Открываю дверь и с удивлением замечаю, что шторы раздвинуты и в окно льется солнечный свет. Коннор сидит на полу, сосредоточенно склонившись над гитарой.

– О, отлично, садись! – Он явно рад меня видеть. Я словно вернулась в прошлое, когда Коннор весь день ждал моего возвращения, считая секунды до того момента, как мы снова будем вместе.

Улыбаясь этим воспоминаниям, киваю и подхожу к стулу.

– Скажи, если узнаешь мелодию. – Его пальцы ударяют по струнам, и звуки акустической гитары заполняют комнату. Мотив знакомый, но у меня не получается разобрать, что это за песня.

Коннор заканчивает играть и, приподняв брови, с нетерпением смотрит на меня.

– Подожди... я ее знаю... не подсказывай...

Он заново проигрывает мелодию, и ноты плывут по воздуху. Его пальцы проворно и изящно перебирают струны.

Коннор снова смотрит на меня, а я все никак не могу узнать эту песню. Я безнадежна, в голове крутятся тысячи вариантов, но нет нужного.

На лице Коннора отражается разочарование, но у меня нет ответа. Зато его голубые глаза так и светятся этим знанием, пока я изо всех сил пытаюсь подобрать правильную песню.

– Это «Forever Yours», – произносит он, не дав мне больше времени на размышления.

– Ой! – восклицаю слишком громко. – Моя любимая песня.

– Да.

Я улыбаюсь, желая убедить Коннора, что его сюрприз мне понравился, но он откладывает гитару. Я все испортила. Не узнала свою любимую песню. Отобрала у него момент славы.

– Я потратил на это три часа, – жалуется Коннор.

– Сыграй еще раз. Пожалуйста. Это было прекрасно. А теперь мелодия зазвучит еще лучше, ведь я знаю, что это за песня.

Несколько секунд он просто бренчит по струнам, словно не услышал меня, словно вообще не собирается отвечать, а затем, кивнув, снова подхватывает мотив, и я испытываю облегчение.

Ужасно, что любая мелочь так весома. Каждую минуту каждого дня мне приходится следить за собой, подбирать правильные слова, чтобы не испортить Коннору настроение.

А вместе с этим и мой день.

Я устала постоянно балансировать на грани, где любой неверный шаг грозит падением.

Когда звуки музыки снова заполняют комнату, я ложусь на кровать и рассматриваю текстурную поверхность потолка. Коннор сидит всего в двух шагах от меня, но кажется, будто он очень далеко. Между нами глухая пропасть, которую я вряд ли смогу преодолеть.

Я знаю, что он три часа репетировал ради меня и что все впустую, но мне это и не было нужно. Пусть лучше перестанет все усложнять. Я хочу видеть на его лице улыбку, а не постоянное напоминание о том, что мое желание невыполнимо.

Хочу, чтобы он чувствовал себя цельным без моей постоянной поддержки и помощи.

Мне надоело переживать из-за любой совершенной ошибки. Я хочу легкости и счастья в отношениях, а не ходить по раскаленным углям каждую минуту. Хочу видеть его улыбку в ответ на мои промахи.

Хочу, чтобы мы гуляли с моими друзьями. Чтобы он приходил к нам с мамой на ужин и я могла оставить их наедине, не переживая о том, что они наговорят друг другу.

От таких мыслей у меня ноет в груди, я чувствую слабость во всем теле.

Я хочу, чтобы он прощал мои ошибки. Чтобы они забывались в тот же день, а утро начиналось с чистого листа. Не хочу, чтобы мои промахи накапливались, громоздясь все выше и выше, как картонный домик, готовый рухнуть от малейшего ветерка.

Хочу, чтобы Коннор смотрел только в наше совместное будущее, оставив гнетущее детство позади. Хочу, чтобы он сосредоточился на своей работе и квартире и притворился, что у него вообще нет родителей, что я и есть его семья, что вместе мы обретем счастье и

добьемся успеха, независимо от обстоятельств.

Хочу, чтобы все было так, как я представляла при нашем знакомстве. Так, как мечтала, произнося три заветных слова.

Но он никогда не отпустит свою боль. А это все, чего я для него желаю.

30 августа

Один год

Я все еще сижу на полу, закутавшись в одеяло и раскачиваясь взад-вперед, когда слышу хлопок двери машины. Предательский скрип подсказывает мне, что это пикап Коннора. Я узнаю этот звук где угодно.

Мое сердце сжимается, замирает на мгновение, а затем начинает стучать с бешеной скоростью. Грудь будто вот-вот разорвется. К горлу подкатывает желчь.

Коннор вернулся.

Не представляю, как долго его не было. Я потеряла чувство времени, как только заняла это место посреди беспорядка и побоища. Прошли минуты или часы? Он вернулся, потому что все еще зол или потому что осознал, что натворил?

Сегодня все хуже, чем когда-либо. Коннор должен это понимать. Он же не думает, что может просто войти, извиниться и обнять меня?

А позволила бы я ему?

Смотрю на дверь. Она закрыта на цепочку. И на засов, от которого у Коннора нет ключа, потому что он его потерял. Он не сможет войти, только если я сама его впущу. А это произойдет не раньше, чем я буду готова.

Если только Коннор не выкинет что-нибудь из ряда вон выходящее – например, разобьет окно. Сможет ли он это сделать? Настолько ли он зол? А может, он мучится от переживаний, осознав, что в этот раз зашел слишком далеко?

Я прислушиваюсь к его приближающимся шагам, и с каждым звуком мое дыхание становится все чаще.

Я боюсь его.

Я действительно его боюсь.

18 мая

8 месяцев, 18 дней

Не понимаю, что его так взбесило.

Началось все с того, что он пытался помыть две тарелки и разбил их. А теперь Коннор мечется и сбивает со стены все фоторамки. Когда я подхожу, чтобы поднять их, он резко разворачивается ко мне.

– Убирайся, – рычит он. – Меня тошнит от одного твоего вида.

Интересно, куда, по его мнению, я должна идти? Домой к маме? Не успею я переступить порог, как по моим покрасневшим глазам она догадается, что это из-за него. Все станет намного сложнее. Она захочет узнать подробности. А мне и за целый день не объяснить происходящее. Никто этого не поймет.

Не обращая внимания на злобу в его голосе, я сажусь на корточки и собираю осколки стекла.

– Я просто приберу мусор. Ты ведь босиком.

Но Коннор, пропустив мои слова мимо ушей, наступает на стекло и пинает меня ногой. Не удержав равновесие, я падаю и ударяюсь головой о стену. Меня тут же ослепляет вспышка боли.

– Я не хочу, чтобы ты видела меня таким. Просто уйди, – повторяет он.

Я делаю медленный вдох, пытаюсь потянуть время.

– Коннор, присядь, ладно? Пойди сыграй на гитаре или...

– К черту эту дурацкую гитару!

Я сглатываю и борюсь с желанием взглянуть на него. Ярость всегда искажает лицо Коннора. Мне не нравится смотреть на него, когда он в таком состоянии. Когда гнев утихает, этот уродливый образ преследует меня, словно привидение. Витает рядом. Мелькает в глубине голубых глаз, даже когда Коннор улыбается. Напоминает мне, что еще вернется, что все будет повторяться снова и снова, пока я не пойму, как стать той, кем он хочет.

Тяжело сглатываю и, подобрав под себя ноги, медленно встаю, потому что не знаю, что последует дальше, когда вновь окажусь на ногах.

Коннор задумчиво наблюдает за мной, и я понимаю, что сейчас он мне все выскажет.

Но, к моему удивлению, он молча толкает меня к стене и нависает сверху. Пол вокруг нас усыпан стеклом.

Лицо Коннора так близко, что наши носы соприкасаются.

– Какого хрена ты тут рассиживаешься? Какого хрена стоишь у меня на пути?

Я медленно сглатываю комок в горле. Когда он такой, слово за ним. Я никогда не отвечаю.

– Ты что, тупая? Хочешь, чтобы я тебя ударил?

Дышу рвано через рот – нос уже заложен из-за слез. Ненавижу это. Хочу, чтобы все поскорее закончилось.

Он сейчас так уродлив. В таком состоянии его глаза пусты. Коннор исчезает – гнев поглощает его. Тяжелое детство сделало его таким.

Что есть, то есть. Сейчас остается лишь ждать, когда злоба испарится и он ко мне вернется.

Вернется и станет плакать из-за того, что сделал со мной. Будет оправдываться, просить прощения. Но это не предотвратит повторения.

Я не знаю, что делать. Может, и правда бросить его, тогда ему станет лучше? Размышляю над этим буквально долю секунды, пока боль не пронзает мою грудь вместе с осознанием, что я не смогу так поступить, что я слишком сильно его люблю. Даже от малейшей мысли об уходе мое сердце жалобно щемит.

В доме все замерло. От пристального взгляда Коннора по коже пробегает мороз. Минуты сменяют друг друга, а я не шевелюсь в ожидании, когда хаос вырвется на свободу. А это произойдет. Так всегда бывает.

Однако Коннор просто продолжает смотреть на меня с этим мерзким выражением в глазах, внутри меня что-то щелкает, и я толкаю его. Сильно. Он не успевает среагировать. Оступается и падает на стекло, рана ладонь.

Я застываю от шока. Не понимаю, как могла такое сотворить. Не понимаю, как потеряла контроль после месяцев молчаливого повиновения. Я стою с округлившимися глазами, в то время как во мне поднимается страх, сковывая желудок и горло.

Мне не следовало этого делать.

Коннор молниеносно вскакивает и снова нависает надо мной. Я отступаю, но лишь ударяюсь головой о стену. Теперь виски пульсируют

под стать бешено колотящемуся сердцу.

– Тебе не следовало этого делать, – произносит он, вторя моим мыслям. Голос спокойный. Ровный. Убийственный. Лучше бы он вышел из себя.

Потому что сейчас Коннор планирует, обдумывает свой следующий шаг.

А затем он отворачивается и выпускает монстра наружу.

Первым в ход идет наполовину съеденный ужин, который пролетает через комнату и растекается красным пятном по стене. Следом стул проносится всего в нескольких дюймах от моей головы.

Кровь из пореза на ладони Коннора въедливо капает на ковер.

– Почему бы тебе просто меня не возненавидеть?

Он не ждет ответа. Тупо разрушает это место. Схватив пульт, запускает его через всю комнату в зеркало, и оно покрывается паутиной трещин.

А я думаю лишь о семи годах неудач. Словно это имеет значение, словно у нас она вообще была, эта удача.

– Ты достойна лучшего! Ты слишком хороша для всего этого!

Он хватает лампу, и вот она уже вместе с проводом летит через комнату.

Все заканчивается так же быстро, как и началось. Коннор молча опускается на пол. Ни слез, ни криков, ничего. Он опустошен.

Я прохожу через весь этот хаос, ложусь рядышком и кладу голову ему на колени. Кажется, он меня не видит. Взгляд стеклянный. Он просто перебирает мои волосы одной рукой, я закрываю глаза и пытаюсь забыться.

Мы идем по пути без счастливого конца, и уже слишком поздно повернуть назад.

14 мая

8 месяцев, 14 дней

В городскую кофейню, где я торчу в очереди, ожидая свой заказ, заходит Эбби. От одного взгляда на нее у меня сводит желудок. Почему эта встреча не произошла в другой день? Когда бы я, приняв душ и нарядившись во что-то яркое и милое, смеялась, стоя вместе с Коннором.

Но это всего лишь я. Уставшая после очередной тяжелой ночи Коннора. Покупаю кофе – хотя он мне даже не нравится – для того, чтобы кофеин помог продержаться на экзаменах.

И теперь не остается ничего другого, кроме как ждать, когда подойдет Эбби. С робкой улыбкой на лице она долго разглядывает меня, а затем спрашивает:

– Как ты?

Она и так это знает. Видит. Неужели ей нужно, чтобы я произнесла это вслух? Чтобы призналась, как я устала, напугана и измождена?

– Хорошо.

Ложь. И она это знает, но не перечит.

– Здорово.

Мне хочется обнять ее. Выйти с ней под руку из «Старбакса», сесть в ее машину и уехать куда угодно. Притвориться, что ее жизнь – это и моя жизнь. Я могла бы жить, как она. Точно знаю. Жить в мире, где родители сидят за обеденным столом и спрашивают, как прошел день, где они поправляют тебе одеяло перед сном, а ты раздраженно закатываешь глаза, хотя втайне радуешься этому.

– Мама спрашивала, почему ты к нам больше не заходишь.

Передо мной ставят кофе. Можно просто уйти. Не обязательно ей отвечать.

– И что ты ей сказала?

– Потому что ты меня ненавидишь, – произносит она обыденным тоном. Словно эти слова для нее ничто.

– Я тебя не ненавижу. – Мой голос едва отличим от шепота.

Изучаю ее лицо, чтобы понять, неужели она действительно так считает. Это ведь я отказалась от нее, а не наоборот. Это я игнорировала

ее звонки и едва кивала в школьных коридорах. Плохая роль отведена мне. Эбби не сделала ничего, чтобы заслужить ненависть.

Вместо ответа она молча ковыряет свои ногти, и мы стоим в тишине – две старые подруги, которым больше нечего сказать друг другу.

– А Коннор? Как он?

И это она тоже знает. Эбби знает, кто он, и этого достаточно.

– Хорошо.

Хорошо. Все хорошо. Очередная ложь. Не знаю, почему я продолжаю упрямо твердить это.

Эбби начинает уходить.

– То есть...

Сама не знаю, что хочу сказать. Не знаю, почему ее остановила.

Эбби поворачивается ко мне и впервые смотрит в глаза.

Она видит, кем я стала, жалеет меня. Тишина между нами осязаема, тягостна, и нам больше не нужно ничего говорить, мы и так знаем все, что осталось невысказанным.

И тут Эбби меня обнимает. Объятие длится на несколько секунд дольше положенного, и, закрыв глаза, я растворяюсь в нем. Уже много месяцев я не ощущала себя в такой безопасности, как сейчас.

А затем, больше не взглянув на меня, она уходит.

Эбби – настоящий друг. И мне бы хотелось ее вернуть.

7 мая

8 месяцев, 7 дней

Мне кажется, я беременна. Не представляю, как это произошло и что теперь делать. Весь день я бегаю в туалет при малейшем спазме внизу живота, надеясь, что это месячные, но нет.

Мы же были так осторожны...

Прежде чем сообщать Коннору, мне нужно убедиться на сто процентов. У него и так ворох нерешенных проблем. Нельзя сейчас вешать на него еще и это. Он просто не справится.

В школе я никак не могла сосредоточиться – все высчитывала дни на пальцах, в тетрадях, но результат оставался прежним. У меня двухдневная задержка.

Этого не может быть. Это все разрушит. Станет последней каплей. Наверное, кто-то в состоянии справиться с такой проблемой. Но не мы. Не сейчас.

На физкультуре было хуже всего. Мы играли в баскетбол, но после того, как в меня третий раз попали мячом, я ушла, сославшись на плохое самочувствие.

И это правда. Мне реально дурно. Не знаю, то ли дело в беременности, то ли в моих переживаниях по этому поводу. В любом случае, я испытываю слабость и тошноту. Мне нужно прилечь. Спрятаться в какой-нибудь темной дыре, где меня никто не найдет.

Нам нельзя заводить ребенка. Не сейчас. Не в этом мире. Сперва нужно все наладить. Научиться заботиться о самих себе, а Коннору – контролировать свой гнев и быть счастливым. Забот хоть отбавляй.

Я ухожу перед шестым уроком. Когда выезжаю с парковки, из-под колес моей маленькой машины разлетается гравий. Охранник это замечает и записывает мой номер, но мне плевать. Меня точно накажут, оставят после уроков. Звучит так глупо, так по-детски. Они вправду думают, что меня это волнует?

Еду в соседний город Абердин, чтобы найти аптеку, где меня никто не узнает. Мне так стыдно, хотя я уже совершеннолетняя. Могло быть и хуже. Но все кажется таким неправильным.

Я покупаю сразу три теста – для полной уверенности. Не хочу возвращаться сюда, если одного будет недостаточно. Не хочу, стоя на

кассе, молиться, чтобы продавец выдал непрозрачный пакет. Ненавижу каждую секунду происходящего.

Живот сводит до боли.

Этого не может быть. Это все испортит. Погубит меня, сломает Коннора и разозлит маму. Она наверняка меня возненавидит.

Припарковавшись у «Макдональдса», сижу и пялюсь на эти дурацкие золотые дуги. Они выглядят так ярко и весело – складывается впечатление, будто они надо мной насмеваются.

Не могу пошевелиться. Осталось только зайти внутрь и сделать тест. Если результат окажется положительным, это все изменит. Мне с этим не справиться. Это будет означать, что моя жизнь действительно кончена. Это будет означать, что я больше никогда не стану прежней. Никогда не стану той, кем когда-то была.

И мне придется сообщить о беременности Коннору. Не думаю, что смогу это сделать. Не думаю, что смогу взвалить на его плечи такой груз, когда он и без того завяз в проблемах. Не хочу увидеть разочарование и отчаяние в его глазах, а они точно появятся. Ребенок не заслуживает такой реакции, не заслуживает того, что я испытываю сейчас – величайший ужас и страх. Ребенок должен стать счастливой новостью, а не предвестником конца.

Спустя час я наконец-то засовываю все три коробочки в сумку. Если не сделаю это сейчас, то потом уже не решусь. Я должна знать. Неопределенность убивает.

Иду по кафельному полу, как по узкому бревну, а эти тесты – моя персональная алая буква, выставленная на всеобщее обозрение.

Туалет пуст. Выбираю большую кабинку для людей с ограниченными возможностями и вешаю сумку на дверь. Трясущимися руками кладу коробочки с тестами на держатель для туалетной бумаги, спускаю джинсы и сажусь на унитаз.

И вижу результат... а затем осознаю его в полной мере.

Я не беременна.

Меня охватывает невероятное облегчение. Прячу лицо в ладонях и рыдаю.

В одиночестве, в туалете в «Макдоналдсе».

30 апреля

8 месяцев

Я два дня не ходила в школу. Два дня всех избегала и сутками лежала в кровати, закутавшись в одеяло до самого подбородка. Даже шторы не раздвигала.

Но пора возвращаться на занятия, пока не пропустила слишком много. Пока они не позвонили маме.

Притаскиваю в крохотную ванную табуретку, сажусь и при ярком свете рассматриваю свой смачный синяк под глазом.

Осторожно прикасаюсь к самому темному месту и морщусь. По-прежнему больно, хотя прошло уже несколько дней. По краям фингал слегка пожелтел.

Залезаю в косметичку в поисках лучшего консилера. Достая странноватую зеленую мазь, втираю ее в кожу под глазом, поверх наношу тональный крем и пудру. Нужно просто замазать синяк так, чтобы никто не заметил. В класс можно забежать не поднимая головы. Синяк сойдет, и никто не узнает, что он вообще был.

Рассматриваю цвет кожи под глазом после нанесения очередного слоя пудры.

Никаких улучшений – мое лицо словно запачкано блинным тестом.

Беру губку и смываю косметику, но из-за давления начинает болеть все лицо.

На мгновение отвожу взгляд на линолеум и делаю несколько глубоких вдохов, чтобы унять эмоции, поднимающиеся в груди. Это глупо. Мне просто нужно скрыть синяк и пойти в школу.

У меня получится.

Схватившись за раковину, устремляю взгляд на свое отражение.

И не узнаю себя.

Непроизвольно моя нижняя губа начинает дрожать. Сначала совсем немного, а затем трясется так, что приходится ее прикусить. Отражение размывается, но я вижу, как крупные слезы, наполнив глаза, стекают по щекам и каплют с подбородка – одна за другой.

Девушка в отражении – не я.

Это кто-то другой.

Не я.

Наблюдаю за ней. Постепенно ее голубые глаза краснеют. В них уже нет блеска, они пусты.

Она – это зомби-версия меня. Восставшая из мертвых.

Это не могу быть я.

Закрываю глаза, не в силах больше на нее смотреть.

Школа может подождать. Один день погоды не сделает. К тому же сегодня пятница. А к понедельнику синяк пройдет, и никто о нем не узнает.

Мне лучше вернуться в кровать, где внешнего мира не существует.

Смахиваю на пол всю косметику, затем выключаю этот неприятный резкий свет и выхожу за дверь.

Забираюсь обратно в кровать. Когда проснусь, возможно, этой уродины из отражения уже не будет.

27 апреля

7 месяцев, 28 дней

Когда Коннор сказал: «Тебе повезло, что я не бью девушек», следовало догадаться, что однажды так и выйдет.

И вот, пожалуйста. Он меня ударил. В голове не укладывается. От шока я впадаю в ступор, снова и снова мысленно прокручиваю одну и ту же картинку: его кулак врезается в мою щеку, и раздается громкий треск при столкновении.

Коннор не мог так со мной поступить. Он бы никогда меня не ударил. Он бьет вещи, а не людей. Сам так сказал еще в первый месяц наших отношений, когда я увидела его шрамы на костяшках пальцев.

Он любит меня так же сильно, как и я его. Он бы никогда не причинил мне боль.

Судя по его лицу, он ошеломлен даже больше меня. Все это произошло на самом деле.

Он меня ударил.

Я проигрываю ситуацию раз за разом, пытаюсь все переварить. Смотрю на Коннора. Лицо горит от боли. Этого не было. Он уже не выглядит злым. Этого не могло произойти.

Падаю на пол, но Коннор успевает меня подхватить. Относит меня на диван и бережно усаживает, словно я стеклянная, словно могу разбиться.

Он не понимает, что я уже разбита.

По его щекам бегут слезы, а он все повторяет:

– Прости. Мне ужасно жаль.

Такое ощущение, что Коннор далеко-далеко. Я полностью ушла в себя, не могу ответить, не могу говорить.

Он это сделал. Он меня ударил.

Коннор прикасается к ушибу костяшками пальцев. Уверена, щека покраснела. Чувствую, как она опухает, раздувается, распространяя жар по лицу. Глаз заплывает.

– Боже, Энн, мне так жаль, – продолжает твердить он. Снова и снова. Это его мантра. Ему жаль. Он целует мое лицо, руки и плачет. – Клянусь, я не хотел. Не знаю, что на меня нашло. Мне так жаль. Очень, очень жаль.

Я знаю, что ему жаль. Знаю, что он не хотел этого делать.

Так же как я знала, что однажды он меня ударит. В нем всегда сидел монстр, и я знала, что однажды тот вырвется наружу.

И хотя я думала, что готова, оказалось – нет.

Что делать, если единственный человек, в чьей заботе вы нуждаетесь, причинил вам боль? Как можно в равной степени отчаянно желать, чтобы он обнял меня и оставил в покое?

– Пожалуйста, – шепчу я, и мне больше нечего сказать, – пожалуйста.

Сама не знаю, о чем прошу. Сейчас я хочу лишь одного – отмотать назад последние десять минут и стереть все.

Этого не было.

Нет.

Этого не было.

Коннор громко рыдает. Больше мне не удастся разобрать его слова, потому что все они сливаются в бессвязный лепет в перерывах между всхлипами.

То, что он меня ударил, его сломало. Он сам сделал то, чего не удалось его отцу.

Сколько раз он оплакивал себя, свое тяжелое прошлое, но еще никогда так не рыдал.

Однако теперь Коннор знает. Знает – как и я всегда чувствовала на подсознательном уровне, – что в нем живет монстр. Прячется в глубине его глаз, растет, меняется и выжидает.

И вот оковы пали. Теперь мы оба знаем, кто он такой.

Мы оба знаем, *что* он такое.

Коннор больше не может этого отрицать.

Как и я.

25 апреля

7 месяцев, 26 дней

Я редко вижу Коннора в таком настроении: когда он улыбается и сыплет шутками. Такие моменты подпитывают мою надежду, что однажды он снова станет самим собой. Если нам удастся жить для себя, без оглядки на его тяжелое прошлое, есть шанс, что он всегда будет таким.

Люди нас не понимают. Не понимают меня. В их мире существует только черное и белое, они считают, что Коннор делает меня несчастной, что мне следует уйти к другому и что я заслуживаю лучшего.

Но мир не делится на черное и белое. Он серый. Бесконечно серый мир.

Людям невдомек, что в Конноре есть нечто большее. То, что он показывает только мне. Они не знают, что по ночам он говорит мне, какая я красивая. Мечтает о том, сколько всего преподнесет мне, когда закончится черная полоса. Им не понять, что он готов отдать за меня жизнь.

Сегодня мы выходим в море под парусом. На прошлой неделе Коннор пропустил наше свидание и, чтобы снова арендовать лодку, потратил собственные деньги. Я знаю, что он не может себе этого позволить и ему придется отложить счет за электричество, чтобы мы покатались.

Но мне плевать, потому что в этот день я смогу выбраться из тьмы.

Взяв меня за руку, Коннор рассказывает о ночевке на лодке. Он хочет пришвартоваться к бую в бухте и провести ночь, слушая плеск воды и не думая ни о чем.

Это лучшее предложение в моей жизни.

Коннор настоящий моряк. Он показывает мне, как отвязать лодку, потом через низкий релинг затаскивает внутрь кранцы, и мы отплываем от причала. Я держу штурвал, Коннор тем временем натягивает и закрепляет фал. Несколько секунд, и лодка набирает скорость, мы плавно скользим по воде, а затем Коннор заглушает мотор.

Тишина прекрасна. Слышен лишь плеск воды о борт и

трепетание паруса, когда Коннор направляет лодку против ветра.

Он целиком сосредоточен на своем занятии. Я вытягиваюсь на скамье навстречу солнечным лучам и расслабляюсь. Впервые за несколько недель напряжение покидает мое тело, и я позволяю себе помечтать о такой жизни, где Коннор счастлив и все... легко.

– Ты очаровательно смотришься на лодке, – спустя около часа замечает он. – Она тебе идет.

Я открываю глаза и, все еще пребывая в сладком блаженстве, смотрю на него.

– А ты очарователен, когда ею управляешь.

Коннор искренне улыбается в ответ.

– Я тебя люблю.

– Я знаю. Я тоже тебя люблю.

Он склоняет голову набок и внимательно смотрит на меня, его голубые глаза искрятся таким чистым счастьем, что у меня наворачиваются слезы радости, и я передвигаюсь поближе к нему. Удерживая штурвал одной рукой, второй Коннор обнимает меня. Ветер бросает мои волосы ему в лицо, но парень не отстраняется.

– Я так рад, что встретил тебя. Ты для меня все. Без тебя я бы не справился. Я бы уже давно сдался.

И он не преувеличивает. Помню, были ночи, когда ему хотелось пойти спрыгнуть с моста, но он знал, что я его не брошу, что вместе мы все преодолеем и что у него может быть другая жизнь. *У нас* может быть другая жизнь.

Я прижимаюсь к нему сильнее, хотя куда уж там.

– Как бы мне хотелось, чтобы мы проводили так каждый день. Чтобы вся наша жизнь была такой.

Киваю.

– Однажды так и будет. Мы возьмем лодку, загрузим ее едой, удочками и обогнем весь мир. И никому не оставим свои телефонные номера, и никто не сможет с нами связаться.

Коннор вздыхает и целует меня в висок. Закрыв глаза, я загадываю желание, хотя рядом нет ни падающих звезд, ни волшебной пыли, ни дужек.

Я желаю нам продержаться вместе достаточно долго, чтобы это сбылось.

18 апреля

7 месяцев, 19 дней

Сегодня мы собирались выйти под парусом. На один день забыть о проблемах, которые нас преследуют, поплавать и побыть вдвоем.

Но Коннора нет. Я сижу на пристани рядом с нашей арендованной лодкой, слушая крики чаек, плеск воды, и жду.

И жду.

Но его нет. Я не знаю почему. Пытаюсь представить, чем он занят, что могло его отвлечь от любимого занятия.

Хотя это неважно, даже когда он все объяснит, я не пойму. Я никогда не пойму, что им движет, потому что никогда не жила его жизнью. Потому что он прошел через такое, что мне и в страшном сне не приснится.

Хорошо, что поблизости никого нет. Прохожие наверняка бы смогли увидеть, как мои надежды, словно реальные предметы, разбиваются о волны, как они тонут, исчезая навсегда. И тогда они бы меня пожалели, а я этого не хочу. Мне это не нужно. Я сама выбрала эту жизнь и не хочу, чтобы меня кто-то жалел.

Ложусь на дощатый настил, прислушиваясь к окружающим звукам, и прощаюсь с надеждой увидеть Коннора.

Ерунда. Это все равно не обмануло моих ожиданий.

1 апреля

7 месяцев, 2 дня

Сегодня у Коннора день рождения, всего через две недели после моего. Ему исполняется девятнадцать.

Его отца нет уже четыре дня, и мы оба надеемся, что он больше не вернется. В его отсутствие все так спокойно. Коннора покидает напряжение. Ему не приходится бегать туда-сюда, присматривая за своей мамой. Он может быть собой, как и в те первые несколько недель нашего знакомства, когда Джек и Нэнси разошлись в очередной раз. Надеюсь, в этот раз их разрыв продлится дольше. В идеале – до конца жизни.

Коннор еще на работе. Он не так давно устроился, чтобы брать отгул, хотя ему бы этого очень хотелось.

Нэнси впервые в его квартире, и мы вместе печем торт. Сегодня она выглядит счастливее: морщинки немного разгладились, волосы не кажутся такими седыми.

Наконец-то я понимаю, каково это – жить без Джека. Вот бы он просто взял и исчез. Никто из нас не стал бы по нему скучать.

Немного странно проводить время с Нэнси. Очевидно, я ей нравлюсь. Всю жизнь она балансировала на краю пропасти, стараясь всячески угодить Джеку, сделать его счастливым. Всю жизнь ей приходилось выбирать между мужем и сыном. Она понимает, что не смогла стать для Коннора той опорой, которой стала я.

Коннор всегда был один. Несмотря на всю любовь к нему, она никогда не могла его защитить. Даже когда Коннор жестко впрягался, чтобы защитить ее. Он не винит ее за это, но, думаю, виню я. Мне хочется понять, почему она оставляла Коннора в обществе такого человека, как Джек, особенно когда он был маленьким и беспомощным. Хочется спросить ее, почему она просто не могла с ним развестись.

Зачем разрушила жизнь Коннора? Почему не бросила Джека и не нашла другой дом, другого человека? Интересно, каким стал бы Коннор, если бы она все же на это решилась? Была бы жизнь с ним такой же легкой, как я себе представляю, не будь у него столько душевных ран.

Нэнси готовит большую порцию тамале – его любимого блюда, –

а я покрываю торт глазурью. На стареньком магнитофоне, встроенном под кухонными шкафчиками, играет кантри.

Я чувствую, что Нэнси хочет мне что-то сказать. Буквально вижу повисшие между нами, как большое облако, слова, и жду, когда они прольются.

Это странно. И немного неловко. Я знаю, чего ожидать от своей матери в подобной ситуации. Осуждения. Она хочет как лучше, но ее настаивания на том, что я заслуживаю большего, переходят все границы, это ужасно раздражает. Между нами непрекращающееся противостояние, и она не сдастся, пока я не брошу Коннора.

В результате я стараюсь ее избегать, и все становится лишь хуже. Мне хочется, чтобы она наконец это поняла и перестала все общение сводить к обсуждению Коннора. Почему она не может спросить ни о чем другом, кроме него?

Но с Нэнси все иначе. С Нэнси лишь тишина.

Коннор возвращается домой как раз к ужину. Он весь в опилках, но улыбается нам и по дороге в душ целует меня.

– Буду через двадцать минут.

Но Нэнси его не суждено дожидаться. Звонит Джек, и она молча уходит, лишь оглянувшись перед тем, как захлопнуть дверь. Выйдя из ванной, Коннор застает только меня.

И без вопросов все понимает. Схватив тарелку, он улыбается мне, но уже не той улыбкой, что двадцать минут назад.

Мы приготовили слишком много тамале – больше, чем сможем съесть, – поэтому порция Нэнси останется на сковороде нетронутой. И когда мы садимся друг напротив друга за стол, тишину прерывают лишь стук вилок и ножей.

– Я испекла тебе торт, – завожу разговор.

– Спасибо, – отвечает Коннор, пережевывая пищу.

Вот бы Нэнси осталась и не портила этот день, хоть на один вечер выбрала Коннора вместо Джека.

Но я осведомлена о последствиях такого поступка и понимаю, почему она ушла.

После ужина счищаю остатки еды в мусорное ведро. Мы все не осилили. Еще много осталось. Сковородка стоит на плите, как неоновый знак.

Коннор присоединяется ко мне в гостиной на диване, купленном

в «Армии спасения». Телевизор он пока не приобрел.

Я достаю из-под дивана маленький упакованный подарок и вручаю ему.

– Не стоило заморачиваться.

– Нет, стоило. Открой его.

Малюсенькая коробочка обернута в серебристую бумагу и повязана прозрачной ленточкой – я так тщательно все подбирала. Коннор разрывает упаковку и снимает крышку. Внутри лишь листок бумаги, и Коннор с недоумением смотрит на меня.

– Это бронь. Мы отправляемся в плавание.

Его глаза загораются. Я хорошо постаралась.

– О, детка, спасибо. – Он обнимает меня, и я закрываю глаза, наслаждаясь моментом.

У его отца была парусная лодка, когда Коннор был маленьким. Всего год, но Коннор очень увлекся. Он постоянно об этом рассказывает.

Не могу дождаться. Целый день в нашем распоряжении – только я, он и вода. Надеюсь, все пройдет спокойно. И мы проведем хотя бы один день подальше от всего.

Интересно, что было бы, если бы мы могли просто уплыть и не вернуться.

19 марта

6 месяцев, 19 дней

Не хотела сегодня пересекаться с мамой, но, пока я копалась в своей комнате, она вернулась домой.

Сегодня мой восемнадцатый день рождения, я собираюсь переехать к Коннору и больше не возвращаться.

Он живет на другом конце города – не очень далеко отсюда, и я останусь там, потому что здесь чувствую себя непрошеным гостем.

Я устала от мамы, устала от ссор. При каждой нашей встрече она заводит разговор о Конноре. Всегда только о нем, я для нее невидимка. Она использует любой предлог, чтобы выкинуть колкость в его адрес, раскритиковать наши отношения, найти слабые места и выставить их напоказ.

Если она думает, что так заставит меня выбрать ее вместо Коннора, то ошибается.

Я устала от необходимости защищать его. Она не понимает, каким я его вижу. На первый взгляд Коннор может показаться плохим человеком, равнодушным и холодным, но если дать ему шанс, то он не разочарует.

Несмотря на то, что люди всю жизнь его принижали, они не смогли убить в нем желание лучшей жизни. Он получил диплом о неполном среднем образовании в шестнадцать лет, потому что из-за отца добираться до школы становилось сложнее с каждым днем. Сразу же нашел работу, начал откладывать деньги, чтобы съехать от родителей и снять жилье. Коннор непременно добьется успеха, даже отец не сможет ему помешать. Я вижу в нем человека, который при раздаче лимонов делает лимонад.

Он не виноват, что вся его жизнь – один большой лимон. Ему нужно, чтобы люди дали ему шанс. Однажды мы накопим достаточно денег, переедем подальше отсюда и начнем все сначала. Коннор оставит это место позади и забудет всех, кто в нем сомневался.

Вместе мы снова обретем счастье. Вернем все, что было у него украдено.

Что было украдено у меня.

Мама доказала мне правоту слов Коннора: люди осуждают его с

первых минут знакомства, не дав и шанса проявить себя.

Когда я слышу тихий гул гаражной двери, мое сердце уходит в пятки. Так и знала, что нужно было оставить здесь часть вещей. Предчувствовала. Я могла бы уехать к Коннору, забыть обо всем и избежать встречи с мамой.

В спокойной обстановке написать ей записку с объяснениями, придумав что-нибудь приятное. Может, это бы помогло нам.

Но теперь нам придется поговорить, мы в который раз потеряем контроль и наговорим лишнего.

Ее шаги слышны на лестнице. Я замираю. Дверь в комнату открыта, и она заметит меня по пути к себе. Слишком поздно прятаться.

Поэтому я просто продолжаю складывать вещи в спортивную сумку, словно мне плевать, что она меня увидит, даже если мой уход ее шокирует.

Не похоже, что она планировала отмечать мой восемнадцатый день рождения. Да и я уже не та девочка, которую ожидают за обеденным столом гамбургеры, торт и подарки. Мы обе это знаем. Больше нет причин притворяться.

Она проходит мимо и останавливается. Замирает в каких-то трех шагах от двери, но не издает ни звука.

Проходит несколько мучительно долгих секунд, и я успеваю запихнуть в сумку еще пару вещей. Почему она молчит? Почему не возвращается?

А вот и она. Стоит в дверном проеме, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди. Ее волосы кажутся светлее с нашей последней встречи, зато мешки под глазами стали гораздо больше. Она выглядит подавленной.

– Не надо, – произносит она так тихо, что я даже не уверена, не послышалось ли мне.

Это ее единственные слова. Кинув на нее взгляд, заталкиваю толстовку в сумку. Если я начну говорить, то уже не смогу остановиться и выплесну всю горечь прожитых бок о бок лет без единого «я тебя люблю». Мысль о годах, проведенных в ожидании, что она начнет вести себя, как раньше, обнимать и укрывать на ночь одеялом, пронзает меня, точно острый нож, но я всеми силами отмахиваюсь от нее. И, вторя маме, старательно притворяюсь, что мне на это плевать.

Только вот теперь мне не кажется, что мама притворяется.

Может, до появления Коннора, когда еще не было сказано друг другу столько жестоких слов, мы могли бы все исправить. Всего тремя словами, которые я так и не услышала. Бьюсь об заклад, я могла бы вытянуть их из нее. И уверена, она произнесла бы их искренне.

Теперь же все иначе. Уже все разрушено. Можно спокойно проводить с Коннором сутки напролет, ведь, уверена, теперь она меня ненавидит. Полагаю, она думает то же самое обо мне – что я ее ненавижу.

Но это не так. Я люблю ее так сильно, что это причиняет боль. Что-то внутри болезненно молит бросить сумки, кинуться в ее объятия и ждать, когда она ответит тем же, хоть этого никогда не произойдет. Она – снежная королева, и она никогда не отгадает. Вот почему я отсюда сбегаю.

Подхожу к маме, и мы стоим вот так, не решаясь взглянуть друг на друга. Я тупо изучаю ремень спортивной сумки, пока кручу его в руках.

– Он тебя не достоин, – произносит мама.

– Ты его не знаешь.

– Почему ты хочешь быть с ним? Знаю, ты желаешь ему помочь.

Но почему вы не можете быть просто друзьями?

– Я не хочу просто дружить с ним. Я люблю его. – В моем голосе сквозит гнев. Я знала, что она так поступит. Поэтому и не хотела ее видеть. Поэтому избегала встреч. Она отбирает у меня частичку счастья и превращает ее в нечто уродливое.

– Ты только думаешь, что любишь его. Тебе семнадцать. – Она всплескивает руками и вновь скрещивает их, пытаясь казаться сердитой, серьезной и ответственной, но мне все равно.

– Восемнадцать, – поправляю я. Во мне все больше закипает гнев. Ненавижу, когда она так делает. А она затевает ссору при каждой встрече. Если мама сведет все наше общение к подобным спорам, то я больше не желаю в них участвовать. Тут нет победителей, одни проигравшие, и я устала быть в их числе.

– Ты хотела поехать в колледж, Энн. – Мама отталкивается от дверного косяка и выпрямляется во весь рост, глядя в упор на меня и вынуждая возразить.

– Колледж не имеет к Коннору никакого отношения!

Она заходит в комнату, ее тяжелые шаги заглушает ковер.

– Это не просто совпадение. Все дело в нем. Ты планировала поступление в колледж годами, но шесть месяцев с ним, и все меняется. Ты больше не знаешь, чего хочешь.

– Нет, знаю! Я хочу быть с ним. Не здесь. Не с тобой. Ты всегда только и делала, что унижала его. Ты как его отец.

Я хочу уйти сейчас же, пока еще не сломала зубы – так сильно их сжимаю. Но она загораживает мне дорогу, а я не хочу ее трогать. Перекидываю сумку через плечо и подхожу к маме, устремляя взгляд на ее переносицу и избегая прямого зрительного контакта.

– Из-за него ты от всего отказалась. Он этого не стоит.

– Не надо, мам, – прошу я, отчаянно желая, чтобы она замолчала и не выводила меня. – Пожалуйста, просто замолчи.

Слова жалят. Я вижу это по ее лицу. Но мне нужно ее остановить.

– Пожалуйста, просто прекрати, – уже спокойнее прошу я.

Она отступает в сторону, и я быстро прохожу мимо, пока не кинулась извиняться. Пока не сломалась.

Бесит, что все наши отношения свелись к Коннору. Не понимаю, почему она не может забыть о нем и просто быть рядом со мной.

Я хочу, чтобы это закончилось. Чтобы все прекратилось. Хочу, чтобы она побежала за мной и сказала, что любит меня, желает мне только самого лучшего и никогда не осудит за выбор, который я сделаю, даже если он ей не понравится.

Но она никогда так не сделает. Теперь я это понимаю.

И именно поэтому я ухожу.

14 марта

6 месяцев, 14 дней

Я шесть часов работала над скульптурой, и в результате половина сердца уже готова. Получилось нечто похожее на необычную чашу, полуу внутри. При желании можно наполнить ее чипсами.

Но у меня нет ни чипсов, ни содовой – ничего. Я без передышки сидела над скульптурой с девяти утра.

Получилось красиво. Свет от лампы создает разноцветный мозаичный отблеск на поверхности стола. Надеюсь, эффект сохранится. Самое сложное – подобрать нужное количество клея. Если его недостаточно – ничего не держится. Слишком много – замутняются стекла.

Она должна быть идеальной. Осколки должны соединяться друг с другом, как детали паззла, словно они изначально составляли единое целое, а не тысячи разрозненных частей.

От едкого запаха клея начинает болеть голова, поэтому я решаю сделать перерыв и что-нибудь перекусить. Может, немного еды и кофе взбодрят меня, и я поработаю еще час или два.

Выхожу из дома, запрыгиваю в машину и мчусь по склонам, придерживая руль лишь двумя пальцами из-за обжигающего холода.

Когда спускаюсь ниже уровня моря, океан исчезает из поля зрения. Паркуюсь перед продуктовым магазином и, вертя ключи на пальце, захожу внутрь.

Добравшись до отдела сладостей, разрываюсь между жевательными конфетами Mike and Ike и лакричными Good & Plenty, как вдруг ко мне подходит Эбби в симпатичных джинсах буткат, ярко-голубых туфлях и толстовке с изображением большого смайлика. Раньше она ненавидела джинсы и носила только юбки.

Интересно, что изменилось.

– Привет. Ты здесь с Блейком? – Эбби останавливается рядом со мной и засовывает руки в передний карман толстовки. Она правда часто моргает или мне кажется? Когда мы вообще разговаривали в последний раз?

Я замираю с Mike and Ike в руке.

– Блейк?

Она кивает, а затем с легким прищуром изучает меня.

– Ага. Его тележка набита всякой вредной едой. Я подумала, может, вы двое...

– Он здесь?

Эбби вновь кивает.

– Да. Тележка. Вредная еда. Улавливаешь связь?

Растерянно киваю, пытаюсь решить, стоит ли бросить эти конфеты и убежать отсюда, пока Блейк меня не заметил.

Мы не сталкивались с того дня в парке.

Если он сейчас меня увидит, то вопросов не избежать. Бесконечного множества вопросов. Да еще Эбби здесь. Боже, эта парочка крепко за меня возьмется.

Мне не нужна головомойка. Я лишь хочу купить что-нибудь перекусить, вернуться домой и продолжить работу над скульптурой.

– Э-э, нет, мы здесь не вместе. Вообще-то, я тут кое-что вспомнила...

Отворачиваюсь от Эбби, но она хватается меня за руку.

– Не ври. – Ее голос тихий, мягкий, умоляющий. – Пожалуйста, только не ври. Я понимаю, почему ты меня отталкиваешь. Понимаю, почему все изменилось. Но ты никогда мне не лгала. Поэтому не начинай сейчас, ладно?

Медленно киваю, уставившись на ее ногти с французским маникюром. Она отпускает мою руку, и я поднимаю взгляд.

Не знаю, как ей удастся быть такой понимающей. Я бы так не смогла, если бы оказалась на ее месте. Если бы подруга бросила меня ради парня. Но она все понимает. Каким-то образом она все понимает.

– Спасибо тебе. За то... за то, что ты – это ты.

Эбби важно кивает и делает шаг назад.

– Пойду поговорю с ним. Беги оплати свои покупки.

Киваю в ответ, но не двигаюсь с места, сверля ее взглядом; во мне клокочут тысячи чувств и мыслей, я теряюсь в них, пока Эбби слегка не трясет меня за плечо.

– Эй. Если не хочешь с ним разговаривать, тогда уходи. Ладно? – Она вздыхает и отпускает меня. – И, Энн?

Смотрю ей в глаза.

– Если я вдруг тебе понадобится или ты захочешь поговорить, или...

Киваю в ответ.

– Хорошо, – твердо говорит Эбби.

Я лишь снова киваю, беру конфеты и, не оборачиваясь, несусь прочь из отдела.

Эбби – богиня.

А я просто...

Я больше не знаю, кто я.

Но уже не та, кем была раньше.

12 марта

6 месяцев, 12 дней

Сегодня меня исключили из команды по бегу. Тренер сказал, что я перестала проявлять интерес и пропустила слишком много тренировок.

По идее, это должно меня беспокоить. Расстроить. В свой выпускной год я хотела проявить себя: побить собственный рекорд по прыжкам в длину, выиграть первый забег на две мили.

Но когда тренер сказал мне это, то я ничего не почувствовала. Такие вещи, как бег и старшая школа, в какой-то момент перестали иметь для меня большое значение. Все время, которое я ежедневно проводила с командой, в моей голове крутились лишь мысли о Конноре. Я представляла, как мы вместе лежим на кровати и смотрим кино, как разговариваем, гуляем и тусуемся вдвоем.

Иногда мне кажется, что я готова отдать все на свете, только бы каждый день проводить с ним, наедине в его комнате, слушать музыку и просто... быть вместе.

Весь месяц я бегала быстрее обычного, чтобы скорее закончить тренировку и сразу пойти в раздевалку. Не успев остыть, надевала верхнюю одежду прямо на вспотевшее тело и с пылающим от жара лицом забиралась в машину, чтобы поехать к своему парню.

Теперь у меня свободен лишний час в день, и я смогу провести его с Коннором. Сразу после школы я буду приезжать к нему, готовить ужин и ждать его с работы.

А еще у меня появится больше времени для изготовления скульптуры. Она требует больше усилий, чем я ожидала. Требует много часов. Но мне это нравится. Она стала моей отдушиной. Во время работы над скульптурой все мои мысли только о ней, я словно растворяюсь в созерцании разноцветных стеклышек, игре света на изогнутых местах.

При любой возможности я иду на берег и пополняю свои запасы – в песке порой встречаются настоящие сокровища. Я собираю красные, зеленые и голубые стеклышки и тут же прикидываю их будущее расположение.

Сердце будет прекрасным, когда я его закончу. Я в этом уверена.

Покинув кабинет тренера, освобождаю свой шкафчик в раздевалке. Я стараюсь не смотреть на вещи, которые заталкиваю в пакет: здесь обувь, спортивные костюмы, расписание занятий и маленькая упаковка крекеров в виде рыбок, которые я ела на выездных соревнованиях.

Сложнее всего с фотографиями на дверце, они словно следят за мной, хоть я на них и не смотрю.

В забегах на две мили участвовали лишь трое из команды. Вернее, мы вдвоем были единственными, кому хорошо давалась эта дистанция. Мы называли себя треножником. Считали, что сможем удержать на своих ногах всю команду, сможем набрать достаточно очков, чтобы наша школа лидировала в дивизионе.

И у нас бы получилось. Команда была практически готова к началу сезона. Я знаю, мы бы справились.

Мне больше не нужны эти фото. Даже не хочу класть их в сумку и просто срываю с дверцы. Они разлетаются по бетонному полу и теперь валяются под лавками, рядом с водостоком – повсюду.

Их оказалось много, так много застывших моментов, которых больше не существует. Эти воспоминания мне не нужны. Заурядные события теряют свое значение, когда ты понимаешь, что в жизни есть нечто куда более серьезное.

Оставив фото валяться на полу, я открываю дверь, выхожу на улицу и иду к машине. Еще рано, Коннор вернется с работы только через час.

У меня есть время. Для себя. Такого давно не было.

Я отправляюсь в парк в двух кварталах от квартиры Коннора и, найдя там столик для пикника, залезаю на него. Лежу и болтаю ногами, глядя на голубое небо и пушистые белые облака: некоторые из них похожи на кроликов, другие на сладкую вату, остальные просто смешные, пушистые и прикольные, они напоминают мне, что скоро лето. Я все еще в кроссовках и спортивном костюме, но мне не холодно. Воздух пахнет травой, вызывая желание съесть рожок мороженого и прокатиться на моем стареньком велосипеде, а еще вернуться в то время, когда папа был рядом и жизнь была простой.

Я продолжаю болтать ногами и смотреть на небо. Такие минуты – беспечные минуты – сейчас очень редки, поэтому я ими наслаждаюсь.

Звук шагов выводит меня из задумчивости, и я сажусь.

Блейк. Меня охватывает прилив радости, и мне сложно его подавить.

– Привет, – говорит Блейк.

– О, привет.

Он садится на лавочку, я сползаю со стола и устраиваюсь напротив него. Его темные волосы растрепаны и закрывают весь лоб, а глаза блестят от счастья.

Искреннего счастья. Я едва его распознаю.

– Как дела? – спрашиваю после затянувшегося молчания. Мы очень долго не общались.

– Хотел узнать у тебя то же самое.

– Меня исключили из команды по бегу.

Зачем я ему это рассказала?

– Почему?

Пожимаю плечами.

– Не знаю. Да это и неважно.

– Еще как важно. Ты любишь бегать. – Он склоняет голову набок и подается вперед в ожидании ответа, который бы все объяснил.

– Любила. В прошедшем времени.

– И что же ты теперь любишь?

– Коннора, – не подумав, отвечаю я. Как бы мне хотелось отмотать все назад и ничего ему не говорить, но это невозможно.

– И?

– И все. – Я не смотрю на Блейка, не смотрю на небо. Я рассматриваю землю – пеструю зеленую траву под своими потертыми белыми кроссовками.

Он делает глубокий, медленный вдох, словно выигрывает время, чтобы подобрать правильные слова.

– Почему ты стала... другой?

Я открываю рот, чтобы возразить, сказать, что я все та же Энн, какой была всегда, но молчу. Блейк слишком хорошо меня знает. И он знает, что прав.

– Просто я такая, – произношу наконец. – Пожалуйста, только не начинай. Все и так читают мне нотации. Я в них не нуждаюсь.

– Ладно. Но знай, что я рядом, если понадобится. Когда угодно. Просто позвони. По любому поводу. Не важно, почему. Не важно, который час. Ты всегда можешь мне позвонить.

Я смеюсь, но это горький смех.

– Не драматизируй.

Блейк берет меня за руку и твердо смотрит в глаза. Я замираю, мне хочется отвести взгляд и в то же время наблюдать за ним вечно.

На одно долгое, бесконечное мгновение я вижу иное будущее. Вижу другую себя.

Но потом возвращается реальность.

– Я серьезно, – говорит он.

Стерев с лица фальшивую улыбку, вырываю руку из его ладони.

– Я знаю. – Кладу голову на стол и закрываю глаза. – Я знаю.

Судя по ощущениям, я провела в таком положении не меньше часа. Мне казалось, Блейк давно ушел, но когда я открываю глаза, то вижу, что он все еще здесь.

– Который час?

Беру сумку, но моих ключей в ней нет. Где они? В кармане их тоже нет. Неужели оставила в машине? Опускаюсь на колени и заглядываю под стол. Они точно должны быть где-то здесь.

– Сейчас пятнадцать минут пятого.

Пятнадцать минут пятого. Боже, Коннор освободился в четыре. Он мог проехать мимо в любой момент, увидеть меня с Блейком и сделать ложные выводы. Он и так нервничает из-за работы... не стоит все усугублять.

– Почему ты все еще здесь? – спрашиваю я.

Блейк меняется в лице, явно не понимая, что происходит.

– Ты просто...

– Иди! Боже, просто уйди, да что с тобой не так? – Выходит гораздо громче и резче, чем я планировала, но Коннор не должен его видеть. Он сделает неправильные выводы. Разозлится, расстроится, а я не хочу сегодня с этим разбираться.

– Энн, успокойся, что случилось...

– Ничего! Блин, просто уйди!

Я не могу найти ключи. Копаюсь в сумке, оттуда все вываливается. Расческа, мелочь, ручка.

– Вот, давай помогу...

– Уйди!

Даже не знаю, кто я сейчас. Веду себя как последняя стерва. Это не я. Блейк знает, что это не я. Он делает шаг вперед, пытаюсь меня

обнять, успокоить, но я отшатываюсь, поворачиваюсь спиной и вижу его.

Он стоит у входа в парк.

Наблюдает.

Коннор молчит и не двигается, и я понимаю, что он находится там уже некоторое время.

Не успеваю я сделать вдох, как он пересекает лужайку, направляясь прямо к нам, и на долю секунды мне кажется, что он ударит Блейка. Тот возненавидит меня и узнает всю правду.

Но Коннор этого не делает. Он встает между Блейком и мной. А потом произносит грозным голосом:

– Держись от нее подальше. – Коннор выплевывает слова с такой злобой, что мне хочется сбежать, но он хватает меня за руку и тянет за собой, и мы в считанные секунды подходим к его пикапу. Мне едва удастся поспеть за его шагом, Коннор чуть ли не отрывает меня от земли, и я словно парю в воздухе без каких-либо усилий.

Мои ключи обнаруживаются в кармане. Они были там все это время.

– Но моя машина...

– Брось ее.

Коннор кипит и может сорваться. Он так тяжело дышит, что даже я это слышу. Залезаю в пикап и едва успеваю закрыть дверь, как раздается визг шин и машина срывается с места. Моя голова по инерции откидывается назад, и я ударяюсь о раздвижное окно за сиденьем.

Знаю, Блейк все еще стоит возле столика для пикника. Наблюдает за нами. Уверена, он понимает, что происходит.

Хотя лучше бы не понимал.

Коннор переехал в эту квартиру несколько недель назад, но повсюду до сих пор стоят коробки. У него пока мало мебели и полок, чтобы разложить вещи, поэтому те валяются на полу.

Только за нами закрывается дверь, как он срывается:

– Ты мне изменяешь?

Его слова выбивают у меня весь воздух из легких. Словно он толкнул меня в воду.

Я бы никогда ему не изменила. Не могу поверить, что он так обо мне подумал.

– Нет! Боже, не будь дураком, я...

Резко замолкаю и делаю судорожный вдох. Это единственное слово, которое нельзя говорить. Единственное слово, которое строго запрещено, потому что Коннор слишком часто слышал его от отца.

Коннор мгновенно подлетает ко мне, вынуждая невольно отступить назад. Споткнувшись о коробки, я падаю и с громким стуком приземляюсь на тонкий, потертый коврик. Подо мной что-то ломается. Опираясь на локти, я неуклюже приподнимаюсь на этой горе.

Коннор нависает надо мной.

– Никогда не смей называть меня дураком. Я не дурак.

Я знаю, что он не дурак. И вовсе не это имела в виду. Я бы никогда так о нем не подумала.

Дрожу на полу в окружении его вещей. Он не понимает, что говорит. Ему больно. Он думает, я ему изменяю. Как только он осознает, что это неправда, что мы с Блейком просто друзья, Коннор изменится. Придет в себя.

– Пожалуйста, выслушай меня.

– Нет. Это ты послушай. Тебе не удастся выставить меня идиотом. Я так и знал, что тебе нельзя доверять. Знал, что ты так поступишь!

– Но я ничего не сделала!

– Ты врешь.

– Нет. Пожалуйста, успокойся, Коннор. Между нами ничего нет.

Но он не в себе и не станет меня слушать. У него все спуталось в голове.

– Я знал, что ты так поступишь! Знал, что найдешь кого-то получше и бросишь меня!

– О чем ты говоришь? Я никуда не ушла! Я люблю тебя!

– Ты врешь! Ты меня не любишь! И никогда не любила!

Я поднимаюсь с пола и встаю перед ним. Мне потребовалось много мужества, чтобы сделать это, чтобы без дрожи посмотреть прямо ему в лицо. Его грудь тяжело вздымается, а сам Коннор смотрит на меня с такой злобой, что я вижу в нем его отца. Он таится в закоулках его сознания и отражается в глазах.

– Кто ты? Я тебя не узнаю, – говорю я.

Он придвигается ближе и четко и внятно произносит:

– Пошла ты.

У меня звенит в ушах, точно гудок товарного поезда, заглушая те

два слова, которые Коннор с такой легкостью произнес. Комната начинает вращаться, но мое внимание приковано лишь к губам Коннора; не понимаю, как эти слова могли слететь с них. Неужели он мог сказать их мне? Как я вообще могла целовать эти губы?

– Прошу, просто успокойся, ладно?

– Успокоиться? Хочешь, чтобы я успокоился, черт подери? – Он пинает ближайшую коробку, и раздается звон разбитого стекла. Интересно, что именно разбилось: красивая рамка с нашей фотографией или, может, маленький стеклянный котенок, которого он подарил мне на третьем свидании?

– Послушай, я пойду прогуляюсь, хорошо? Ты пока остынь, а после мы это обсудим...

Я открываю дверь, но следом подходит Коннор и с такой силой захлопывает ее, что аж стены дрожат.

– Я с тобой еще не закончил!

Я подсакиваю от его грозного, оглушительного рева. С распахнутым ртом смотрю на Коннора, и глаза наполняются слезами. Кто он? Что он творит? Я знала, что его расстроит наша с Блейком встреча, но он никогда не был таким злым со мной. Конечно, у него есть проблемы с управлением гнева, но он обещал... он клялся, что не будет отыгрываться на мне.

Развернувшись, Коннор кулаком бьет в стену, и на идеальном свежевыкрашенном гипсокартоне появляются большие круглые дыры.

Когда-то он пообещал, что не будет так со мной обращаться. Не могу поверить, что повелась на это.

Я в ужасе, нет сил стоять. Сползаю на пол, сворачиваюсь калачиком и утыкаюсь лицом в пахнувший шампунем коврик.

И начинаю плакать. Слезы льются ручьем, и я не могу их остановить. Коннор затихает, когда слышит всхлипы.

Не знаю, что он делает, я не смотрю на него, но чувствую где-то рядом.

А потом Коннор подходит и прижимает меня к себе той самой рукой, которой недавно был готов наносить удары. Он заключает меня в объятия, но желания ответить тем же не возникает.

– Извини, сам не знаю, что творю. Мне очень жаль.

Я лишь громче рыдаю. Ненавижу, когда он такой.

Я безумно его люблю.

Но иногда я его ненавижу.

30 августа

Один год

Его шаги на ступеньках становятся все громче и громче, я панически отодвигаюсь назад, пока не упрусь в кровать. Понимаю, что деваться некуда, и прислушиваюсь.

Он дергает за ручку, но дверь не поддается.

Достает из кармана ключи. Несмотря на шум дождя, я слышу, как они бренчат и звенят, пока он вставляет их в замок.

В ожидании прислоняюсь к кровати. Знает ли Коннор, что я еще здесь? Может, он решил, что я закрыла квартиру и ушла.

И все же какая-то часть меня отчаянно желает, чтобы дверь открылась, он подбежал ко мне, заключил в объятия и заставил боль исчезнуть. Он мне нужен. Я хочу спрятать лицо у него на груди, заплакать и позволить ему стереть мои слезы.

Коннор отпирает замок, ручка поворачивается, но дверь не открывается. Он прекращает свои попытки и стоит в тишине – наверняка догадался, что я закрылась на засов.

– Энн?

Я могу определить его настроение по тому, как он произносит мое имя. Гнев уже ушел, растворился так же быстро, как и появился.

– Любимая? – неуверенно зовет Коннор.

Он больше не имеет право называть меня любимой. И то, что он позволил себе это, вызывает во мне чувства злобы и горечи.

– Дорогая, я знаю, что ты там. Здесь твоя машина.

Черт.

– Энн, прости меня. Я сам не понимал, что делаю. – Его голос дрожит, как у ребенка. Он знает, что зашел слишком далеко. Всего час назад он выглядел таким грозным, а теперь разговаривает как маленький.

Я подтягиваю колени к груди, опускаюсь на них лбом и начинаю напевать себе под нос.

Я не могу встать и открыть дверь.

Не могу.

Тогда почему мне так сильно этого хочется? Почему я поступаю так из раза в раз?

Я больше не чувствую себя равной ему. Я – его половой коврик, его груша для битья.

Это произошло постепенно, шаг за шагом. Я не могу назвать точной даты, когда все так изменилось, потому что это случилось не в один момент.

Сколько бы я ни оглядывалась назад, сколько бы ни пыталась понять. Нет никаких «до» и «после». Есть только год принятых решений.

И вот я здесь, сижу на полу, боясь открыть дверь человеку, которого люблю больше всех на свете.

Возможно, если я буду и дальше его игнорировать, он уйдет, и мне не придется делать выбор.

Может, я просто останусь здесь навечно.

10 марта

6 месяцев, 10 дней

Уже поздно, но нам не спится.

Мы лежим бок о бок в кровати, переплетя пальцы рук. В новой квартире Коннора холодно, но, чтобы отрегулировать отопление, нужно вылезти из нашего теплого гнездышка. Делать этого совершенно не хочется, поэтому мы лишь теснее прижимаемся друг к другу, закутавшись в одеяло по нос.

– Однажды я заработаю столько денег, что смогу оставлять отопление включенным на всю ночь. Ты будешь вылезать из кровати, когда захочешь, и не мерзнуть, – произносит он.

Я ухмыляюсь.

– А ты сделаешь ту штуку с подогревом пола – когда древесина нагревается, и можно ходить босиком?

– Ага. И куплю большой дом. Такой большой, что ты сможешь уйти на другую половину, если я начну действовать тебе на нервы.

Игриво толкаю его плечом. Я знаю, что он шутит. Коннор никогда не действует мне на нервы.

– А как насчет отпуска? Я хочу поехать в Европу.

– Обязательно. Мы проведем там три месяца и побываем в каждой стране. Поднимемся на Эйфелеву башню и прокатимся по каналам Венеции. Тебе не захочется возвращаться.

Я улыбаюсь, представляя эту картинку. Однажды наша жизнь действительно станет такой. Мы со всем разберемся и забудем о беспокойных временах.

Все будет идеально.

– Что ты во мне любишь? – спрашиваю я. Сегодня мне хочется нежных слов, чтобы смаковать это воспоминание, держать его при себе, пока приходится преодолевать трудности.

– Все, – повернувшись, отвечает Коннор, и целует меня в нос. – Твою улыбку. Ты хоть представляешь, как часто улыбаешься? Для меня это редкость. Я к такому не привык. Твой смех. Как ты разговариваешь. Знаешь, ты очень болтливая. Просто до невозможности.

Я смеюсь и снова игриво толкаю его плечом.

– И ты умная. Ты ведь собираешься поступать в колледж, да? Я

никогда ничего такого даже не планировал, а для тебя это само собой разумеющееся.

Я открываю рот, чтобы возразить, но тут же его закрываю.

Я забыла обо всех крайних сроках подачи заявок и пока ничего ему не сказала. Нет, это ложь. Я не совсем забыла. Я просто так сосредоточилась на Конноре, что учеба отошла на второй план. Какой смысл подавать документы, когда мне ненавистна сама мысль о том, что придется его оставить? Я подумывала провести пару лет в местном колледже, а затем, когда Коннор сможет поехать со мной, поступить в университет, отказаться от общежития и вместе с ним снимать квартиру.

Сейчас даже местные колледжи – это слишком. Не хочу об этом думать.

И не думаю. В общем, такие дела. Я просто выбросила из головы эти мысли, решив сосредоточиться на том, что передо мной – нашей сильной, прекрасной любви. Вот что сейчас для меня важнее всего. Важнее, чем колледж.

Но ничего из этого я ему не говорю. Это испортит момент.

– И как ты относишься к людям. Таким, как я. Ты не осуждаешь, как большинство. Ты видишь в людях хорошее и даешь им шанс. Ты в них веришь. Думаю, для меня это самое ценное.

Сжимаю его руку. Иногда он может быть таким милым.

– Твоя очередь, – говорит Коннор.

Я ухмыляюсь и бросаю на него многозначительный взгляд.

– Я не об этом, – отдергивает он. – Скажи, что ты во мне любишь.

– Я поняла, но, мне кажется, кое-что другое было бы куда веселее.

Он смеется. Люблю, когда он смеется.

– Ладно, серьезно? Мне нравится, какой ты сильный человек. С тобой столько всего произошло, а ты сейчас здесь, делишься проблемами со мной и пытаешься стать лучше. Мне нравится, как ты защищаешь своих близких. Ты все для них сделаешь. Мне нравится, что ты всегда добиваешься того, чего хочешь. Будь то скейтбординг, баскетбол... или я.

Коннор обнимает меня за плечи, и я, повернувшись к нему, забрасываю ногу на его бедро и кладу голову на грудь. И меня окутывает тепло его тела.

Вот что такое любовь. Не думаю, что когда-либо смогу ее отпустить.

8 марта

6 месяцев, 8 дней

Коннор гонит машину как сумасшедший. Меня пугает то, с какой скоростью испортилось его настроение.

Сегодня я пропустила тренировку по бегу. Коннор снова был не в духе и попросил с ним погулять – мое присутствие ему помогает. Порой это и благословение, и проклятие, когда в тебе так нуждаются.

Мы сидели у речки и бросали в воду камешки, когда ему позвонила мама. Она плакала, но внятно объяснить, что произошло, так и не смогла. Поэтому теперь мы мчимся по проселочным дорогам, чтобы узнать, что отец Коннора натворил в этот раз.

Мое сердце бьется так сильно, словно вот-вот выскочит из груди, к горлу подступает тошнота. Не знаю, то ли во всем виноваты нервы, то ли его вождение, но, чтобы сдержать рвотные позывы, приходится стискивать дверную ручку до боли в пальцах. Коннор на скорости входит в последний поворот к дому, шины визжат и срываются в занос, а потом машина резко останавливается.

Входная дверь открыта, сетка от насекомых хлопывает от ветерка. Сейчас ранняя весна и слишком холодно, чтобы вот так оставлять дверь нараспашку. Коннор успевает выскочить из пикапа, пока я пытаюсь отстегнуть ремень безопасности – он застрял.

Несколько секунд я вожусь с ним, подавляя желание закричать от незнания того, что происходит внутри дома. Наконец освободившись, выпрыгиваю из машины и бегу по газону. Дом встречает меня темнотой, поэтому приходится остановиться на пороге и дать глазам привыкнуть.

Здесь словно прошелся ураган – все стены голые, вещи валяются на полу. Все разорвано и разбито.

Как и Нэнси. Она рыдает на полу, крепко сжимая руку, а Коннор пытается поднять ее на ноги.

«Я не знаю, что сделала... я не знаю, что сделала...» – бесконечно твердит она, на что Коннор неустанно повторяет: «Я знаю, все в порядке». А я во все глаза смотрю на эту сцену.

Их слова эхом отдаются у меня в ушах. Такое ощущение, будто я нахожусь далеко отсюда и наблюдаю за происходящим по телевизору, а

не стою посреди всего этого хаоса.

– Можешь открыть дверь в машину? Нужно отвезти ее к врачу.

Спокойный и твердый голос Коннора выводит меня из оцепенения. Я быстро киваю, радуясь, что хоть чем-то могу помочь. Открываю дверь еще до того, как они выходят из дома, и придерживаю ее до тех пор, пока Коннор не помогает маме забраться в пикап. Он случайно задевает ее руку, и Нэнси стонет от боли.

Я сажусь рядом с ней, так что она оказывается посередине, и стараюсь не смотреть на ее посиневший и заплывший глаз. Вместо этого гляжу прямо перед собой.

В больницу Коннор едет осторожно, словно его мать окончательно рассыплется на кусочки, если он слишком резко повернет или же наедет на «лежачий полицейский» на скорости более трех миль в час. Сидеть рядом с ней мучительно. Она притихла – лишь придерживает травмированное запястье и смотрит в пустоту.

В конце концов мы доезжаем, и Коннор помогает Нэнси вылезти. Я же остаюсь у пикапа и наблюдаю, как они уходят. Не хочу идти с ними. Вряд ли Коннор заметит мое отсутствие, он полностью сосредоточен на маме, на ее медленных, нерешительных шагах. Она идет так, словно ей восемьдесят лет.

Но Коннор вдруг оборачивается ко мне и, слегка улыбнувшись, одними губами произносит: «Спасибо».

Я лишь киваю и забираюсь обратно в пикап, где и провожу в ожидании следующие два часа.

Мы с Коннором собираем оставшиеся вещи Нэнси в большие пакеты. Она спит в своей комнате после принятия прописанных ей болеутоляющих таблеток.

Как бы мне хотелось склеить все это. Вернуть как было. Но я не могу, поэтому продолжаю выкидывать обломки. Коннор выносит пакет с мусором на тротуар, а вернувшись, плюхается на диван и пялится в потолок. Я вижу, что он вымотан.

– Часто такое происходит? – спрашиваю я, убирая маленькую бескрылую фигурку ангела в пакет.

– Даже слишком. Сейчас, конечно, немного проще. Я могу

приехать. А отец не трогает ее, когда я рядом. Если она вовремя звонит, я успеваю все остановить. Но она предпочитает ничего не замечать. Перепады его настроения видны за версту, но она тянет до последнего. Каждый раз ей кажется, что она сможет все уладить.

Я сглатываю и делаю вид, будто увлечена сломанной фарфоровой лягушкой. Мама никогда не нуждалась во мне, в то время как Нэнси постоянно нуждается в Конноре. Интересно, каково это. Не думаю, что так лучше. Возможно, это даже хуже. Она полностью зависит от него, а на его долю и так много всего выпало.

– Как думаешь, где он?

Коннор пожимает плечами.

– Обычно он объявляется у своего брата где-то через неделю после инцидента. Наверное, понимает, что я убил бы его, если бы встретил.

Киваю. Я знаю, как он заботится о матери. Знаю, как бы ему хотелось спасти ее от Джека и каким-то образом все это прекратить.

– Я просто хочу, чтобы она его бросила. Добилась судебного запрета на приближение. Сменила замки. Она бы стала намного счастливее.

Я тоже так думаю. Не понимаю, как она может с этим мириться. Как может смотреть на себя и считать, что заслуживает этого.

– Да. Наверное, – отвечаю я.

Запихиваю оставшиеся сломанные вещи Нэнси в пакет, затем вытаскиваю его на улицу и ставлю рядом с таким же, только собранным Коннором.

Завтра приедет мусоровоз и заберет их. Они навсегда исчезнут, и Нэнси притворится, что всего этого и вовсе не было.

До следующего раза. Потому что, если Коннор прав, всегда будет следующий раз.

20 февраля

5 месяцев, 21 день

С подачи Коннора сегодня мы решили проветриться. Он хотел выбраться из дома и перестать думать о последнем событии в своей так называемой жизни.

За рулем сижу я. Наш маршрут пролегает по живописным извилистым проселочным дорогам, которые я выбрала в надежде хоть немного отвлечь Коннора от воспоминаний о синяках на руках его мамы. Это маловероятно. Но вдруг получится.

– Вау, какая красивая! – восклицаю я, указывая на черно-белую лошадь на поле. – Когда-нибудь я куплю себе такую. Я всегда хотела лошадь.

Это не совсем правда. Я мечтала о ней в детстве, но давно уже об этом не вспоминала. Вот такая жалкая попытка заполнить тишину.

– Ага. Неплохая идея, – невнятно отвечает он.

Продолжаем ехать. Повсюду деревья, тени и канавы. И как тут завязать беседу?

Притормаживаем у знака «Стоп», напротив которого на холме расположен маленький сельский домик. Его сложно назвать большим и красивым. По правде сказать, на нем облупилась краска, а одна из ставен перекосилась, но все же он выглядит мило.

– Я была бы не прочь жить в таком доме, когда стану старше, – говорю я, указывая на строение. – Ты бы мог посадить цветы перед входом. А крышу...

– Ты еще не поняла?

Замолкаю на полуслове от его резкого тона.

– Чего не поняла?

– У меня ничего из этого не будет. Для тебя это все еще возможно, но не для меня. Этого никогда не случится, так что перестань притворяться.

– Ты о чем? Мы же обсуждали, как будем жить в большом...

– Нет. Прекрати, – рывкает Коннор.

Я пристально смотрю на него несколько долгих мгновений, стараясь понять, чем его разозлила. Всего пару секунд назад он был в порядке. Грустный – да, но злой? Словно внутри него сработал

переключатель. И что теперь делать? Хотелось бы лучше его понимать.

За нами сигналит машина, и мне приходится снова обратить внимание на дорогу и повернуть направо, оставив позади домик в колониальном стиле. Вскоре Коннор заговаривает снова, и, судя по всему, его настроение в очередной раз изменилось.

– Слушай, извини. Просто иногда мне кажется, что ты для меня слишком хороша. Ты можешь иметь все что захочешь: дом, лошадь... да что угодно. Но такие, как я... у меня никогда такого не будет. Моей жизни светят только сплошные неприятности.

Впереди появляется широкая обочина, я съезжаю на гравий и, не глуша двигатель, поворачиваюсь к Коннору.

– Это неправда, Коннор. Я тебе обещаю. Мы будем работать вместе и получим все что захотим. Клянусь, все сбудется.

Коннор словно меня не слышит. Он отворачивается и смотрит в окно. Оно постепенно запотевает, а мы все молча сидим в машине.

– Когда мне было семь, у мамы случился нервный срыв, – спустя, кажется, вечность произносит Коннор. – Я даже не знаю, куда ее поместили. Наверное, в психиатрическую лечебницу. А я оказался один на один с отцом на несколько месяцев.

Зачем он мне это рассказывает? Какое это имеет отношение к происходящему? Это отголоски его гнева или он снова впал в депрессию? Что из этих двух вариантов хуже?

– У нас никогда не водились деньги. А в мамино отсутствие отец даже не считал нужным скрывать, что все спускает на выпивку. Он покупал бутылку за бутылкой, в то время как холодильник пустовал. Были дни, когда я питался лишь сухой вермишелью быстрого приготовления, кетчупом или замороженной картошкой фри. Я даже не мог ничего приготовить, потому что он мне запрещал.

Это все проясняет. Вот почему он занялся готовкой.

– Ого. Мне... мне...

Что? Жаль? Кажется, этого недостаточно. Потянувшись, кладу руку ему на спину. Он пожимает плечами, то ли пытаюсь сбросить ее, то ли сделать вид, что все это пустяки.

Я провожу ладонью по его руке, переплетаю наши пальцы и утягиваю это единение к себе на колени. Коннор не смотрит на меня, но каким-то образом от прикосновения становится легче. Словно я даю ему знать, что рядом и поддерживаю его.

Он хочет выговориться, но в то же время показать, что родители больше ничего для него не значат. Он одновременно скрывает боль и жаждет ею поделиться.

– Знаю, я не могу обвинять его во всем, – произносит Коннор.

– Кого? – спрашиваю я, хоть ответ мне известен.

– Отца. Когда-нибудь я же смогу это пережить, верно? Послать все к черту и двигаться дальше. Оставить все плохое в прошлом и начать нормальную жизнь. Повзрослеть, купить дом в колониальном стиле с цветниками и красивыми лошадьми.

Ох, теперь все понятно. Делаю глубокий и медленный вдох, пытаюсь собраться с мыслями и правильно подобрать слова.

Потому что иногда мне кажется, что он должен перешагнуть через прошлое. Он не может во всем винить отца. Коннору уже восемнадцать. Он достаточно взрослый, чтобы взять под контроль свою жизнь. Достаточно взрослый, чтобы создать что-то свое и забыть о человеке, который все испортил.

Но кто я такая, чтобы судить? Кто я такая, чтобы знать, каково это? Я даже представить себе не могу весь тот кошмар, через который он прошел из-за своего отца. Может, это и нормально – что воспоминания его преследуют. Может, он и должен помнить, бороться с тем, что произошло, а не тупо игнорировать.

– Наверное, – наконец отвечаю я. Ведь только это и остается – предполагать.

– Именно этого я хочу. Просто забыть и притвориться, что его не существует. Просто... стать кем-то другим. Усердно работать и двигаться вперед, а не жить так.

Я молча киваю. Иногда он делится со мной своими мыслями... а я просто не знаю, как реагировать. У меня другое прошлое. Хорошие машины, вечеринки на дни рождения, рождественские свитера, цветники с розами и большие телевизоры. Я не похожа на него.

– Когда же я перестану все портить. – Коннор по-прежнему на меня не смотрит. Он глядит в окно, словно решение всех его проблем находится где-то посреди зеленого поля перед машиной.

Какую-то минуту я сомневаюсь, правильно ли расслышала. Но потом он повторяет.

– Ведь должен наступить момент, когда я перестану все портить, взгляну на себя в зеркало и мне понравится человек в отражении. Я

стану самостоятельным и не позволю отцу на меня влиять. Знать бы только, как это сделать.

– Ага. Пожалуй, в этом есть смысл. – Я смотрю на наши сплетенные руки и поглаживаю большим пальцем его костяшки, всячески подавляя желание коснуться шрамов, чтобы ненароком не напомнить Коннору об их существовании.

Согласиться ли мне с ним или сказать, чтобы перестал переживать? А если согласиться, как я и хочу, стоит ли предложить переступить через это и двигаться дальше? Не прозвучат ли мои слова осуждающе, словно их произнесла моя мама?

Сиденье скрипит, когда Коннор наконец поворачивается и смотрит на меня. Его голубые глаза полны уныния с примесью толики надежды, и это разбивает мне сердце.

– Я лишь хочу... я хочу, чтобы мы... чтобы «мы» просто были. Я не хочу, чтобы он влиял на нас. Не хочу, чтобы он все портил. Ты – единственное хорошее, что со мной случалась, и я не знаю, как себя вести, – через силу произносит он, будто слова слишком тяжелые или ему сложно шевелить губами.

Я заглядываю в его глаза, и мы оба молчим не меньше минуты. Не говорим ни слова и просто... смотрим друг на друга – именно в такие моменты я сильнее влюбляюсь в него. Именно в такие моменты между нами формируется взаимопонимание, которое намного глубже, чем простые слова. Такую крепкую связь невозможно описать.

– Я просто хочу, чтобы ты знала... я хочу, чтобы ты знала: несмотря ни на что... невзирая на то, что я могу сделать или сказать, что я уже сделал или сделаю в будущем, я люблю тебя. Больше жизни. И если однажды что-то такой случится и мы расстанемся, я все равно буду любить тебя и вспоминать.

– Ничего не случится, – уверяю я. – Если ты будешь любить меня так же, как я тебя, обещаю, ничего подобного не случится.

– Знаю. Мы всегда будем вместе, – отвечает он. – Я боготворю тебя. Я люблю тебя. Ты – мое все.

– Я тоже тебя люблю.

– Клянешься?

Я медленно и с чувством киваю.

– Да, клянусь.

Он целует меня, и я закрываю глаза, вкушая мягкость его губ. У

меня начинает кружиться голова, и приходится отстраниться.

Коннор сжимает мою руку. Я не шевелюсь. Двигатель машины продолжает работать, и мы вот так стоим на месте, затерявшись где-то на полпути в никуда, но недостаточно далеко, чтобы спрятаться от всего.

– Иногда мне кажется, я ждал тебя всю жизнь, – признается он. – У меня никогда не было такого близкого человека, как ты. Того, кто не обязан мириться со мной, но все равно рядом. Того, кто просто хочет быть со мной ради меня. Потому что я – это я. Не потому, что я чей-то брат, ребенок или еще какой родственник, а потому, что сам выбрал меня.

Я крепче сжимаю его руку.

– Знаю. Моя мама... иногда мне кажется, что она отказалась бы от меня, если бы могла. Если бы я просто могла исчезнуть, понимаешь? Думаю, я напоминаю ей об отце, и за это она меня ненавидит.

Сиденье снова скрипит, когда он наклоняется и целует меня в щеку.

– Как бы мне хотелось управлять временем, замедлять его, когда ты рядом, и перематывать, когда уходишь в школу или на работу.

Иногда я тоже этого желаю. Мне бы хотелось управлять этим хаосом и проматывать все ужасные события.

Только бы Коннор никогда не был их частью.

13 февраля

5 месяцев, 14 дней

Сегодня годовщина смерти папы.

Последние восемь лет в этот день я пеку торт. Уверена, кто-то сочтет мою затею глупой, ведь со стороны может показаться, будто я пеку торт, чтобы отпраздновать или типа того. Но это не так.

Мой папа любил торты. Просто обожал их. Он бы съедал по одному на ужин каждый день, если бы мама ему позволила.

Мне было девять, когда он умер. Это продолжалось так долго. Казалось, будто на тебя несется товарный поезд, приближаясь с каждой секундой, и его невозможно остановить. В тот день мама сломалась и рыдала, а я находилась в прострации и отказывалась верить в происходящее. Тогда же в мой девятилетний мозг пришла идея испечь ему торт. В этом не было никакого смысла, как и сейчас, но мне все равно доставляет удовольствие его делать.

Теперь это превратилось в традицию. С каждым годом он становится лучше. Все началось с кошмарного впалого недоразумения, которое я приготовила в девять лет, и достигло многослойного немецкого шоколадного шедевра, который я готовлю сейчас. Будь папа здесь, отрезал бы себе невообразимо огромный кусок и со стаканом молока слопал бы его до крошки.

На какое-то мгновение кажется, будто папа снова с нами и вот-вот спустится по лестнице за своим тортом.

Может, не стоит сегодня печь? Мы с мамой больше не ладим, а раньше делили торт на двоих. Во время еды мы не разговаривали о папе, но каким-то образом всегда наступал такой момент, когда обе одновременно думали о нем, и это было приятно.

Но сегодня это кажется... кажется некой взяткой. Словно я вручу ей этот торт, она улыбнется и мы спустим все на тормозах. И тогда, переехав к Коннору, я смогу притвориться, что все прекрасно.

Пустые мечты. Даже если у нас с Коннором все будет хорошо и она чудесным образом его примет, я не забуду сказанных ею слов. Они стоят между нами словно стена, их уже не забрать назад.

Но я все равно пеку торт, иначе это будет выглядеть так, будто я игнорирую папу, притворяюсь, будто его никогда не было. А мама и так

прекрасно справляется с этим за двоих.

Она возвращается с работы в шесть, проходит мимо кухни, но поворачивает обратно, заметив меня на стуле рядом с тортом.

– Привет, – произношу я. – В этом году немецкий шоколадный.

В ответ мама лишь молча смотрит на торт. Непонятно, о чем она думает: обрадовалась, растрогалась или просто разозлилась из-за того, что я посмела его испечь после всех наших ссор.

Иногда мне кажется, я могла бы подойти к ней и прямо в лицо сказать, что люблю ее, просто чтобы узнать, ответит ли она тем же.

Месяц назад я стояла в коридоре возле ее комнаты. И мне действительно очень хотелось это сделать. Я уже проиграла сцену в голове. Но, сколько бы раз я ни приближалась к ее двери, так и не смогла заставить себя прикоснуться к медной дверной ручке. Было слишком много споров, сказано слишком много резких слов, чтобы теперь говорить такое.

Поэтому громоздкая стена так и осталась между нами.

– Спасибо, – тихо говорит она. – Это очень мило с твоей стороны.

И тут, к моему большому удивлению, мама пересекает кухню и неуклюже обнимает меня, потому что я так и сижу на стуле.

Но она не отпускает, просто держит в своих объятиях. Поэтому я встаю и обнимаю ее в ответ, и она сжимает меня все крепче и крепче. Долгое время никто из нас не произносит ни слова, и начинает казаться, будто этот миг превращается в вечность.

Как же сложно. Тишина так давит, что совершенно невозможно произнести эти три слова, хотя сейчас, похоже, самое подходящее время. Но слова застряли в горле. Они не выходят.

Мама шмыгает носом и отстраняется.

– Можешь поставить его в холодильник? Я хочу принять ванну. – Ее голос звучит сдавленно и хрипло.

И не успеваю я собраться с ответом, как она уже поднимается по лестнице

Что это было?

7 февраля

5 месяцев, 8 дней

Сегодня Коннор вышел на новую работу, и у меня освободилось время для себя.

Последние несколько месяцев мы провели неразлучно, и теперь я ума не приложу, что с собой делать. В моем распоряжении время, уединенность и тишина.

У мамы появились какие-то дела в Сиэтле, почти в трех часах езды отсюда, так что я торчу в своей комнате, лежа на плюшевом ковре и глядя на светящиеся звезды, которые давным-давно прилепила на потолок. Сложно представить, кем я была тогда. Когда все мое внимание занимали наклейки и раскраски.

Мне нравится моя комната. Это мой личный рай. Хотя дверь и напоминает хлипкую картонку, я чувствую себя здесь как в неодолимой крепости.

Когда звонит домашний телефон, я не сразу реагирую на него, поскольку давно не слышала этот смешной визжащий звук, который издают большие красные губы. Последнее время я прокрадываюсь домой после одиннадцати, надеясь, что мама меня не поймает и не ужесточит комендантский час.

Я встаю и поднимаю трубку, полагая, что это Коннор. Интересно, как проходит его первый рабочий день?

Но это не он.

Это Эбби.

– Энн?

Замираю. Ее голос такой знакомый и такой... одновременно чужой.

– П-привет, – бормочу я.

– Не верится, что ты ответила на звонок.

– Ага. Я сегодня дома.

– Хочешь погулять?

Ее вопрос надолго повисает в воздухе. Я слышу только жужжание. Наверное, она уже повесила трубку.

– Да, – наконец отвечаю я. И это правда.

– Буду у тебя через двадцать минут.

И она отключается, пока я не успела передумать.

Двадцать минут спустя мы мчимся по дороге в ее желтом «мустанге». Мы с Эбби всегда фанатели от Кристины Агилеры, хоть теперь она уже не очень и слушать ее немного стремно. Но нам нравится классическая Кристина времен «Genie in a Bottle». Мы на пределе легких подпеваем ей под свист ветра – в машине опущены окна, хоть на дворе холодный февральский день, а от морозного воздуха спутываются волосы и хрипнет голос.

Свобода. Вот что я чувствую сегодня. Только ее я и ощущаю сейчас.

Приехав в «Ред Робин»», мы заказываем дорожные фруктовые напитки и огромные корзиночки с картошкой фри и бургерами.

Будем есть, пока не лопнем.

– Слышала, Джен Николс встречается с Майком Фенсером? – Эбби протягивает мне солонку с приправами, я посыпаю картошку и возвращаю ту назад.

– Фу-у!

– Знаю. – Она улыбается, ее глаза блестят. Эбби всегда любила посплетничать, а нам давно не выпадало случая потрепаться. – Он какой-то мерзкий и потный. – Она высовывает язык от одной мысли о поцелуях с Майком Фенсером, словно это самая отвратительная вещь, которую только можно представить.

– И такой бугай, – добавляю я, выпятив грудь и расправив плечи. – У него даже нет шеи. Подбородок сразу переходят в грудь.

Глаза Эбби загораются, и она разражается своим удивительным, громким и неповторимым смехом.

– А она такая маленькая. Можешь представить их... – Эбби сопровождает свои слова покачиванием бедер.

– Фу-у! – повторяю я, имитируя рвотные позывы.

Эбби откусывает бургер, но что-то из начинки выпадает в корзинку. Нисколько не смущаясь, она собирает все и отправляет в рот.

– Наверное, у них все закрутилось на зимнем балу.

Зимний бал. Я пытаюсь оградиться от жалящего влияния этих двух слов, но тщетно, укол горечи ранит меня при мысли об изумрудном платье в шкафу, которое никто так и не увидел. Я кладу бургер обратно в корзинку, потому что еда вдруг встает комом в горле, и медленно потягиваю клубничный лимонад, но он уже не кажется

таким вкусным, каким был три минуты назад.

Очевидно, Эбби понимает, что ляпнула лишнее, и тут же меняет тему.

– Хочешь посмотреть новый фильм с Дженнифер Гарнер? Говорят, он очень смешной.

Я смотрю на время. Коннор освободится через два часа, я не успею посмотреть кино и приехать домой к его возвращению. Он обещал позвонить по дороге с работы, и в этом можно не сомневаться.

Но, даже несмотря на инцидент с упоминанием зимнего бала, мне весело с Эбби и не хочется все сворачивать. Коннор не будет возражать против кино. Он знает, что мы с Эбби почти не видимся.

– Да. Конечно. Давай.

Эбби радостно улыбается. Двадцать минут спустя мы покидаем «Ред Робин» и идем через парковку торгового центра к кинотеатру. Там Эбби покупает нам два билета и настолько большое ведерко попкорна, что его хватило бы на шестерых.

На два часа я растворяюсь в романтической комедии, забываю о реальности, но в хорошие моменты все же вспоминаю о Конноре. На выходе из кинотеатра чувствую себя легче воздуха и буквально плыву к машине.

Я нуждалась в таком дне, как этот. Почему я постоянно избегаю Эбби? Почему не могу сбалансировать свою жизнь вместо того, чтобы полностью отдаваться Коннору? Он любит меня, и я люблю его, но иногда следует проводить время и с другими людьми. Мы не должны заикливаться друг на друге.

Мне не терпится увидеть Коннора и узнать, как прошел его день, поэтому по моей просьбе мы едем прямо к нему. Потом попрошу его подбросить меня домой.

Когда мы останавливаемся, я вижу, что Коннор сидит на крыльце, и мое сердце подскакивает к горлу. Почему он сидит там в разгар зимы? На улице так холодно, что можно увидеть пар от дыхания.

Коннор встает и направляется к нам, по его походке заметно, что он зол. Поступь тяжелая, а длинные шаги буквально проглатывают расстояние между нами.

У меня сердце уходит в пятки. Не стоило выключать телефон в кинотеатре. Да и вообще не надо было смотреть этот фильм, я ведь обещала встретить его дома. А сама опоздала на час. Он наверняка

хотел рассказать про свой первый рабочий день.

Или он просто переживал за меня...

– Где ты была?

Коннор уже стоит у двери, когда я вылезая из машины.

– Мы с Эбби смотрели фильм...

– Ты сказала, что будешь дома к моему приходу. У меня выдался сумасшедший день, и вот я возвращаюсь сюда...

– Боже, успокойся, – отдергивает его Эбби. Я даже не заметила, как она подошла ко мне. – Мы просто сходили в кино. Думаю, ты в состоянии прожить без нее один день.

Я открываю рот, чтобы сказать Эбби, мол, сама разберусь, но Коннор меня опережает.

– Не вмешивайся, – рявкает он, повернувшись к ней.

Я беру его за руку. Мне не нужна эта ссора.

Эбби распрямляет плечи.

– Она моя лучшая подруга. Я не могу не вмешиваться. Я и так не вмешивалась слишком долго. Может, мне сразу следовало сказать ей, что я на самом деле о тебе думаю, а?

Коннор щурит глаза и выдергивает руку из моей хватки.

– Может, это мне следовало сказать ей, что я думаю о тебе.

– Ой, ну пожалуйста. С радостью послушаю. Что же тебя не устраивает? Я слишком хорошая? Ведь ты самая настоящая скотина. Или, возможно, я слишком умная? Ведь ты дурак дураком.

Я вздрагиваю. Почему из всех слов она выбрала «дурак»? Коннор ненавидит это слово.

Он шагает к ней, враз сокращая расстояние между ними. Но Эбби не отступает. Она выше меня. И их лица оказываются на одном уровне.

– Я тебя не боюсь. Думаешь, ты крутой, но это не так. – Она смотрит на него с отблесками уверенности и надменности в глазах. Эбби наслаждается этой стычкой. Она ждала этого момента. Теперь я это понимаю. Она с самого начала сдерживалась, ожидая своего шанса все ему высказать.

Эбби отворачивается от него и накрывает ладонью мою руку, которой я все еще держусь за дверь машины.

– Не оставайся здесь, Энн. Поехали со мной. Ты этого не заслуживаешь.

Я беспомощно смотрю на ее руку. Меня знобит.

– Не могу. Ты же знаешь, я не могу, – шепчу я, словно надеясь, что Коннор не услышит.

– Нет. Можешь, – шепчет она в ответ, а сама убирает от меня руку. – Но не хочешь.

Я поднимаю голову и ловлю ее взгляд, никто из нас не произносит ни слова. Но Эбби все понимает. И не злится. Не знаю, как ей это удастся, но она на меня не злится. Она просто кивает и мимолетно обнимает меня, затем отталкивает Коннора и садится обратно за руль.

Коннор пытается оттащить меня, но я тупо стою на тротуаре и наблюдаю, как желтый «мустанг» скрывается за углом.

Какая-то часть меня чувствует, что это, вероятно, наша последняя встреча.

5 февраля

5 месяцев, 6 дней

Я совсем забыла, что сегодня в школе короткий день. После учебы заглянула к Коннору, но его дома не оказалось, и мне пришлось идти к себе.

Непривычно находится здесь днем. Все чаще я возвращаюсь домой лишь переночевать. Я не ужинаю здесь, не смотрю телевизор, просто прихожу и заваливаюсь спать.

Но сегодня я сижу на диване с пачкой чипсов и за просмотром «Сплетницы» крашу ногти на ногах, хотя их вряд ли кто-то увидит, так как за окном зима. На удивление приятный день.

Вдруг слышу, как открывается дверь гаража – мама приехала, и все мое спокойствие вмиг улетучивается.

Мы не виделись около двух недель. Уверена, она начнет спрашивать, где я провожу дни, чем занимаюсь, какие у меня оценки. Стандартный набор вопросов – все для галочки.

Я закрываю лак и обмахиваю ногти газетой. До меня доносится стук каблуков по травертиновой кухонной плитке. Мама наверняка уже слышит включенный телевизор.

– О, Энн! Что ты делаешь дома? – Я поднимаю глаза – на ней универсальный зеленый костюм-тройка, а волосы по-деловому собраны в обычный французский пучок.

Пожимаю плечами.

– Учитель на курсах или типа того.

Она кивает.

– Как дела в школе?

– Хорошо. Думаю, я получу три и семь за этот семестр.

Снова кивок.

– Молодец. Есть какие-то проблемы с предметами? Учителя не придираются?

Еще одно пожатие плечами от меня.

– Все в порядке.

– А твой парень? Как у него дела?

– Хорошо.

Не успеваю и глазом моргнуть, как мама садится рядом со мной

на диван.

– Ты уверена, что он не... – Она замолкает.

– Не «что»?

– Просто мне кажется... думаю, в море есть и другая рыба, – выдает она на одном дыхании, соединив все слова в одно. Интересно, как долго она сдерживалась в ожидании подходящего момента.

В очередной раз пожимаю плечами.

– Даже не сомневаюсь. Но я хочу быть с ним.

– Почему? Это ведь не... – На этот раз она резко себя обрывает.

– Это ведь не «что»? – спрашиваю я.

– Он не совсем... – Снова замолкает.

– Просто скажи, что ты хочешь. – Я произношу это немного резче, чем собиралась, потому что хочу, чтобы она наконец-то высказалась, и очевидно, хорошего от нее ждать не стоит. Зачем ходить вокруг да около?

– Он недостаточно хорош. Для тебя. Ты лучше него.

Вот оно. Ее мнение, высказанное вслух. Я знала, что Коннор ей не нравится – заметила это еще в день их знакомства, когда она улыбалась ему, стараясь казаться милой и веселой. Уж слишком все было наигранно.

– Ты его плохо знаешь.

– Так расскажи о нем, – произносит она сдержанным тоном, сидя с идеально ровной спиной.

– Мы не в суде, мам. Я не собираюсь с тобой дискутировать.

– Просто мне кажется, тебе следует встречаться и с другими людьми, – говорит она, протягивая руку и поглаживая меня по коленке. Приходится приложить немалые усилия, чтобы не отшатнуться в ответ, не огрызнуться, потому что меня бесит то, что она хочет нас разлучить. Коннор – любовь всей моей жизни. И я его не брошу. Ни сейчас, ни когда-либо. Я обещала ему. Несмотря ни на что.

– Мам, хватит уже, ладно? Этого не будет.

Я тянусь за лаком, но опрокидываю флакон, и по деревянному столу разливается большое красное пятно.

– Просто подумай об этом. Целься выше.

И не дожидаясь моего ответа, она уходит, а я остаюсь убирать бардак.

30 января

5 месяцев

Мои завитые волосы уложены в высокую прическу, а шея украшена небольшим прелестным бриллиантовым кулоном, который мне подарил Коннор пару недель назад.

Я выгляжу прекрасно, но идти некуда. Остается только сидеть на диване у двери и ждать.

Я не знаю, где Коннор.

И не уверена, что хочу знать. Может, оно и к лучшему, если он так и не позвонит и я просто просижу здесь, теряясь в догадках.

Его отец в запое уже два дня. Судя по всему, дело в этом. Коннор где-то там все улаживает, разбирается с мамой, пытается решить проблемы, которые постоянно его преследуют.

Эбби наверняка места себе не находит и скоро начнет меня искать. Встанет у входа в спортзал, ожидая моего появления в красивом зеленом платье, которое сама же помогла выбрать.

А я в это время буду сидеть здесь и ждать Коннора, только он все равно не придет.

Не знаю, с чего я решила, что все получится. С чего решила, что Коннор сделает нечто столь... детское?

Он живет в мире взрослых людей и их проблем. И этот мир несправедливо быстро его старит.

Именно поэтому мне кажется, что мы вместе уже много лет, а не несколько месяцев. В его мире все быстро, напряженно и реально, а школьные танцы – это по-детски, глупо и бессмысленно.

Но мне все равно хотелось на них пойти. А теперь впору заплакать, сидя дома с прической за сорок долларов и свежим маникюром.

Я провела целый час в салоне, а результата никто так и не увидит.

Разочарование отдает горечью во рту. Сегодня тот самый раз, когда все должно было пойти по-другому: Коннор собирался общаться с Эбби и веселиться со мной. Так, как я себе представляла, когда познакомилась с ним пять месяцев назад. Он должен был стать тем фрагментом, который впишется в мою жизнь и сделает ее целостной, а не тем, из-за которого все разрушится.

Коннор хотел сопровождать меня на этот бал, хотел пойти ради меня, но его отец все испортил. Теперь вместо танцев Коннору приходится спасать маму, хотя как можно помочь человеку, которому это не нужно?

Я все так же сижу в ожидании, пока небо темнеет и дом погружается в тишину. И только в одиннадцать, когда танцы заканчиваются, я возвращаюсь в свою комнату, снимаю платье и вешаю обратно в шкаф, где его никто никогда не увидит. Для верности запикиваю подальше. Может, если я его больше никогда не увижу, то и не вспомню это горькое чувство.

Сажусь за туалетный столик и вытаскиваю из волос шпильки, наблюдая, как волосы рассыпаются по плечам. Смываю с лица косметику, которую наложила с таким трудом, и забираюсь в кровать. Кожу еще немного щиплет после умывания.

Зимний бал настал и прошел, а я на него так и не попала.

30 августа

Один год

Я слушаю мольбы Коннора по ту сторону двери, но не поднимаю голову с колен и не открываю глаза.

Он наверняка весь промок. Ведь, скорее всего, даже не надел куртку, максимум – термобелье под футболку.

Где-то далеко грохочет гром, то наращивая мощь, то снова затихая.

Коннор орет, пытаюсь перекрычать бурю.

Я поднимаю голову и смотрю в окно – на капли воды, струящиеся по стеклу. Как бы мне хотелось, чтобы боль смывалась так же легко.

Коннор понижает голос, стараясь достучаться до меня:

– Обещаю тебе. Клянусь, я больше никогда тебя не трону. В этот раз я обращусь за помощью. Я зашел слишком далеко, знаю. Я пойду на курсы по управлению гневом, к психологу или еще куда. Куда угодно. Пожалуйста, Энн, простопусти меня. Разрешипомочь. Ты нужна мне.

Я снова опускаю голову на колени.

Я знаю, что нужна ему.

В этом-то и проблема.

Я нужна ему, чтобы умирять войны, которые он ведет с самим собой. Чтобы его душа не раскололась надвое.

Раньше мне казалось, я способна помочь ему.

Теперь уже нет. Люди не меняются только потому, что вы этого хотите. Они не глина, из которой можно лепить что угодно.

Коннор скорее сталь, о которую разбиваются все мои усилия.

Единственный, кто изменился, – это я.

Когда-то давно я улыбалась, смеялась, держала голову высоко, с нетерпением ожидая нового дня. А теперь даже не могу вспомнить, когда мечтала хотя бы о будущем без дождевых туч, ссор и нескончаемой серости.

И если я сейчас открою дверь, все продолжится в том же духе.

Если только...

Если только это не дно. Теперь-то Коннор должен понять, что курсы по управлению гневом и психолог – это единственный

оставшийся вариант.

Он меня ударил. И на этот раз все не обошлось простым синяком. Кажется, у меня что-то сломано. Все тело ноет.

Я крепко зажмуриваю глаза, желая заглушить в голове звук его голоса.

Я долго держалась. Но пришло время сделать выбор.

Мне нужно решить, кого я люблю больше: себя или Коннора.

20 января

4 месяца, 21 день

Пока родителей Коннора нет дома, мы решили в спокойной обстановке составить дальнейший план действий. Разложили на полу газеты, заявления и резюме. Организаторские способности никогда не были моей сильной стороной, но сегодня для дела пришлось вооружиться маркерами, стикерами и блокнотом.

Наша цель – найти Коннору достойную работу. На предыдущей платили копейки, даже отложить на сберегательный счет было нечего.

Коннору не терпится съехать от родителей, поэтому мы ищем вакансии с зарплатой, которой хватит на оплату собственного жилья. Как только он переедет, все изменится. Мы наконец-то оставим его родителей и все воспоминания, связанные с ними, позади и будем только вдвоем. Все его мысли наконец сосредоточатся на мне и на нашем будущем. Нам ничто не будет мешать.

Я беру вырезку с объявлением.

– А как тебе это: «Требуется разнорабочий. Развивающаяся строительная фирма ищет трудолюбивого работника. Зарплата от девяти долларов в час»?

Коннор морщит нос.

– Вкалывать на стройке за девять баксов? Не знаю... это не так уж и много.

Пожимаю плечами. Мама заставляет меня работать только летом, да и то лишь бы я не болталась без дела, пока ее нет дома. Половину заработанных денег она откладывает мне на колледж, а оставшуюся часть я трачу как хочу. Тяжелым трудом я никогда не занималась, и не мне судить Коннора за такую реакцию.

– Ладно, что скажешь на это: «Помощник электрика. Зарплата зависит от стажа, опыт работы желателен». Думаю, отсутствие опыта – не критично, если они не найдут никого подходящего, то могут дать тебе шанс.

Коннор пожимает плечами, и я понимаю, что этот вариант не прокатит. Наверное, ему пока рано браться за такую работу. У него маловато опыта, за плечами лишь подработка в нескольких ресторанах и в компании по ландшафтному дизайну. Из-за постоянной драмы дома

его сложно назвать надежным работником. Людям плевать на ваши проблемы, им просто нужно, чтобы ты приходил каждый день, даже если всю ночь пытался уладить конфликт матери с отцом.

Я протягиваю ему листок.

– Ладно, тогда посмотри это, а я займусь резюме. У меня почерк лучше.

Первой выбираю анкету в хозяйственный магазин и старательно вывожу известные мне данные: имя, дату рождения, адрес и номер телефона Коннора.

Когда добираюсь до пункта о причине ухода с предыдущей работы, приходится подключить фантазию. Про компанию по ландшафтному дизайну пишу, что не было перспектив карьерного роста. Это почти правда – уверена, никто не станет задавать вопросов. О каких перспективах там можно говорить? Он стриг газоны все лето.

Все это занятие похоже на упражнение по развитию творческого мышления. Чем ближе к концу, тем сложнее определить, чего здесь больше: правды или лжи. Но именно эта безобидная ложь и недосказанность может помочь Коннору получить работу и поскорее отсюда выбраться.

Когда он закрепится на новой должности, его жизнь изменится. Коннор сможет двигаться дальше и забыть обо всех этих глупых мелочах. Мы перепишем его прошлое, год за годом. Когда я окончу школу, мы оба начнем с чистого листа и вместе шагнем в светлое будущее. Все будет прекрасно.

Я не подавала заявку в Вашингтонский университет, о котором всегда мечтала, поэтому мне придется пойти в местный колледж. Я пока не сказала об этом Коннору, но иногда мне хочется спросить у него, не желает ли он пойти со мной, записаться на пару курсов и сделать что-то для себя. Возможно, это помогло бы ему найти свое призвание.

В итоге получилось шесть готовых к отправке анкет, заполненных аккуратными печатными буквами, и мы нашли еще четыре места, куда нужно отправить резюме. Рука отваливается от усталости, но мне все равно.

У Коннора заметно повышается настроение при виде результатов нашего труда. Он понимает, что его вполне могут взять на новую работу. Ему нужно лишь показать, как воплотить свои мечты в реальность, как лучше действовать, тогда он увидит, насколько это

легко. Все в его руках. И ничто не в силах его остановить.
Ничто не в силах остановить нас.

15 декабря

3 месяца, 15 дней

Достав учебники из школьного шкафчика, я закрываю дверцу и тут же подпрыгиваю от неожиданности – за ней, глядя на меня, стоит Эбби.

– Боже, ты меня напугала. Не делай так больше.

Я смеюсь, но ей совершенно не весело. Она все так же строго смотрит мне в глаза, а затем спрашивает:

– Неужели это так неожиданно – встретить свою лучшую подругу?

Серьезный вопрос в обличии шутки.

– Знаю, ты мне вчера звонила. Извини. – Опускаю взгляд на свои учебники. – Я собиралась тебе перезвонить. – Когда это я успела достать учебник по физике? Он мне не понадобится.

Поворачиваюсь обратно к шкафчику и начинаю набирать первые цифры кода – 32. Не знаю, почему, но у меня такое чувство, словно я сделала что-то плохое. Словно Эбби поймала меня за руку, когда я воровала печенье из коробки или типа того.

– Я и на прошлой неделе звонила. И на позапрошлой. – Она могла бы повысить голос, но нет, произносит это спокойно. Похоже, Эбби не злится на меня, хотя я в последнее время постоянно на нее забиваю. Она придвигается ближе. – План нашего проекта нужно сдать через три дня, но он готов лишь наполовину.

Я тяжело сглатываю и случайно прокручиваю шестерку на кодовом замке – теперь придется начинать заново. Меня раздражает чувство вины.

Не стоило избегать Эбби. Три месяца назад мы с ней были неразлучны.

Три месяца. Столько времени я встречаюсь с Коннором и ровно столько потребовалось, чтобы забыть, каково это – ежедневно зависеть с лучшей подругой.

Отрываю взгляд от замка и смотрю на нее. Эбби стоит так близко, что можно разглядеть ее зрачки. Она не злится – ей больно, и от осознания этого мне становится еще хуже. Не стоило бросать ее так.

– Мы все наверстаем. Скоро. Пришли мне план, и я его дополню.

– То же самое ты говорила про список литературы. Мне пришлось заканчивать его самой на математике, потому что ты о нем забыла.

Я кривлюсь.

– Знаю. Я была плохой подругой. Мы поработаем над планом в ближайшее время, честно.

Боже, да что с этим дурацким замком?

– Может, сегодня?

Я снова останавливаюсь на цифре «32». Я знала, что Эбби это предложит. Именно поэтому мне так неловко сейчас с ней разговаривать. Раньше мы проводили вместе каждый вечер. Для этого не требовалось предварительных договоренностей, вопросов, мы просто встречались. Когда в моей жизни появился Коннор, я оборвала эту традицию.

Теперь я целыми днями думаю только о том, как увижусь с ним, чем мы займемся. Так мне хочется проводить время. Но как ей в этом признаться?

Я не могу.

– Позвони мне завтра, и мы обо всем договоримся. Накупим вредной еды и нагоним работу по проекту. Может, даже забежим вперед. Что скажешь? Я буду в твоём распоряжении весь вечер, обещаю.

Наконец открыв замок, я запикиваю учебник по физике в шкафчик и захлопываю дверцу, затем поворачиваюсь к Эбби. На ее лице отражается боль, причина которой мои слова. Я в очередной раз отталкиваю лучшую подругу и ненавижу себя за это. Но Коннор сказал, что сегодня меня ждет сюрприз. А еще обронил, что подумывает провести выходные на пляже. У меня уже есть планы, вот и все. Я правда хочу погулять с Эбби, просто не сейчас.

– Ладно, договорились.

– Точно?

Не знаю, зачем переспрашиваю. Как будто во второй раз ее ответ прозвучит более искренне.

– Конечно. Увидимся позже, – отвечает Эбби, после чего разворачивается и уходит, не дав мне больше сказать ни слова.

Интересно, как долго я смогу ее игнорировать, прежде чем она перестанет считать меня своей подругой?

10 декабря

3 месяца, 10 дней

Я жду его звонков. Перед сном уменьшаю громкость на телефоне, чтобы его не было слышно за пределами моей комнаты, и кладу трубку на подоконник, рядом с подушкой.

Так я успею ответить еще до того, как пройдет первый гудок. И мама ничего не услышит.

Ночи наполнены ожиданием и плохим сном: а вдруг телефон затрезвонит мне на ухо, в мгновение ока вырвав из дремы в реальность и заставив сердце гулко стучать в груди.

И вот раздается звонок. Я хватаю трубку, и в темноте загораются кнопки.

– Алло?

В моем голосе ни малейшего намека на сонливость. Никогда. Во сколько бы он ни позвонил, для него я никогда не сплю.

– Эмм?

Мне сразу понятно, в каком он настроении, для этого даже не нужно слышать тон его голоса. На часах без десяти два. В такое время Коннор звонит только в состоянии депрессии. Потому что нуждается во мне.

– Да. Я здесь.

Перекатившись на спину, смотрю в темноту.

– Я не... я больше так не могу.

Его слова застывают в воздухе. Я долго не отвечаю, лишь часто моргаю и вглядываюсь в темноту – тяну время, стараясь подобрать правильные слова.

– Расскажи мне все.

– Это просто не... Я больше так не могу. У меня ничего нет.

– У тебя есть я. И я люблю тебя.

– Знаю, но я так устал. Ты даже не представляешь, как я устал от всего этого.

Я тоже.

– Просто поговори со мной, хорошо? Подумай о другом. Твой дядя устроил тебе собеседование. Если там не выгорит, мы возьмем газеты и разошлем резюме по всем подходящим вакансиям. Скоро ты

сможешь съехать от родителей. Все станет лучше, я обещаю.

– Хотел бы я вырасти в твоём мире. Там, где нет места таким людям, как мой отец.

– Ты не в силах изменить прошлое, но можешь изменить будущее.

– Знаю. Но иногда я не понимаю, как это сделать. История повторится. Я стану таким же неудачником, как он.

– Нет. Ты умнее его. И ты это знаешь. Ты добьёшься успеха. Ты далеко пойдёшь.

Я уже не представляю, что отвечать ему во время таких разговоров. Все слова поддержки переиграны в различных вариациях бесчисленное количество раз. Раньше ему было достаточно просто поговорить со мной. Его настроение улучшалось, как только я отвечала на звонок.

Но чем дальше, тем больше мне приходится прилагать усилий. С каждым разом все труднее помочь ему увидеть светлую сторону такой жизни.

– Я иду на мост, – произносит он. Его слова выводят меня из оцепенения, как будто сотрясая физически. В его голосе нет угрозы. Просто обещание. Просто реальность.

Я сажусь в кровати и натягиваю на плечи одеяло.

– Пожалуйста, не делай этого.

– У меня ничего нет, Энн. Ты не понимаешь.

– Просто не делай этого, – повторяю я. – У тебя есть столько всего. Ты ведь и сам это знаешь.

Коннор шмыгает носом. Наверняка плачет. Даже если внешне кажется, что он в порядке, я знаю, что его душевные раны едва зарубцевались. И сегодня швы разошлись и кровоточат, сегодня он может сломаться.

– Я приеду к тебе, ты дождёшься?

Тишина в ответ оглушает. Мне кажется, я его уже потеряла.

– Дождусь.

– Буду через десять минут.

И я кладу трубку, пока он не успел возразить, пока не передумал. Нахожу вчерашнюю одежду и надеваю ее, но не спешу открывать дверь, прислушиваюсь. Спальня мамы находится на другом конце коридора. До меня доносится ее храп.

Она ничего не подозревает.

Я спускаюсь по лестнице и оставляю записку в блокнотике на холодильнике: «Ушла в школу пораньше. Готовлюсь к уроку по литературе».

Мама встанет в половине седьмого. Вся моя затея с запиской про подготовку к уроку шита белыми нитками, но мне все равно.

Она обо всем догадается, но не сможет ничего доказать. Иногда мне кажется, что ей проще поверить в очередную ложь, лишь бы не докапываться до истины и не признавать, что наши отношения далеки от идеала. Очень похоже на нее – прятать голову в песок.

Наша подъездная дорожка расположена на уклоне, и как только я снимаю с ручника, машина скатывается на проезжую часть. Тогда я завожу мотор и уезжаю.

В машине тихо. Я не включаю ни радио, ни печку – дрожу в тишине, проезжая под фонарями мимо темных домов. Интересно, чем заняты другие люди. Интересно, тепло ли им в безопасности своих кроватей, знают ли они о том, что происходит вокруг.

Наконец я на месте. Входная дверь в дом Коннора не заперта, и я крадусь в его комнату мимо родительской спальни.

Он лежит в своей кровати, по радио играет въедливая фортепианная мелодия. На мгновение я замираю у двери и смотрю на него. Какое-то время Коннор не двигается. Как будто спит. Но потом он шевелится и потирает глаза.

Только я подхожу и залезаю на кровать, как Коннор поворачивается ко мне, обнимает и зарывается лицом в волосы. Я протяжно выдыхаю, и напряжение покидает мое тело.

Мы не разговариваем. Просто засыпаем. Он нуждался в моем присутствии, чтобы расслабиться и заснуть.

А утром Коннор забудет об этой ночи. Завтра он проснется самим собой, мы предадим забвению весь этот разговор и просто будем вместе.

Я люблю Коннора и готова помогать ему снова и снова, пока это меняет его жизнь к лучшему.

Вместе мы непобедимы.

21 ноября

2 месяца, 22 дня

Дом Коннора сотрясает невыносимый грохот тяжелого рока. Приходится даже уши прикрыть, чтобы нормально дойти до нужной комнаты. Стоит только открыть дверь, как звук обрушивается на меня с удвоенной силой, вытесняя все мысли и чувства.

Коннор резко оборачивается ко мне, и я отшатываюсь, заметив вспышку ярости в его глазах. Но она вмиг затухает вместе с осознанием, что это пришла я.

Он притягивает меня к себе, чтобы я могла его услышать, и кричит сквозь музыку:

– О боже, прости, я думал, это отец. – Обнимает меня. – Я не хотел тебя напугать.

Я отстраняюсь, ощущая некий дискомфорт. Коннор заглядывает мне в глаза, и я понимаю, что выгляжу встревоженной, раз он жестом показывает подождать секунду и идет к стереосистеме. Звук резко стихает. В ушах звенит тишина.

Я жду его объяснений.

– У меня был длинный день. – Коннор плюхается в маленькое кресло, а я продолжаю стоять в дверном проеме. Меня заклинило на моменте нашей встречи, я прокручиваю в памяти его взгляд и ту неконтролируемую ярость, которая плескалась в его глазах. Это был не тот Коннор, которого я знаю. Это был кто-то другой, кого я никогда не видела раньше.

«Я бью вещи, а не людей». Так он сказал мне однажды. Но сегодня на какую-то секунду мне показалось, что он может ударить человека. Не меня. Но, возможно, своего отца.

– Хочешь об этом поговорить?

Коннор медленно и протяжно вздыхает.

– Не знаю. Ты уверена, что готова услышать правду? Я уже говорил тебе, что моя жизнь... это сплошной хаос.

Я захожу в комнату.

– Поделись со мной. Тебе станет легче.

На мгновение Коннор поджимает губы, сомневаясь, что я в состоянии с этим справиться. Но я справлюсь. Я знаю, что справлюсь.

Только бы он позволил мне помочь.

– Отец взял любимые фотографии мамы и разорвал их.

– Зачем?

– Мама хотела на выходных провести бабушку. Та вроде бы заболела. А он обвинил маму в том, что она им пренебрегает.

– Ох.

Я слишком часто отвечаю ему одним этим словом. Всегда только «ох». Почему я никогда не знаю, что сказать? Почему у меня нет нужных слов, которыми я смогу объяснить, доказать, что его отец больше ничего не значит?

Коннор складывает руки домиком, но затем нервно переплетает пальцы. Или же гневно? Я все еще не уверена.

– Он не имеет права так поступать. Отбирать и разрушать все. Это ее мать. И она пожилой человек. Если заболевание серьезное, бабушка может умереть, а он не разрешает с ней увидеться. – Голос Коннора становится тише. Думаю, гнев отступил.

Я подхожу к креслу, и мы почти соприкасаемся коленями.

– Ты прав. Это неправильно.

Коннор отвечает мне легкой печальной улыбкой, но не поднимает глаз.

– Я же говорил, что ты не готова к правде.

– Это не так. Я хочу знать о тебе все. Никаких секретов.

Коннор смотрит на свои руки и кивает. Я замечаю его облегчение, радость от того, что я не развернулась и не выбежала за дверь.

– Мой отец отбирает у людей все. Он жаждет всего. Если он не способен стать счастливым, то и тебе тоже нельзя. Он проделывал это со мной множество раз. Ты находишь нечто ценное для себя, что делает тебя счастливым, а он без колебаний это уничтожает.

Наконец Коннор обращает на меня свой взгляд, и я понимаю, что в нем отражается не гнев или ярость, а печаль. Потянув за шлевку на джинсах, он сажает меня к себе на колени и обнимает за талию. Я уютно устраиваюсь, прижимаясь боком к его груди. Чувствую тепло его тела и горячее дыхание на шее.

– Однажды он купил собаку – бигля, – раздается уже совсем шепот. – Я любил его. Назвал Арахисом. Но как только отец понял, что я дорожу этим псом, то избавился от него. Не знаю, что он сделал: отдал

кому-то или пристрелил. Собака просто исчезла. Я проплакал целую неделю. — Коннор начинает выводить круги на моей спине. — Невозможно так жить. В этом постоянном хаосе. Я просто хочу, чтобы он закончился. Хочу, чтобы все это закончилось.

Что-то в его голосе звучит неправильно. Словно он говорит не о конце хаоса, а конце своей жизни. Я медлю с ответом, обдумывая каждое слово. Мои слова сейчас важны для него, как никогда.

— Однажды так и будет. Ты не будешь так жить вечно. Скоро ты найдешь работу, съедешь отсюда и оставишь все это в прошлом.

Я смотрю на наше отражение в зеркальном шкафу: на то, как Коннор уткнулся лицом мне в шею, на себя с усталым и огорченным видом. Все это напоминает какую-то жалкую и ничтожную картину, вызывая желание выйти из комнаты и накричать на этого горе-отца за то, что он все портит.

— Я говорил себе это годами. Обдумывал каждую деталь. Но этому нет конца. Мне никогда не выбраться. Маме нужна помощь. Все время. Как думаешь, почему он сейчас ушел? Мне пришлось встать на ее защиту, чтобы он отступил. Этому нет конца. Как же я хочу, чтобы все это закончилось.

И вот снова. Что он под этим подразумевает?

Я закрываю глаза, потому что больше не в силах видеть наше отражение, и концентрируюсь на успокаивающем ощущении его ладони на спине поверх моего свитера, на ощущении его дыхания на моей коже.

— Знаю, — произношу я, хотя не имею ни малейшего понятия, о чем он говорит.

— Иногда мне просто хочется... просто хочется... — Коннор замолкает, и я уже не думаю, что он закончит мысль, как вдруг: — Я так измучен, что хочу со всем покончить. Расквитаться с жизнью.

Вот оно. Признание, проскальзывающее между строк, теперь высказано вслух.

Я выпрямляюсь, чтобы повернуться и посмотреть на Коннора. Образумить его.

— Не говори так. Я люблю тебя. Все наладится, обещаю.

— Но как? Я погряз в этом. Я здесь родился, здесь и умру. В окружении такой жизни.

Не успевает он договорить, как я мотаю головой. Неужели он не

понимает, что может изменить свою жизнь?

– Да, но теперь у тебя есть я. Мы пройдем через все это вместе. Я помогу тебе. Обещаю. Я буду рядом.

Все, что я говорю, звучит так глупо. Но вот Коннор смотрит на меня, и уголок его губ приподнимается в едва заметной улыбке. Она не затрагивает его глаз, но это все же улыбка.

– Ты так добра ко мне.

И я улыбаюсь ему в ответ. Он крепче обнимает меня, целуя шею, ключицу, руку, и я понимаю, что подобрала правильные слова.

Но, даже когда мы растворяемся в нашем поцелуе, я не могу стереть из памяти вспышку ярости в его глазах. Тот Коннор был чужим. Ему здесь не место.

Мой Коннор не такой.

19 ноября

2 месяца, 20 дней

Сегодня мы с Коннором играем в очередную настолку, на этот раз в «Морской бой». Играю я ужасно. Он реально хорош в таких играх, я – нет. Он уже потопил три корабля, а мне не удалось его даже ранить, но по какой-то причине я получаю невероятное удовольствие от происходящего.

– Б-7, – говорю я, взяв белую фишку.

– Мимо.

– О, откуда мне знать? Думаю, ты мухлюешь.

– Неправда.

Я откладываю игровую доску на пол и, сев на колени, пытаюсь заглянуть к нему, но Коннор закрывает расположение кораблей.

– Ну и кто теперь мухлюет?

– Клянусь, ты или передвигаешь корабли, или вообще их не расставил. Не может быть, чтобы я еще ни разу в тебя не попала. Это противоречит теории вероятности.

– Я просто хорош в этой игре, – улыбаясь во весь рот, отвечает он.

– Брехня.

Я прыгаю на Коннора, он от неожиданности заваливается назад вместе со мной, и мы начинаем бороться за доску.

– Так нечестно, я не могу тебе навредить! – улыбается он, наслаждаясь каждой секундой нашей схватки. Как и я.

– И что? Ты постоянно играешь нечестно.

Перекатившись, он в мгновение ока подминает меня под себя, и мысли о доске тут же отходят на второй план. Где-то там продолжает работать телевизор, освещая нас неясным голубым светом. Коннор смотрит на меня с такой страстью, что хочется смаковать это всю ночь, но потом он целует меня, и я закрываю глаза.

Каждый вечер мы приближаемся к этому моменту. Каждый вечер я все ближе подхожу к краю.

А сегодня готова спрыгнуть. Я была готова и раньше, но все же нервничала, хотя размышляла над этим уже довольно давно. Я не просто внушила себе, что готова, я действительно готова.

Коннор натягивает сверху одеяло, заключая наши тела в уютный кокон, и я теряю счет времени.

Он внимательно смотрит мне в глаза, и я киваю ему. Я не могу это сказать. Только не вслух.

Но он все понимает. Высунув руку из-под одеяла, он достает что-то из тумбочки и возвращается ко мне.

– Ты уверена? – шепотом спрашивает он, устраиваясь сверху.

Я снова киваю, наблюдая, как, подобно грозовой туче, темнеет его взгляд, затем зажимаюсь.

После сегодняшнего вечера между нами не останется больше преград.

Именно этого я хочу.

– Я люблю тебя, – признаюсь я.

– Я тоже тебя люблю, – шепчет он, опаяя дыханием мое ухо.

Всего на секунду, когда это происходит, меня пронзает острая боль, и я инстинктивно сжимаю ноги, причиняя себе еще больший дискомфорт.

В ответ Коннор замирает.

– Ты в порядке?

На мгновение у меня сдавливают горло, но затем боль отступает, и я киваю.

– Да. Просто давай помедленнее, – прошу охрипшим голосом.

Он целует меня в щеку, висок, ухо и, наконец, в губы, затем немного отстраняется и толкается вперед. Замерев на секунду в ожидании боли, я вдруг понимаю, что ее больше не будет, и с облегчением выдыхаю.

Мы двигаемся в одном ритме, дыхание Коннора учащается, как и мое, и в нашем коконе становится так жарко, что приходится стащить одеяло.

Из горла Коннора вырывается низкое тихое рычание, значение которого становится понятным, только когда он, хватая воздух ртом, наваливается на меня всем телом.

После секундного молчания он приподнимается и смотрит на меня, застенчиво краснея.

– Прости, я... в смысле, это закончилось... прости, что это не продлилось... э-э... дольше.

И тут я срываюсь. Начинаю хохотать. Мне приходится столкнуть

с себя Коннора, потому что от смеха начинает болеть живот.

– Не думал, что это тебя рассмешит, – говорит он, но посмеивается вместе со мной.

– Знаю, просто у тебя такое выражение лица...

Мне удастся унять смех, чтобы поцеловать Коннора.

– И мне действительно... это было идеально. Честно.

– Неправда. Но я исправлюсь. Обещаю.

– Если тебе повезет, я позволю доказать это.

7 ноября

2 месяца, 8 дней

Сегодня день рождения Эбби. Я потратила полдня на сборы, пока не перемерила все юбки, джинсы и брюки, которые нашла. Теперь вся комната завалена моими нарядами. Столик заказан на шесть вечера в Спейс-Нидл; мы планируем отправиться в город при полном параде, а я никак не могу решить, что надеть, подходящее случаю. По какой-то причине выбор кажется чрезвычайно важным.

Планировать вечер без участия Коннора непривычно. Мы встречаемся всего два месяца, но я провожу каждый день в его доме, наблюдая, как бой часов приближает мой комендантский час.

Как бы мне ни хотелось побыть с ним, сегодня я также в предвкушении от встречи с Эбби. Мы не тусовались вместе уже около двух недель, по большей части по моей вине.

Я не хочу бросать ее. Эбби – подруга мечты. Она из тех, кто всегда помнит о твоём дне рождения, помогает подготовиться к тесту и одалживает свою машину, когда ломается твоя, даже если у нее назначено свидание; главное, что ты доберешься куда надо.

Эбби просто... Эбби. Она не похожа ни на кого. Эбби переехала сюда из Техаса, так что вполне вероятно, ее отзывчивость объясняется южным гостеприимством. Благодаря ей техасцы представляются именно такими – с южным протяжным произношением и очаровательным бескорытием. Уверена, что если когда-нибудь окажусь в Техасе, то буду разочарована, потому что окажется, что никто ей и в подметки не годится.

Она не пропустила ни одного моего дня рождения с тех пор, как переехала сюда в начале старшей школы, поэтому я не могу пропустить ее.

Надеваю через голову миленькую цветастую блузку и смотрюсь в зеркало. Джинсы выглядят повседневно, поэтому меняю их на брюки цвета хаки и проверяю результат. Неплохо. Достаю кардиган из шкафа на тот случай, если позже похолодает.

На улице раздается гудок, и я выглядываю в окно – Эбби вылезает из лимузина. Это ее восемнадцатилетие, так что родители раскошались. Спускаюсь, перепрыгивая через две ступеньки, и

оказываюсь у двери раньше, чем она успевает нажать на звонок.

– С днем рождения! – Обнимаю ее и вручаю подарок. – Но тебе придется подождать до ужина.

– Выглядишь здорово! – Эбби ведет меня к лимузину, и мужчина в водительской форме открывает нам дверь. Эбби дефилирует по дорожке, словно Ванна Уайт. – Ваш лимузин подан, дорогуша!

Я смеюсь, устраиваясь на элегантном кожаном сиденье. Все переживания вдруг отступают, и у меня вырывается вздох облегчения. Этот вечер – моя панацея.

– Ладненько, сейчас захватим Джессику, Рейчел и Джанелл и поедем развлекаться. Хочешь выпить?

Притворяться, будто в руках у нас не игристый сидр, а шампанское, глупо, но мы все равно это делаем, чокаясь бокалами и произнося тост в честь восемнадцатилетия Эбби. И пока мы болтаем, наверстывая упущенное, и подбираем остальных гостей по дороге, кажется, словно между нами ничего и не изменилось. Словно я не игнорировала ее последние несколько недель. Я хочу извиниться, хочу все объяснить, но поднимать этот вопрос в ее день рождения кажется неправильным. Поэтому я молчу.

Когда мы подъезжаем к центру, нас встречают мерцающие огни города и возвышающиеся здания на фоне темнеющего горизонта. Этот захватывающий вид отзывается внутри небольшим сожалением, что Коннор сейчас не со мной и не может оценить романтическую обстановку вокруг.

Наконец наша длительная поездка подходит к концу, и когда лимузин останавливается на кольце, мы все выбираемся наружу и направляемся к подножию башни, цокая каблуками по асфальту. Чувствую себя утонченной, словно мы здесь частые гости. Словно мы завсегдатаи подобных мест.

Лифт находится в сувенирной лавке, заполненной великим множеством маленьких копий Спейс-Нидл. Пока я борюсь с искушением купить сувенир в память о вечере, наша компания заходит в лифт и двери закрываются.

Нас сопровождает настоящий лифтер в веселенькой фуражке и глупом смокинге. Для меня такое непривычно. Он рассказывает об истории этого места – что-то о Всемирной выставке, – но я не слушаю, потому что не могу оторвать взгляд от стеклянных стен. Лифт уносит

нас вверх, в ночь, и меня завораживают огни города, мигающие под нами. С каждой секундой обзор увеличивается, открывая вид на Пьюджет-Саунд, центр города и все остальное.

Как только мы заходим в ресторан, нас провожают к столику у окна. Лучшие места с видом на город достаются нам с Эбби.

Официантка с огненно-рыжими волосами раздает нам меню в кожаных переплетах. Все выглядит аппетитно: фаршированная куриная грудка, каре ягненка и даже лося. Кто станет есть лосятину? Звучит отвратительно. Я решаю заказать курицу. Если она будет вкусной, я расскажу Коннору, и мы найдем рецепт, чтобы приготовить дома самим. Может, я даже куплю этот игристый сидр, чтобы устроить романтический ужин.

Официантка возвращается с клубничным лимонадом, в котором вперемешку со льдом плавают настоящие ягоды.

Потянувшись за стаканом, Джанелл нечаянно опрокидывает его. Кубики льда отскакивают по столу и падают на колени Рейчел.

Я тут же напрягаюсь, наблюдая, как по белоснежной скатерти расползается пятно, и жду, когда все начнут психовать, кричать и вскакивать из-за стола. Но ничего подобного не происходит.

Без понятия, почему у меня возникла такая реакция. Всем плевать. Эбби просто смеется и говорит, что не может поверить, как это Джанелл с ее координацией удалось возглавить команду чирлидерш.

Потом мы делаем заказ и любуемся ночным небом, которое проплывает мимо – весь обеденный зал вращается, поэтому вид за окном меняется. За час мы успеваем все рассмотреть, но этого кажется недостаточно.

Мне бы хотелось увидеть больше – остаться здесь на всю ночь и сосчитать каждый мерцающий огонек города. Мне бы хотелось, чтобы это длилось вечно.

29 октября

1 месяц, 29 дней

У меня плохое предчувствие. Я люблю Коннора, но не думаю, что мама его одобрит. Сомневаюсь, что ей по силам разглядеть, кто скрывается за нарочитым образом грубияна, и понять мои чувства.

Коннору тяжело общаться с незнакомцами: он, как и я, нервничает, но если мне удастся скрывать свое смущение за глупой болтовней, то ему проще промолчать. Зачастую его замкнутость принимают за невоспитанность, а это не так. Первое впечатление о нем обманчиво, на самом деле Коннор хороший парень.

Мама считает, я мечтаю сбежать в какое-то учебное заведение Лиги плюща и выйти замуж за парня, который занимается греблей и носит пуловеры. Да, у меня хорошие оценки и я планирую идти в колледж, но Лига плюща? Ага, конечно. Я не такая трудяга. Обычная успевающая ученица. Середнячок, а не ботаник.

Но я хочу, чтобы Коннор ей понравился, даже если он не вписывается в ее представление о моем будущем. Хочу, чтобы она увидела его моими глазами и дала свое одобрение. Чтобы осознала: со мной все будет в порядке. Может, это ей поможет. Может, она увидит, что для нас с ним в этом мире еще есть жизнь и любовь.

И для нее тоже.

О моем отце мы не разговариваем. Никогда. После его смерти она убрала все фотографии с ним – и тем поставила точку. Словно его никогда и не было в нашей жизни.

Не хочу, чтобы так продолжалось. Он существовал, и ей пора это признать. Возможно, если она увидит, что я двигаюсь дальше, это поможет ей поступить так же.

Жаль только, что знакомство состоится сегодня. Мне бы хотелось с этим еще немного повременить. От ожидания, когда придет Коннор и начнутся смотрины, я готова лезть на стену.

Мама не занимается готовкой, поэтому ужин на мне: сегодня я варю большую кастрюлю спагетти, не забывая без конца помешивать воду и нервно постукивать пальцами по столешнице. Я даже не голодна, а высыпала целую упаковку.

Уверена, нас ждет катастрофа. Сколько бы раз я ни представляла,

как все закончится, ничего хорошего в голову не лезет.

Только начинаю сливать макароны, как слышу рев его сломанной выхлопной трубы. Складывается впечатление, что Коннор изо всех сил выжимает сцепление. Мотор грохочет. Из окна маминой спальни можно увидеть его колымагу. Я морщусь. Интересно, наблюдает ли она сейчас за полуразвалившимся пикапом, паркующимся возле моей миленькой маленькой «мазды». Главное, чтобы обошлось без скоропалительных выводов.

Коннор нажимает на дверной звонок, и я торопливо сливаю оставшуюся воду, роняя макароны в раковину. Нужно встретить его раньше мамы.

Только она уже выходит из спальни.

– Мам, я открою.

– Не глупи. Я хочу с ним познакомиться.

Она даже принарядилась: надела цветастый сарафан, каблуки и крупные жемчужные сережки в комплекте с ожерельем. Губы накрасила яркой помадой.

Боже, она выглядит так, словно собралась на ипподром.

– Здравствуй! Меня зовут Миранда, – произносит она, протягивая руку ладонью вниз. На что она рассчитывает? Что он кинется целовать ей руку?

– Коннор. Приятно познакомиться. – Он пожимает ее руку, но она так вяло отвечает, что даже ему это заметно, а мне становится неловко за происходящее.

Сегодня на нем симпатичная рубашка и чистые джинсы. Рубашка немного помята, а ботинки потертые, но Коннор все равно хорошо выглядит, даже несмотря на волнение, которое становится очевидным, когда он с улыбкой поворачивается ко мне. Парень слишком сильно старается. И кажется не к месту в этом вычурном холле с мраморным полом.

– Пойдем покажу тебе свою комнату, – вмешиваюсь я в отчаянной попытке сгладить ситуацию. – И да, я в курсе, мы оставим дверь открытой и все такое.

Я беру его за руку и провожу мимо мамы. Уверена, она готова засыпать Коннора ворохом вопросов, но вначале я покажу ему свою комнату, обниму и подбодрю, и тогда он будет во всеоружии.

Мы поднимаемся, перепрыгивая через ступеньку, и в мгновение

ока оказываемся в моей спальне с прозрачным балдахином над кроватью, большим эркером и идеально подобранной белой мебелью. Пол устлан толстым плюшевым ковром, одежда предварительно собрана и аккуратно повешена в шкаф.

Да, на комодке кое-как расставлена коллекция фотографий в разномастных рамках, а на изголовье кровати висят шарфы, но в остальном здесь царят чистота и порядок.

– Ух ты. Очень мило, – восхищается Коннор. – В твоём стиле.

Я сажусь на край кровати и ухмыляюсь.

– Нравится?

Он кивает.

– Ага. Выглядит потрясающе.

Подходит ко мне и садится рядом.

– Я знал, что у тебя большой дом, но такой красоты и представить не мог. На фоне твоей комнаты моя ... – Он замолкает и пожимает плечами.

– Ой, только не надо ничего придумывать, – смеюсь в ответ. – Я обожаю твою комнату. Это наше родное пристанище. А это... здесь не так уютно и удобно, как у тебя.

– В смысле, не так тесно и захламлено.

Меня снова пробивает на хихиканье. Рядом с ним я с одной стороны чувствую себя такой недоступной королевишной, а с другой – не могу прекратить улыбаться и смеяться. И эти ощущения мне нравятся.

– Нет. В смысле, я обожаю твою комнату.

Коннор наклоняется и целует меня. Этот долгий, медленный поцелуй напоминает о нашем «почти сексе» на прошлых выходных.

Но прежде чем зайдет дальше, я слышу покашливание. В дверном проеме стоит мама.

– Я готова ужинать, если вы не против, – объявляет она.

Нас поймали на горячем. Мое лицо наверняка сейчас свекольно-красного цвета, но я стараюсь на этом не заикливаться.

Мама ведет нас по коридору, затем вниз по лестнице и в нашу парадную столовую с большим столом. Мы никогда не едим в этом помещении. Оно выглядит слишком пафосно даже для нее.

И все же мило, что она решила устроить тут такой прием. Наверное, это значит, что она постарается принять Коннора и быть

гостеприимной.

– Итак, Коннор, в какую школу ты ходил? В местную, в Уэстпорте?

Запихнув большую порцию спагетти в рот, я тут же ей давлюсь. Мама на первом же вопросе неосознанно затронула неудобную для него тему.

– Нет. У меня неполное среднее образование.

– Ах. Понятно.

– Я получил его в шестнадцать лет, – добавляет он.

– Это замечательно, – отвечает она.

Интересно, насколько она искренна. От меня она всегда ожидала сплошных пятерок, участия в обществе почета и Лиге плюща. Все то, что было у нее. С другой стороны, после смерти папы она совершенно выпала из реальности и, вполне возможно, даже не заметила, что я не подхожу Лиге плюща.

– А работа? Чем ты занимаешься?

О боже, вот обязательно было спрашивать.

– Я, э-э, сейчас я в поисках работы.

– Вот как. – Она слегка краснеет, поняв, что проявила бестактность.

Не могу смотреть, как на его лице отражается осознание того, что в глазах моей матери он меня недостоин, хоть она и старается скрыть свой промах. Это разбивает мне сердце. Коннор так стремится стать независимым и успешным, чтобы доказать несправедливость всех некогда сказанных отцовских слов в его адрес, а моя мать только что с легкостью перечеркнула все усилия.

– Я получила пятерку за тест по физике, – хваюсь я. Смена темы до боли очевидна, но мама смотрит на меня с благодарностью.

– Молодец, дорогая.

– Это только первый тест, но многие его завалили. Лишь один ученик получил балл выше, чем у меня.

Теперь Коннор смотрит на меня по-другому. Надеюсь, он не думает, что я пытаюсь выгодно выделиться на его фоне. Не могу понять его взгляд.

– Ого. Ты очень умная, – произносит он. – Ну, я и так знал, но это действительно круто.

Я улыбаюсь и опускаю взгляд на тарелку. Мама оценит его

поддержку. Это хорошо.

- Энн всегда была необыкновенной, – обращается она к Коннору.
- С момента ее рождения я знала, что ей уготовано великое будущее.

Неужели мне слышалась гордость в ее голосе? Я внимательно смотрю на нее, размышляя над тем, откуда это взялось. Она хвастается мной. Раньше она всегда гордилась моими достижениями, но с тех пор прошло немало времени. В последние годы она была озабочена... другим.

- Она научилась играть на пианино в восемь лет, – добавляет мама.
- Мы с отцом хотели, чтобы она играла на скрипке, но Энн ее ненавидела.

Коннор улыбается мне.

- Очень похоже на нее. Она очень упряма.

- И не говори, – соглашается мама.

И наконец все напряжение уходит.

24 октября

1 месяц, 24 дня

Сегодня вернулся отец Коннора. Насовсем. Около входной двери лежат его вещи. Так Коннор об этом и узнал.

Я даже рада, что избежала встречи с его отцом в коридоре, когда проходила мимо родительской спальни. Как-то знакомиться с ним у меня нет желания.

Сейчас мы с Коннором, расположившись в его комнате на деревянном полу, решаем, стоит ли нас друг другу представить. Сомневаемся, готова ли я к этому.

Я мало что знаю об его отце. До меня долетали лишь обрывки информации, но даже по ним ясно, что знакомство предстоит не из приятных, ведь этот человек превратил жизнь Коннора в ад.

– Черт, давай просто покончим с этим, – предлагает Коннор. Он уже на взводе, немного дерганный и напряженный, словно его горло сдавливает воротничок рубашки. Он встает, берет меня за руку и поднимает. Ладони почему-то зудят от желания сделать что-нибудь глупое, например, взлохматить его красивые светлые волосы, но это совершенно неуместно, так что приходится отказаться от своей затеи.

Я не знаю, как выглядит Джек – никогда его не видела, даже на фотографии. Нэнси все их убрала, когда он ушел три месяца назад.

Коннор предупреждал меня, что это ненадолго, что его отец обязательно вернется, и оказался прав.

Он знал заранее, как все обернется. Первые несколько недель его мама твердо верила в окончательность своего решения. Она не говорила о Джеке. Словно он умер.

Но непоколебимость ее постепенно терялась. Спустя время она начала упоминать его в разговорах. Вскользь. Например, «О, Джек как-то...» или «Не эту, Джек ее разбил. Дай мне другую». И разговоров о нем становилось все больше и больше. В итоге появились задумчивые фразы «Интересно, что он сейчас делает» и «Думаю, мне стоит ему позвонить».

Как только дело дошло до этой стадии, его возвращение замаячило на горизонте. Коннор предсказал эту последовательность шагов за шагом. Он знал, что произойдет.

Несколько недель, которые мы провели без его отца, теперь кажутся раем. Уверена, подсознательно Коннор всегда думал об отце, но для меня Джек существовал лишь в виде историй, и мысли о его возвращении не задерживались в голове. В те первые недели его призрачное существование не беспокоило нас.

Я слеую за Коннором по захлавленному дому. Моя маленькая ладонь тонет в его руке. Мы останавливаемся у двери родительской спальни и прислушиваемся к включенному телевизору. Нужно постучаться, но никто из нас не двигается, мы просто стоим в тишине. Наконец Коннор, ободряюще сжав мою руку, отпускает ее и колотит в дверь.

Нэнси приглашает нас войти, и мы ступаем в комнату.

Джек сидит на краю кровати с пачкой чипсов на коленях, на столике рядом с ним стоит бутылка пива. Одет он в поношенную футболку и джинсы с жирными пятнами.

– Привет, э-э, отец. Я лишь хотел познакомиться тебя с Энн. Моей девушкой.

Я вежливо улыбаюсь и киваю.

– Привет. – Он вроде улыбается, но я не уверена. Вокруг его маленьких глазок собираются морщинки, но густая, поседевшая и жесткая на вид борода почти полностью скрывает рот.

Мне он представлялся более брутальным: с темными волосами и накачанными мышцами. В одном я угадала – он высокий. Не ниже метра восьмидесяти – это уж точно. Но в целом передо мной обычный человек.

– Ладно... мы пойдем... – Коннор берет меня за руку и уводит в свою комнату.

– Он кажется... – И я не знаю, что сказать. Говорить что-то хорошее – предательски, словно я пытаюсь сгладить то, что он сделал Коннору. А если сказать что-то плохое, это прозвучит издевкой.

– Я знаю.

И на этом разговор стопорится. Коннор достает из-под кровати потрепанную коробку со «Скрабблом», открывает ее и переворачивает все буквы.

– Он неплох, когда трезвый, – наконец произносит он.

– Ох. – И как мне на это ответить?

– Однажды он продержался несколько месяцев, когда мне было

тринадцать. Мы решили, дело сдвинулось с мертвой точки. Но потом он снова повел себя как придурок. Я случайно опрокинул мусорный бак в гараже, рассыпав по полу бутылки и консервные банки. И он ударил меня. Якобы за то, что я намусорил. Но, думаю, на самом деле его разозлило другое: я рассказал маме, что он снова запил.

Обычно Коннор не откровенничает так непринужденно. Он делится какими-то частями истории, а мне остается наугад собирать из этих паззлов его прошлое. Он никогда так не открывался, и я не видела картинку целиком. Коннор держал все в себе, но я рада, что он наконец мне доверился. Мы встречаемся меньше двух месяцев, но кажется, будто всегда были вместе.

Коннор складывает слово «дом» на игровой доске.

Прикусив губу, рассматриваю имеющиеся у меня буквы и выбираю между «сожалением» и «зеленым».

– Ты мило выглядишь, когда так делаешь, – замечает Коннор.

Подняв голову, улыбаюсь ему, и он весь озаряется. Люблю такие моменты: когда он думает только обо мне и совершенно забывает о Джеке.

Наконец я выкладываю слово «зеленый» и записываю свои очки. Прядь волос падает на лицо, но я не успеваю убрать ее, Коннор меня опережает. Заправляет локон за ухо, но руку не отнимает; скользит к подбородку и проводит пальцем по щеке – туда и обратно, не отрывая от меня своих темно-голубых глаз.

Время словно останавливается, мы просто долго-долго смотрим друг на друга.

И в этот момент я осознаю, что люблю его, что принадлежу ему, что не хочу находиться ни в каком другом месте, только в этой комнате, вот так глядя на него.

– Я тебя люблю, – произносит он. Кажется, он говорит это с нашей первой встречи, правда, мы знакомы всего несколько недель. И все же складывается впечатление, словно в тот момент, когда мы пошли на первое свидание, он уже знал, что влюбится в меня, просто ждал, пока я влюблюсь в ответ. Может, это потому, что никто до меня не давал ему и шанса.

Я широко улыбаюсь и обнимаю его, меня изнутри буквально распирает желание признаться в своих чувствах.

– Я тоже тебя люблю.

Его взгляд смягчается, но Коннор продолжает пристально всматриваться в мои глаза, словно хочет найти в них подтверждение, убедиться в правдивости слов.

– Клянешься? – шепотом спрашивает он. Ни один из нас не двигается, мы просто смотрим друг на друга.

– Да. Клянусь. Я тебя люблю.

Коннор переползает через игровую доску, рассыпая буквы повсюду, но нам уже не до них. Он долго и страстно меня целует, и я, закрыв глаза, растворяюсь в ощущении его настойчивых губ.

Мгновение, и я уже лежу на полу, буквы путаются в волосах, а Коннор целует меня, обхватив лицо руками. Нас окутывает доселе невиданное возбуждение. Я ощущаю растущее желание, жар, жажду обладать этим парнем.

Дверь не заперта, но нас никто не потревожит. Родители существуют в мире Коннора, а он в их – нет.

Когда его руки пробираются под мою рубашку, я снимаю с него футболку, и в считанные секунды мы обнажены по пояс. Коннор целует меня везде. Руки, плечи, грудь, живот. Он покрывает каждый сантиметр моего тела быстрыми, невесомыми поцелуями, словно не может насытиться. Его ресницы щекочут меня и возбуждают.

Он снимает с меня джинсы, и я мысленно радуюсь окружающей темноте, потому что никогда раньше не обнажалась перед ним. Никогда не позволяла ему видеть меня в таком виде.

Словно прочитав мои мысли, он накрывает нас одеялом – с головой.

Когда Коннор тянется к прикроватной тумбочке, мое сердце пропускает удар. Я догадываюсь, что он достанет, и неосознанно застываю. Думаю, я к этому готова. Ведь так?

Но, как только он достает ту маленькую упаковку из коробочки, меня парализует. Лишь грудная клетка продолжает вздыматься от тяжелого дыхания.

Он замечает мое состояние и закрывает ящик.

– Я... мы еще можем... – бормочу я.

– Нет, – шепчет Коннор мне на ухо. Он лежит сверху, наши тела полностью соприкасаются: миллиметр к миллиметру, кожа к коже. – Ты не готова. – Сдвигается и опирается на локоть. – Я люблю тебя. Тебе может казаться, что ты готова, но это не так.

– Я готова. Просто боюсь.

– Тогда мы подождем, когда ты перестанешь бояться.

Кивнув, я отгоняю слезы. Мне нравится, что он знает меня так хорошо. Нравится, что понимает меня без слов. Я притягиваю его к себе, прижимаюсь к плечу и закрываю глаза. Все, что я чувствую, – это тепло его тела.

И это приятно. У меня осталось всего сорок две минуты до ухода. До комендантского часа.

Но я буду наслаждаться нашими сорока двумя минутами. А завтра их будет еще больше.

И послезавтра.

И мы проведем каждое мгновение вместе.

Потому что это то, чего я хочу.

30 августа

Один год

– Милая, ты вообще меня слышишь?

Да, его я слышу. И больше ничего, только его голос – хриплый, отчаянный, умоляющий. Хотелось бы мне его заглушить, но, даже будь у меня беруши или наушники, он все равно не потеряет четкость.

– Прости, детка. Мне так жаль.

Мне не нужны его извинения. Меня от них тошнит.

Я хотела стать его спасательным кругом, удержать его на плаву. Но вместо этого он стал моим якорем. А мне надоело тонуть.

Как я не понимала, что ничего не изменится? Что так будет всегда?

– Я ненадолго уйду, хорошо?

Я поднимаю голову и смотрю на дверь, а потом на окно. Буря по-прежнему бушует – как снаружи, так и внутри.

– Я отойду высушить вещи и немного остыть, хорошо?

Коннор повторяет «хорошо» снова и снова, будто верит, что бесчисленное количество повторений способно превратить слова в правду.

Но это не поможет. У нас никогда не было нормальных отношений. Стоило быть внимательней еще на первых свиданиях, уже тогда я могла увидеть признаки его одержимости. Будь я внимательней, заметила бы его болезненное отношение, зависимость, стремление превратить меня в центр своего мира.

Может, почувствовала бы тяжесть, которую он постепенно взваливал на мои плечи – по маленькому камешку за раз.

Я слушаю отзвук его отдаляющихся шагов. Слушаю, как он заводит пикап, как стреляет сломанная выхлопная труба и как весь этот грохот медленно удаляется.

Ложусь обратно и пялюсь в потолок. Закрываю глаза в ожидании сна. Сон – единственное, что дарит мне покой.

Во сне я мечтаю.

18 октября

1 месяц, 18 дней

Сегодня состоится выездной забег по пересеченной местности. Я вся на нервах, волнение зашкаливает.

Свой первый забег я выиграла две недели назад. Но он проходил дома, там проще: ты знаешь местность, знаешь, когда лучше ускориться, а когда – притормозить, где повернуть и где бежать, не сбавляя обороты.

С Рейли-Хиллз не сравнить. Я выступала здесь уже дважды, и каждый раз последние несколько холмов преподносили мне сюрпризы. В итоге я сдавала в последнюю минуту, потому что неправильно оценивала обстановку и растрачивала остаток сил.

Но к предстоящему забегу я тренировалась усерднее обычного, чтобы наконец покорить эту вершину. Не могу дождаться момента, когда первой пересеку финишную черту, почувствую энергию болельщиков и услышу овации.

По негласной традиции мы с Блейком сидим в автобусе рядом, как и положено капитанам. Согласно стратегии тренера, это должно придать уверенности членам команды.

Правда, мы не разговариваем. Еще с того неловкого момента, произошедшего несколько недель назад. С тех пор мы управляем командой в стиле «игры в молчанку», и меня это напрягает. Если кто-то из нас делает объявление, проводит зарядку или растяжку, то второй беспрекословно следует указаниям.

Мы всегда были близки, хоть и не стали лучшими друзьями. За несколько лет узнали друг о друге достаточно, чтобы проникнуться взаимоуважением – мы оба постоянно совершенствовались и достигали новых высот. Наша цель – быть лучшими, и я точно знаю, что Блейк не щадит себя для ее достижения. Летом мы встречаемся на проселочных дорогах города, потому что у настоящего бегуна никогда не бывает «каникул». Осенью происходит очередное воссоединение: мы обнимаемся, общаемся, рассказываем последние новости, сближаясь с каждым годом все сильнее.

Дорога в Рейли-Хиллз занимает сорок минут, которые превратятся в пытку, если мы не начнем разговаривать. Ужасно

неприятно, что наши отношения скатились до такого формата. Раздражает, его безразличие, когда автобус подпрыгивает на кочках и мы соприкасаемся плечами, раздражает, что он уставился в окно, словно меня тут и нет.

Поэтому я сама прерываю молчание:

– Так, э-э, ты теперь меня ненавидишь?

Блейк поворачивается с таким шокированным выражением на лице, будто и не подозревал, что я умею говорить.

– Нет. Боже. Какая ненависть? Я просто думал, что теперь тебе неловко со мной общаться.

– О нет, дело не в этом. Я не знала, что тебе сказать после... ты знаешь.

Наступившая тишина вновь заставляет меня нервничать. Похоже, ничего не выйдет.

– Ладно, проехали, – смеется Блейк. И он возвращается ко мне. – Поздравляю с победой на прошлой неделе, кстати.

– Я тебя тоже. Дважды. Ты молодец.

Он ухмыляется в своей обычной манере «я знаю, что хорош», но без превосходства. Понятия не имею, как так получается, но меня окутывает исходящее от него спокойствие и уверенность в собственных силах.

– Итак, этот твой парень... – начинает он.

Я киваю, несколько взволнованная тем, что последует дальше.

– Да?

Блейк ухмыляется.

– Если он тебя обидит, то, клянусь богом, я его прикончу.

Я хлопаю его по ноге.

– Ой, да брось, он хороший парень.

– Еще бы. У него отличный вкус на девушек.

Я облегченно улыбаюсь. Похоже, Блейк не сильно смущен тем... инцидентом в лесу. Это радует. Возможно, нам удастся остаться друзьями. Три года – слишком долгий срок, чтобы так легко все перечеркнуть.

– Знаешь, в другой жизни мы стали бы идеальной парой.

Я смотрю на него краем глаза, сдерживая улыбку.

– Заткнись, – буркаю я и все-таки улыбаюсь, дурашливо толкая его в бок.

Он поднимает руки, притворно прося о пощаде.

– Я лишь озвучиваю факт.

Я немного сползаю и кладу ноги на сиденье впереди.

– Возможно. Думаю, этого мы никогда не узнаем.

Блейк тоже садится ниже, так что мы снова оказываемся плечом к плечу.

– Ладно, а у тебя есть сексуальные подруги?

– Блейк!

– Что? Попытка не пытка, – отвечает он, снова одаряя меня той своей самоуверенной улыбочкой, отчего мои щеки краснеют.

– Ты невыносим. – Выгнув бровь, я всячески делаю вид, что не нахожу его привлекательным, ну вот ни капельки, но не уверена, что получается. Блейк, бесспорно, красив.

– Мне это часто говорят.

Я качаю головой, но не могу сдержать улыбку. Блейк есть Блейк, и мне нравится, что благодаря ему вся ситуация становится проще.

Он барабанит пальцами по ручке между креслами, из-за тесноты задевая пальцами мое бедро. А лосины у меня настолько тонкие, что я кожей чувствую его тепло.

– Предлагаю устроить состязание: кто быстрее пробежит, будет вести физподготовку на следующей неделе.

– А еще делать обход.

– По рукам. – Он перестает барабанить и протягивает мне ладонь.

И пожимая его руку, я понимаю, что попала – Блейк победит. Но самоуверенная улыбка на его лице делает наше соревнование стоящим.

9 октября

1 месяц, 9 дней

Мы с Коннором как дети резвимся в парке недалеко от океана. Стоит прекрасный солнечный день, слегка солоноватый воздух охлаждает кожу. Коннор качает меня на качелях, а я смеюсь и, глядя на небо, представляю, как отпускаю поручни, взмываю в воздух и приземляюсь на гору гальки.

Наверно, это больно.

Не наверно, а точно, но на какие-то доли секунды я почувствовала бы себя свободной, как птица. Великолепное ощущение.

Коннор забирается на соседние качели, отталкивается ногами, набирая скорость и высоту, и вот мы уже играем наперегонки, а мои волосы всячески треплет ветер.

Настоящее блаженство. Каждый раз, взмывая ввысь, мы словно замираем на мгновение, и я вижу лишь его лицо и небо — и ничего больше. Но затем все исчезает, качели опускаются вниз, перебрасывая нас на другую сторону, только чтобы этот миг повторился — и так снова и снова, десятки застывших моментов, связывающих нас вместе.

В конце концов у меня начинает кружиться голова, и я стопами торможу о землю, Коннор делает то же самое, и мы оба останавливаемся. Я еще немного покачиваюсь на качелях, закручивая себя вокруг оси, а затем возвращаюсь обратно, вытянув ноги вперед.

Рядом с Коннором мир словно оживает. Во мне бурлит энергия, и хочется дать ей выход: кричать, танцевать и целоваться, но стоит заглянуть в ярко-голубые глаза парня, как меня охватывает умиротворение, осознание того, что я хочу быть только с ним.

Перевожу взгляд на его руку, сжимающую цепь качелей. Шрамы. Они покрывают костяшки пальцев — белые линии, исполосовавшие кулак.

Коннор замечает мой интерес, опускает руку и тоже смотрит на нее.

— У меня проблемы с управлением гневом. Иногда приходится выпускать его наружу. Но я не такой, как отец. Я бью вещи, а не людей. Эти шрамы я получил, когда разбил окно в гараже.

— Ох. — Не знаю, что сказать. Его отец занимается

рукоприкладством? Получается, что и Коннор пострадал от него? Мне становится дурно при мысли об этом. Не понимаю я такой злобы, столь свирепой ярости, что ты позволяешь себе поднять руку на другого человека.

– Да, звучит фигово. Но я давно уже так не делал. А стекло разбил, когда мне было тринадцать. В то время мне приходилось нелегко.

– Ох! – в очередной раз совершенно по-идиотски восклицаю я. Даже не представляю, что тут сказать, как правильно на это ответить. Я не привыкла слышать такие истории.

Взявшись за цепь, Коннор поворачивает мои качели к себе, и я встречаю его напряженный взгляд.

– Клянусь, я никогда тебя не обижу. Никогда.

Киваю в ответ. Я вижу уверенность на его лице. Слышу ее в его голосе. Я знаю, что он никогда меня не обидит.

Его словам можно верить. И я верю.

Коннор делится своей болью, доверяет мне. И я знаю, что могу ответить ему тем же. Знаю, что тоже могу рассказать ему обо всем. И он не станет меня осуждать, поскольку сам прошел через многое, пережил многое.

Даже с Эбби, лучшей подругой, я не стремилась поделиться темными сторонами своей жизни, потому что она живет в совсем другой реальности. Мне и в голову не приходило рассказать ей, как иногда я просыпаюсь посреди ночи в огромном пустом доме и слышу плач мамы. Он пугает меня, но, как бы ни хотелось пойти и обнять ее, я понимаю, что ей не хочется быть застигнутой в таком состоянии. Лежа в темноте, я прислушиваюсь к звукам, к каждому мучительному всхлипу, и изо всех сил стараюсь не расплакаться. Зачастую тщетно.

Но маме об этом ничего не говорю, и она продолжает жить своей жизнью, а я – притворяться, что ничего не знаю.

На самом деле это неправильно. Мне бы стоило признаться и поддержать ее. С другой стороны, мне самой отчаянно не хватает ее поддержки, поэтому положение вещей так и остается прежним – каждая плачет в одиночестве. А Эбби ни о чем не догадывается.

Но теперь у меня есть Коннор. И я знаю, что он поймет меня.

И я готова все ему рассказать.

8 октября

1 месяц, 8 дней

Меня будит трель телефона. Это Коннор. В такое позднее время мне звонит только он.

Поднимаю трубку на первом же гудке. Сердце бешено стучит в груди от неожиданного пробуждения.

– Алло?

– Энн? – тихо отзывается он.

– Да. Это я.

Теперь я полностью проснулась. Перекатываюсь и подкладываю подушку под голову, сжимая в руке трубку.

– Я... – Он замолкает.

– Что-то случилось? – Его голос звучит иначе. Что-то не так. Он позвонил позже обычного и кажется подавленным.

– Я просто... Нет. Ничего.

– Поделись со мной.

– Мне одиноко. И я просто... чувствую себя странно. Извини. Не стоило звонить так поздно.

– Нет. Все в порядке. Поговори со мной. Я уже проснулась. – Подавляю зевок.

– Я соскучился, – признается он. Это так мило. Представляю, как его губы изгибаются, когда он это говорит. – Что на тебе надето?

Я хихикаю.

– О, мне нравится этот звук, – произносит Коннор. – Ты только что сделала ночь лучше.

Я улыбаюсь в ответ, хоть он меня и не видит.

– Но я серьезно, в чем ты?

– Не скажу!

– Ну пожалуйста!

И снова этот голос. Этот милый, кокетливый, соблазняющий тон, который вызывает у меня улыбку.

– Ладно. В желтой майке и клетчатых шортах, которые велики мне на два размера минимум. Сексуально, правда? – смеюсь я.

– О, звучит горячо, – отвечает он и хохочет. – Боже, это безумие. Две минуты разговора с тобой, и мое настроение в корне изменилось.

Как бы мне хотелось, чтобы ты сейчас была рядом.

– Мне тоже.

– Так приезжай.

– Уже полночь!

– И что?

– А то, что у меня не получится улизнуть незамеченной.

Коннор вздыхает.

– Знаю. Но я рад, что ты ответила. Я тут слонялся и нервничал по всяким мелочам, и мне нужно было с кем-то поговорить.

– Звони в любое время. Мне нравится с тобой разговаривать, – уверяю я. Не слишком ли это глупо – так широко улыбаться? Как ему удастся так быстро меня воодушевить?

– Давай завтра погуляем.

– Мне надо в школу. А еще у меня забег.

– И что? Прогуляй.

Это плохо – что я колеблюсь? Сильнее, чем когда-либо. Мне семнадцать, и я никогда не прогуливала уроки без маминого разрешения, а это вряд ли считается.

– Я не знаю...

– Соглашайся. Мне все равно не заснуть, так что я распланирую нам целый день и приготовлю тебе сюрприз.

О боги, я обожаю сюрпризы. Особенно его. Он в этом мастер.

– Только в этот раз, – сдаюсь я.

– Да. Один раз.

– Ладно. Хорошо. Договорились. Эбби меня прикроет.

Я буквально слышу, как он улыбается.

– Отлично. Тогда я кладу трубку и начинаю все планировать.

– Хорошо.

– Спасибо, что ответила. Что ты – это ты. Что от разговора с тобой мне стало легче.

Коннор говорит это искренне – тон его голоса изменился. Если раньше он звучал грустно и одиноко, то сейчас стал счастливым, и мне нравится, что эта перемена произошла из-за меня.

– Обращайся в любое время.

– Доброй ночи. Сладких снов.

– Тебе тоже, – отвечаю я.

И затем кладу трубку с широкой улыбкой на лице.

30 сентября

1 месяц

Я у Коннора дома. Каждое наше последующее свидание длится дольше предыдущего, и мы все ближе подбираемся к моему комендантскому часу. Мы ходим в кафе, в кино, просто гуляем и всячески развлекаемся, но все встречи заканчиваются в его доме, и мы тянем до последней минуты, откладывая расставание.

Мама вряд ли станет устраивать разборки из-за моих поздних возвращений. Но, боюсь, стоит мне начать передвигать временные границы, и я уже не смогу остановиться, останусь с Коннором навсегда.

Его присутствие вызывает... привыкание. Я постоянно улыбаюсь, смеюсь и смотрю на него. С ним происходит то же самое, и иногда мы часами можем просто глядеть друг на друга. Иной раз мне кажется, что часы на самом деле тикают у меня в ушах – настолько это громко. Не могу перестать думать о том, как быстро бежит время, когда я с ним, и как наша разлука неотвратимо надвигается.

Безумие какое-то. Еще месяц назад мы не были знакомы, а теперь он заполняет собой весь мой мир. И только о нем я могу думать, когда мы не вместе.

Поэтому каждый день я жду вечера, когда окажусь здесь, рядом с ним. Сегодня мы играем в «Дженгу», пытаюсь побить наш предыдущий рекорд и построить башню выше двадцати шести «этажей». В его шкафу лежит гора настольных игр, втиснутая между баскетбольными мячами, автомобильными журналами и кулинарными книгами... всеми его хобби. Меня поражает количество его знаний и увлечений. Сейчас мой ход, и я продолжаю мухлевать, вытаскивая блок совсем немножко, а потом, якобы передумав, засовывая его обратно. Это уже стало нашей шуткой. Я вытягиваю наполовину один блок, отчего башня начнет крениться, а следом возвращаю его в прежнее положение и с хитрой усмешкой наблюдаю, как дрожит все сооружение. Коннор же внимательно следит скорее за моими движениями, нежели за башней. Порой я ощущаю на себе его пристальный взгляд. В этом мире для него существую лишь я. Мы можем находиться в магазине, ресторане или еще где-то, но он всегда смотрит только на меня.

Это так забавно. Каждое мгновение.

С легкостью вытащив блок на шестом «этаже», я чувствую, что удача на моей стороне, но тут же задеваю верхушку башни, и все строение рушится. И тогда со смехом подбрасываю деревяшки в воздух.

– Черт! У меня ничего не получается, – хнычу я, после чего ложусь на пол и отшвыриваю в сторону тот самый блок, который секунду назад с таким усердием вытаскивала.

Коннор нависает надо мной, его лицо оказывается в сантиметре от моего.

– Я стараюсь поддаваться тебе, но все равно продолжаю выигрывать. – Его дыхание обдает теплом и мятой, словно он почистил зубы прямо перед моим приходом. А потом Коннор приникает к моим губам, и я забываю об игре. Блоки забиваются мне под спину и ноги, но я их не замечаю, полностью растворяясь в поцелуе.

Коннор слегка отстраняется и озаряется в ответ на мою улыбку.

– Где ты была всю мою жизнь? – спрашивает он, наконец садясь.

– Ждала тебя, – поддразниваю я, бросая ему в плечо блок из настольной игры.

Коннор качает головой.

– Все кажется слишком идеальным, чтобы быть правдой. *Ты* слишком идеальна.

Трясу головой.

– Нет. Ничего подобного. Ты просто слишком мало меня знаешь, чтобы разглядеть недостатки. Уверяю тебя, их предостаточно.

Я не сбавляю шуточный тон, он смеется и снова меня целует.

– Мне все равно. Я люблю тебя.

В комнате воцаряется гробовая тишина, его глаза расширяются от запоздалого осознания того, что он только что произнес вслух.

Три слова, которые я давно ни от кого не слышала, даже от своей мамы. Три маленьких слова, от которых я чувствую себя значимой. Коннор произнес их не всерьез. И я спешу исправить положение:

– Все в порядке, я могу сделать вид, что ты не...

– Нет, – перебивает он. – Нет, не нужно притворяться, что я ничего не говорил. Это правда. Я люблю тебя. Ничего страшного, если ты не можешь ответить тем же, ведь для этого еще слишком рано. Все нормально, если ты пока этого не чувствуешь, но я хочу, чтобы ты знала: я тебя люблю.

Я сглатываю и киваю, размышляя, а готова ли я к этому, готова

ли к его любви.

А еще задумываюсь над тем, влюблена ли я в него. Потому что те чувства, которые я испытываю, уже окрепли, они переполняют меня. Бывают моменты, когда разлука с ним просто невыносима. Моменты, когда мне нужно уходить, потому что уже без десяти одиннадцать и я могу нарушить комендантский час. Но покидать Коннора не хочется, и мое послушание борется с огромным желанием наплевать на все правила, остаться и надеяться, что мама даже не заметит моего отсутствия.

Коннор снова меня целует, и мы прислоняемся к кровати, переплетая вместе пальцы. Я вижу наше отражение в зеркале напротив и гадаю, не слишком ли рано думать о том, что это навсегда?

20 сентября

3 недели

Мы с Эбби валяемся на ее кровати, рассматривая потолок сквозь газовую материю балдахина. Между нами лежат чипсы и дорогие шоколадные конфеты, а на прикроватные тумбочки отставлены пустые баночки из-под диетической колы. В планах стоял наш новый годовой проект по английскому языку, но заставить себя им заниматься – нереально.

– Не понимаю, почему нам навязывают классику, – возмущается Эбби. – У нас должна быть возможность взять любую книгу. Что такого хорошего в Шекспире, Чосере и Сэлинджере?

Я неуверенно покусываю губу.

– Не знаю. Я бы лучше почитала «Дневники вампира».

– Я бы лучше посмотрела «Дневники вампира», – отвечает она.

Я хмыкаю.

– Сомневаюсь, что изучение и описание достоинств вампира в качестве ролевой модели для бойфренда нам чем-нибудь поможет.

Эбби вздыхает.

– Давай просто остановимся на Шекспире. От нас требуется прочитать и сравнить как минимум три его произведения, так? По крайней мере, тут нам поможет литературная критика и экранизации.

Я задумчиво накручиваю на руку фиолетовый вязаный шарф.

– Пожалуй.

– Заметано. А вот теперь можно и развлечься, – предлагает она и тянется к чипсам.

– Я давно хочу попасть в лавку рукоделия в городе. Подумываю сделать подарок для Коннора.

И вот спустя час безделья мы наконец-то поднимаемся. Кровь приливает к голове, и мне приходится на мгновение замереть, чтобы перед глазами все прояснилось.

– Как это мило. Кстати, когда я с ним познакомлюсь?

Судя по тому, что она начала обуваться, у меня будет компания для похода в магазин.

Я надеваю кофту.

– Скоро. Может, на следующих выходных. Он еще даже не

познакомился с мамой. Наши отношения на ранней стадии.

– Ой, да ладно, ты по уши в него втрескалась, – возражает Эбби, выключая свет в комнате, и мы спускаемся к выходу.

– Ну, типа того, – признаюсь я, неожиданно засмущавшись. У меня еще никогда не было парня.

Я следую за Эбби к ее машине и забираюсь на кожаное сиденье.

– Так вы уже целовались?

Вместо ответа я робко улыбаюсь.

– О боже, целовались! Почему ты мне не рассказала? Я бы от тебя такое не скрыла.

Пожимаю плечами.

– Дорога в магазин не близкая. Колись. Сейчас же.

– С чего бы начать?

Двадцать минут спустя мы прогуливаемся между магазинными стеллажами в поисках специального клея для стекла. Эбби тоже решила заняться творчеством, чтобы составить мне компанию, и сейчас она подбирает наклейки для скрапбукинга.

– Как тебе эти? – спрашиваю я, показывая ей листы с принтом пляжных мячей, ведерок и маленьких песочных замков.

– Выглядит отлично! Берем.

Я киваю и бросаю листы в корзину, которая и так уже заполнена доверху, ее содержимого хватит, чтобы задокументировать каждый день жизни Эбби.

– Думаю, нам хватит. Пойдем на пляж собирать стеклышки, чтобы побыстрее приступить к делу.

Кивнув в ответ, Эбби неохотно отходит от крутящегося стенда с наклейками и наконец направляется к кассе.

Я беру ее под руку.

– С какой страницы начнешь оформление?

Она улыбается.

– Знаешь, у меня есть одна очень назойливая подруга, поэтому я подумала сложить вместе несколько страниц и приклеить ее фото с замалеванными черным глазами и длиннющими рожками.

Я фыркаю.

Спустив на покупки шестьдесят два доллара, мы покидаем магазин, у каждой в руках по пакету с необходимыми инструментами.

Интересно, что подумает Коннор, когда я подарю ему свое

сердце.

19 сентября

2 недели, 6 дней

Я сижу на табурете за кухонной стойкой, болтая ногами, и вычерпываю оставшееся после хлопьев молоко. Фоном включены мультики, хотя я уже вышла из возраста, когда мне было интересно их смотреть. Однако суббота без них – не суббота.

Судя по звукам льющейся воды, мама уже проснулась. Иногда она принимает душ минут по сорок пять. Непонятно, что там можно делать столько времени, тем более что после него она не выглядит посвежевшей и отдохнувшей. Скорее наоборот, ее глаза кажутся опухшими, она больше походит на зомби.

Если уж совсем честно, чем она занимается в остальное время – тоже для меня загадка. Мы ведем себя словно незнакомцы, вынужденные жить под одной крышей. Как же хочется, чтобы все было иначе. Хочется обнять ее и сказать, что люблю. Но сомневаюсь, что мама чудесным образом обнимет меня в ответ и с улыбкой произнесет то же самое, как этот момент обрисовывается в моем воображении.

Папа наверняка бы расстроился, узнав, как живут «его девочки». Он изо всех сил старался сплотить нас на протяжении многих лет, во время нескончаемых курсов химиотерапии. Он не сдавался даже тогда, когда мама уже отчаялась, когда я не могла заснуть из-за непрекращающихся слез, но все было тщетно, а однажды пришел конец, и его не стало.

Я пытаюсь вспомнить, какой была мама до смерти папы, пока она не умерла вместе с ним. Пытаюсь мыслями вернуться в то время, когда она объявляла «девчачий день» без него, а я ухмылялась ему на этих словах. Когда мы с ней отправлялись на маникюр, ходили по магазинам и набивали животы шестидолларовыми фруктовыми смузи.

Она была хорошей мамой. Точно такой, в которой я нуждалась и о какой могла бы мечтать. Но жестокая реальность отобрала ее у меня, мама превратилась в другого человека, для которого я стала никем. Она настолько увязла в горе, что уже не в состоянии разглядеть, какую боль причиняет мне своим безразличием.

Уверена, на ее месте папа никогда бы так не поступил. Даже в свои последние дни он оставался сильным и поддерживал меня. Даже

когда ему было плохо и его знобило после процедур, он выходил в парк, садился на раскладной стул, кутаясь в плед от холода, лишь бы провести время со мной и мамой. Тогда мы были настоящей семьей.

Я не теряю надежду, что однажды на финише после своего забега увижу ее с лучезарной, гордой улыбкой. Что она перестанет утопать в депрессии и наконец заметит меня, мои успехи и достижения. Только вряд ли это случится.

У нее не осталось друзей. Они разлетелись, как песок на ветру, задержалась лишь я. А теперь у нее нет и меня.

В конце концов мама выключает воду, и спустя несколько минут раздаются ее шаги, сначала наверху, затем в коридоре и на лестнице. Она ступает легко и тихо, как мышка.

Я отправляю в рот последнюю ложку молока с фруктовым вкусом и поворачиваюсь к маме.

Ее светлые волосы еще мокрые и спутанные, но она уже нанесла макияж и надела миленькую блузку с брюками цвета хаки. Даже по выходным мама выглядит как адвокат, словно это все, что она теперь из себя представляет. Набор функций, а не человек.

Она устраивается рядом со мной и берет коробку с хлопьями, а я, отвернувшись, смотрю мультики. Какое-то время мы сидим в молчании: я слушаю, как она ест, и пытаюсь сосредоточиться на мультяшном псе, который скачет на экране.

– Хорошо спала?

Это ее любимый вопрос. Не знаю почему. Может, она считает, что я вообще не сплю, или это ее завуалированный способ узнать, все ли у меня в порядке.

– Ага. А ты?

– Угу.

Мне хочется возразить ей, сказать, что если бы она хорошо спала, то выглядела бы хоть сколько-нибудь отдохнувшей, но я не решаюсь.

Вместо этого в попытке сломать традиционное субботнее молчание выпаливаю:

– Ты хочешь... не знаю, сегодня чем-нибудь заняться?

Она перестает жевать, хоть у нее набит рот, и устремляет взгляд на меня.

– Мне нужно просмотреть много дел. Давай как-нибудь в другой раз, идет?

Как-нибудь в другой раз. Всегда в другой раз. Хотелось бы знать, когда наступит этот «другой раз», но, наверное, если бы я знала, то больше никогда бы не спросила.

– Да. Конечно.

Спрыгиваю со стула и поднимаюсь к себе, чтобы переодеться в джинсы и майку и уйти на весь день, как обычно.

Сегодня просто очередной день в череде разочарований, так уж повелось.

Так мы живем.

14 сентября

2 недели, 1 день

Сегодня возобновляются школьные тренировки по бегу. Это означает, что впереди новый учебный год, скоро опадут листья, а мое расписание снова будет забито.

В этом сезоне мы с Блейком назначены капитанами: он – у мальчиков, я – у девочек. У него побольше опыта в этом деле, но в нашей команде я – единственная старшеклассница. Кого, как не меня, ставить лидером.

Мы бежим бок о бок через задний выход и школьный двор в сторону лесных тропинок за футбольным полем. За нами – двадцать семь бегунов, движущихся в едином темпе, и это стимулирует. Мы с Блейком придерживаемся небольшой скорости, успевая переговариваться. Те, кто отстанут, вылетят. Если капитанам хватает дыхания еще поболтать, то с обычным бегом ребята должны справиться, в противном случае им не место в команде.

Мы быстро входим в колею – все-таки уже три года в одной связке топчем эти тропинки. Еще совсем недавно мы и сами были неуклюжими, медленными новичками, а теперь, посмотрите, мы – ветераны, которые объединяют команду. Солнце светит ярко – сегодня один из тех последних дней, когда природа радуется нас летней погодой, прежде чем осень вступит в свои права.

– Мне достался Беллик по истории, – произносит Блейк, когда мы ступаем под тень деревьев леса.

– Отстой.

Первые опавшие осенние листья приятно шуршат под ногами. По идее, мне полагается ненавидеть перспективу предстоящего учебного года, но я наслаждаюсь этим днем, предвкушая новые тренировки, холодную погоду и зимние каникулы.

– Знаю. А по математике – мисс Валентина.

– Двойной отстой, – отвечаю я. У меня ровное дыхание. Мышцы разогреты. Я счастлива, спокойна и готова к долгой пробежке.

Блейк оглядывается на бегунов позади нас. Некоторые из них уже выдыхаются, а мы ведь преодолели всего две мили.

– На следующей неделе кто-то точно вылетит.

Кивнув, я разглядываю парня: кровь прилила к его лицу, щеки покраснелись, а темные волосы растрепались. Ветер и ветки, от которых мы уклоняемся, не оставили и следа от идеальной укладки.

Блейк неплохо подрос за лето и больше не напоминает юного школьника с непропорционально длинными и худощавыми руками и ногами. Теперь он выглядит подтянутым, здоровым и похорошевшим.

Блейк вдруг поворачивается ко мне, и я невольно задаюсь вопросом, о чем он думает. Изменилась ли я?

– Ты нормально держишься? – интересуется он.

Я широко улыбаюсь.

– Лучше не бывает. Легко одолею еще пару миль.

– Это вызов? – спрашивает он, улыбаясь в ответ. Его адидасовские спортивные штаны шуршат при каждом движении.

Я оглядываюсь на остальную команду, прикидывая, удержат ли они темп.

Половина точно справится. И этого достаточно.

– Да.

И тут я срываюсь с места, где-то отрываясь от земли, чтобы перепрыгнуть извилистые корни деревьев, а где-то хлюпая по лужам. Блейк бежит следом – его громкие шаги долетают до моих ушей, это придает мне еще больше ускорения, и лес вокруг превращается в смазанные коричневые и зеленые пятна. Все исчезает, и я лишь слышу свое дыхание и сердцебиение в ушах, здесь и сейчас существую только я и бег.

Когда появляется развилка, я выбираю левую тропинку – ту, что длиннее, – прекрасно зная, что она не входит в наш маршрут, но не желая возвращаться обратно к школе. Я по-прежнему слышу за спиной шаги Блейка. Он не отстает.

Но и не обгоняет.

Мы все бежим и бежим, пока не углубляемся еще на несколько миль в лес, тогда становится понятно, что пора остановиться. Мое горло горит от холодного воздуха, а ноги ноют.

И когда мы наконец тормозим, я смотрю на Блейка: его лицо красное от напряжения, футболка мокрая, но он улыбается так же широко, как и я.

– Мы всех потеряли. Держу пари, они свернули направо. Как мы изначально и планировали. Наверное, Рик повел их той тропой после

того, как мы скрылись из виду.

Я смущенно ухмыляюсь.

– Разве можно их винить? Мы где-то в трех милях от школы – это если коротким путем через лес. В четырех – если двигаться по тропинке.

Я прислоняюсь к дереву, упираясь в него одной ногой, и восстанавливаю дыхание. Жадно глотаю кислород, отчего моя грудь часто и сильно вздымается.

– Предлагаю вернуться по тропинке. Когда еще будет такая погода? И можно не бежать. Это займет не больше часа.

Я смотрю на небо сквозь сень деревьев. Оно ярко-голубое. На часах – едва ли половина пятого. Достаточно времени для долгой прогулки, к тому же она может оказаться последней в этом сезоне.

Когда я опускаю взгляд, то вижу, что Блейк уже успел подойти ко мне – совсем близко. Все еще тяжело дыша, он напряженно смотрит мне в глаза.

– Что ты...

И тут он приникает к моим губам. Поцелуй смешивается с его потом и слегка отдает соленым. Я впадаю в ступор от шока. Всего на мгновение мне хочется ему ответить, но затем я наконец прихожу в себя и отворачиваюсь, разрывая поцелуй.

Я сожалею об этом всего долю секунды. Лишь на краткий миг мне кажется, что я могу снова повернуться к нему, отбросить всякий здравый смысл и поцеловать его.

Но затем я вспоминаю о Конноре и понимаю, что не могу так поступить.

– Я... э-э, у меня вроде как есть парень.

Мое дыхание вдруг снова сбивается. Почему это кажется ошибкой и в то же время чем-то правильным? Почему мы не поцеловались прошлой весной? Почему Блейк не позвонил или не заехал ко мне на работу этим летом? Я даже предлагала угостить его бесплатным сэндвичем, хоть мне и пришлось бы позже заплатить за это из своего кармана. Но он так и не зашел.

Блейк отворачивается. Не знаю, какие мысли роятся в его голове. Он просто стоит, положив руку на бедро, и сверлит взглядом пень. Почему он не смотрит на меня?

– Кто он?

– Ты его не знаешь. Он не из нашей школы. Мы вместе всего пару недель, но у нас все серьезно.

– Вот как.

И на этом мы замолкаем, он не поворачивается, а я тупо смотрю ему в спину.

– Блейк, прости. В другой ситуации...

– Нужно возвращаться. Похоже, намечается дождь. – Его голос резок. Блейк не хочет продолжать разговор. Не хочет никаких объяснений, он просто хочет покончить со всем.

Ведь это ложь. Нет никаких признаков дождя. Но я не возражаю. Лишь смотрю ему в спину еще некоторое время, пытаюсь разобраться, не разрушило ли произошедшее нашу дружбу, но понимаю, что нет таких слов, которые все бы исправили или стерли это из памяти. Поэтому просто следую за Блейком по тропинке.

– Хорошо. Ладно.

И на протяжении следующего часа мы не разговариваем.

12 сентября

1 неделя, 6 дней

После третьего свидания Коннор приглашает меня к себе. По какой-то нелепой причине я нервничаю. Его родители могут быть дома, а я с ними еще не знакома. Значит ли это, что у нас настоящие отношения? Что он официально мой парень? Или Коннор просто хочет продолжить свидание?

У него милый дом. Газон идеально подстрижен диагональными полосами, ведущими к красной входной двери. У них и заборчик есть. Не дом, а американская мечта – идеальное семейное гнездышко.

Пока мы бок о бок идем по дорожке, Коннор улыбается мне и берет за руку. Мне нравится, что нам уже так комфортно друг с другом. Нравится, как он держит меня за руку или приобнимает за плечи и целует в щеку. Я была на свидании всего раза четыре, но ни с кем не чувствовала себя так легко, ни с кем мне не хотелось просто находиться рядом.

Так, держась за руки, мы подходим к двери, и Коннор ее открывает.

– Мам?

В доме тишина. Никого нет.

– Похоже, ее нет. Хочешь посмотреть мою комнату?

Киваю. Я готова пойти за ним хоть на край света.

Проведя меня через гостиную и коридор, он открывает белую дверь и приглашает в свою комнату. В ней деревянный пол, встроенный шкаф с раздвижными зеркальными дверьми и большая кровать, которая, наверное, занимает всю комнату, и я старательно делаю вид, будто этого не замечаю. Почему это кажется странным? Почему она так привлекает мое внимание?

Я закатываю глаза, стирая с лица все эмоции, чтобы Коннор не понял ход моих мыслей.

– Тут классно, – говорю я. В его маленькой комнате голые стены, без следа плакатов или фотографий.

– Спасибо. Ничего особенного, но зато она моя.

Коннор садится на край кровати и, откинувшись на спину, пялится в потолок. Я неловко переминаюсь с ноги на ногу, а когда он

похлопывает по месту рядом с собой, устраиваюсь там.

С ума сойти. Я лежу на кровати рядом с Коннором, пусть даже полностью одетая и свесив ноги на пол, меня все равно охватывает ощущение нереальности происходящего.

– Извини, что мамы нет дома.

– Все нормально. Ничего страшного. А где твой... отец?

Боже, зачем я это спросила? Я же знаю, что его отец алкоголик! Чего напоминать-то?

– Он ушел несколько недель назад. Они как бы расстались.

– О, мне очень жаль.

– А мне нет.

Его резкий ответ ошеломляет меня, и между нами повисает тяжелая тишина.

– Он настоящий придурок, и когда его нет, жизнь просто... становится лучше. Но это ненадолго. Он вернется, как только найдет способ умаслить маму. Но пока у нас все в порядке.

– Вот как.

– Ну да, – усмехается он. Я тоже хихикаю. Здорово, что у него есть чувство юмора. – Хочешь молочный коктейль?

– Думаю, это лучшее предложение за сегодняшний день, – улыбаюсь я.

Остаток дня мы обедаем мороженым и ждем его маму, но она так и не возвращается. Незадолго до комендантского часа я прощаюсь с Коннором, и с моим уходом он остается в одиночестве.

6 сентября

7 дней

Сегодня у нас второе свидание. Мы не виделись всего три дня, но, как оказалось, ожидание невыносимо. Я не могу выкинуть Коннора из головы, не могу перестать думать об его милой улыбке, о том, как загорелись его глаза, стоило мне открыть входную дверь, и о том, что я почувствовала, когда он назвал меня красивой.

Мы решили пойти в боулинг. Я никчемный игрок, и к девятому фрейму у меня набралось жалких тридцать два очка. Но каждый мой промах сопровождается нашим совместным смехом, и улыбка не сходит с моего лица вне зависимости от результата.

Коннор хорош. Он не говорил, что увлекается боулингом. Наверное, когда-то играл в детской лиге. Судя по сегодняшней игре, он был непобедим. До двухсот ему не хватает всего пары очков, но он их наберет, поскольку только что выбил страйк.

Я дважды отправляю шары в желоб, затем начинаю переобуваться, наблюдая за новым страйком парня. Без лишних усилий он направляет шар прямо в центр дорожки. В итоге Коннор набирает возможный максимум. Потрясающе. Неужели он хорош во всем?

Я жду его, пока он снимает красно-белую обувь и надевает свои кеды. На нем какая-то нелепая вязаная кофта с V-образным вырезом, и хотя мы знакомы меньше недели, я могу сказать, что она совершенно не в его стиле. И все же это мило, ведь, уверена, ее он надел ради меня.

Думаю, увидев мой дом, Коннор смутился и теперь таким очаровательным образом пытается мне соответствовать. И как бы ни хотелось попросить его не стараться произвести впечатление, я понимаю, что мое замечание лишь подчеркнет эти промахи в одежде, поэтому ничего не говорю. Лишь украдкой улыбаюсь, когда он отворачивается, и представляю, как дома парень перемерял дюжину разных рубашек.

Коннор придерживает для меня дверь и по дороге к пикапу берет за руку. Я улыбаюсь ему в ответ и пытаюсь унять сердцебиение, когда он слегка сжимает мою ладонь. Меня в который раз охватывает волнение; когда я с ним, мое сердце трепещет. Не понимаю, почему он так на меня влияет, но спустя неделю после нашего знакомства я

одержима каждой его улыбкой, взглядом и смехом.

Он открывает мне дверь машины, и я залезаю в салон. Стоит только ему сесть за руль, как я начинаю улыбаться, и тут все случается. Коннор наклоняется ко мне, и я, не успев осознать, что делаю, закрываю глаза. Его мягкие губы накрывают мои, и мы целуемся.

Мы целуемся!

Я забываю, как дышать. Когда он отстраняется, жадно глотаю воздух, пытаюсь насытить легкие кислородом.

– Извини. Я не хотел ждать и создавать этот неловкий момент перед дверью дома.

Я широко улыбаюсь.

– Все в порядке. Но я все же хочу повтора перед домом.

Он ухмыляется в ответ и заводит машину.

– Думаю, это можно устроить.

Согласна.

– Тебе было весело сегодня? – спрашивает он.

Я прикусываю губу, сдерживая улыбку, которая грозит расплыться до ушей и показать Коннору ту девчонку, которая втрескалась в него всего после двух свиданий.

– Да. Очень.

– Так ты... хочешь как-нибудь повторить?

Поворачиваюсь к нему, он полностью сосредоточен на дороге, словно все его внимание там, отвлекаться нельзя, но я уверена, что его сердце бьется в таком же бешеном ритме, как и мое.

– Да. Определенно.

Его губы изгибаются в улыбке, и он смотрит на меня.

– Рад слышать.

Когда мы приезжаем, Коннор провожает меня до двери, и мы снова целуемся. И я уже жду не дождусь следующего свидания, чтобы повторить сегодняшний день.

Впервые в жизни меня замечают, и я хочу наверстать те тысячи дней, когда ощущала себя невидимкой.

3 сентября

4 дня

Сегодня я встречаюсь с Коннором. Даже не верится. Он мне позвонил. Я была уверена, что меня продинамят. Таких, как я, парни нечасто приглашают погулять. Я не очень общительная, меня редко замечают.

И теперь я представляю собой сплошной комок нервов в давящих четырех стенах. На моем счету всего четыре свидания, два из которых приходится на бал выпускников, куда меня пригласили в качестве друга, хоть мне и хотелось, чтобы это переросло в нечто большее.

А я даже не знаю, куда мы пойдем. Это сюрприз. Я пробовала выпытать детали у Коннора, но он молчит как рыба, поэтому для меня загадка, чем мы сегодня займемся: пойдем в кафе, в кино или это будет что-то совершенно иное.

В каком-то смысле мне это даже нравится – все мои мысли поглощены предстоящим свиданием, и школа кажется такой далекой, хотя занятия начнутся уже через два дня.

Коннор сказал одеться удобно, поэтому я выбрала миленькие джинсы, туфли на низком каблуке и пару маек: нежно-голубую и желтую. Волосы забрала в небрежный пучок и надела маленькие висячие сережки. Звездочки. Надеюсь, я хорошо выгляжу. Надеюсь, взглянув на меня, он не передумает и не решит, что зря позвал на свидание.

Он приезжает на стареньком «Форде F-150» – том же, что и в день нашего знакомства. Я вижу его из окна спальни. Минуту машина гроыхает у тротуара, затем мотор глохнет, и Коннор выходит, скрипя дверью. Мне хочется еще понаблюдать за ним, но не стоит держать его на крыльце. Беру сумку и, бегом спустившись по лестнице, открываю дверь – как раз в тот момент, когда Коннор к ней подходит.

Выглядит он потрясающе. На нем темные джинсы и голубая футболка, а на лице играет самая широкая улыбка на свете. Она озаряет его глаза. Коннор достает руки из-за спины и протягивает мне ромашки с гипсофилами. Желтое и белое – идеальный летний букет.

По телу разливается тепло, и мне с трудом удастся скрыть удивление и радость. Я мило улыбаюсь и надеюсь, что моя улыбка хотя

бы наполовину так же прекрасна, как у Коннора.

– Спасибо!

Поддавшись порыву, я встаю на цыпочки и целую его в щеку, после чего мы оба немного краснеем. Не знаю, откуда взялось мое безрассудство.

– Сейчас быстренько поставлю их в вазу, и можно идти.

Наверное, нужно было пригласить его войти, но я слишком поздно это понимаю, поэтому, пока бегаю на кухню и ставлю букет, Коннор ждет меня на крыльце. С другой стороны, это занимает всего пару секунд, я возвращаюсь к нему в мгновение ока.

Проводив к пикапу, Коннор открывает мне дверь, и как только я залезаю на потрескавшееся виниловое сиденье, меня окутывает запах его одеколона. Делаю глубокий вдох, наслаждаясь ароматом. Не успеваю даже пристегнуться, как парень обходит машину, запрыгивает в кабину и заводит мотор. Внутри все гроыхает, но он этого словно не замечает, просто переключает коробку передач, и вот мы уже мчимся по Сноб-хиллу, а в опущенные окна задувает соленый океанский бриз.

– Куда мы едем? – любопытствую я.

Коннор лишь качает головой и улыбается своей милой полуулыбкой – приподняв уголки полных губ. Почему я пялюсь на его губы?

– Все равно не скажу.

Я закатываю глаза и ухмыляюсь, радуясь его игривости. Больше ничего не спрашиваю. В каком-то смысле мне нравится, что он так и не проговорился. Обычно люди сдают и открывают свои секреты.

У подножья горы Коннор поворачивает направо, отдаляясь от города и пляжа, и теперь мне не на шутку становится интересно, куда же мы все-таки направляемся. Петляя по дороге, через какое-то время он съезжает на гравийку и паркуется на обочине.

– Пошли. Нас ждет небольшая прогулка.

Кивнув, вылезаю из пикапа и тут же понимаю, что каблуки – даже невысокие – не подходят под критерий удобной обуви. Теперь мой наряд выглядит совершенно неуместно.

Мы проходим совсем немного, как у меня случается беда. Летние дожди все размыли, и мои каблуки вязнут в земле. Чтобы сохранить равновесие, когда одна нога застревает сильнее второй, мне приходится махать руками как какой-то сумасшедшей. И это точно не круто.

– Давай ты возьмешь рюкзак, а я понесу тебя на спине?

Я слегка краснею при мысли залезть ему на спину. Мы знакомы всего три дня. Но если я хочу увидеть, какой сюрприз он приготовил, то мне понадобится его помощь.

– Ладно.

Коннор присаживается на корточки и придерживается за дерево, пока я цепляюсь за него как обезьянка: обвиваю руками шею, а ногами – талию, после чего он встает, и мы продолжаем путь, только теперь движемся намного быстрее.

– Боже, ты легкая как перышко! – восклицает он.

Мои щеки вспыхивают. Это одновременно и неловко, и очень-очень мило. Я снова улавливаю запах его одеколona – мужского, с нотками мускуса, – и еле сдерживаюсь, чтобы не уткнуться лицом ему в шею. С этого ракурса его плечи кажутся еще шире и мускулистее.

Коннор пробирается по лесу, осторожно переступая через камни и корни деревьев. Пара минут, и мы на месте. Тут что-то гудит. И громко.

– Это водопад, – объясняет Коннор, пока я сползаю с его спины. – Нам осталось добраться до той площадки. Здесь есть деревянные ступеньки, так что ты сможешь спуститься сама, просто держись крепче за ту веревку.

Следуя его указаниям, я кое-как преодолеваю пятиметровый спуск и оказываюсь на небольшой полянке, где вокруг огромного пня лежат несколько поваленных бревен – такие скамейки и стол, созданные самой природой.

Коннор расстегивает рюкзак и раскрывает свой секрет – это пикник. Он расстилает скатерть на круглом пне и выкладывает на нее бутерброды, чипсы, большой термос и салфетки.

– Тут бутерброды с индейкой и лимонад, дома было особо не из чего выбрать...

– Идеально, – перебиваю его. – Спасибо.

Это лучшее свидание на свете. Оно еще даже не началось, но уже стало лучшим. Кафе и кино? Фигня. Я выбираю пикник и водопад.

Присаживаюсь на одно из бревен и наблюдаю, как Коннор накрывает на стол, затем он передает мне одноразовую тарелку и устраивается напротив.

Видно, что он слегка нервничает, и это мило. Его щеки

порозовели, а в перерывах, пока пережевывает бутерброд, он беспрестанно тербит свои светлые волосы или вертит на руке часы.

– А чем ты увлекаешься? – спрашиваю я после затянувшегося молчания.

– Баскетболом, игрой на гитаре, скейтбордингом, готовкой – хотя в ней я ужасен, – коллекционированием бейсбольных карточек и монет, рыбалкой, парусным спортом, починкой машин – особенно классических моделей, – еще люблю концерты и фильмы.

– Ничего себе, – со смехом отвечаю я. – У тебя много хобби.

Коннор кивает.

– Да, наверное. Мне нравится занимать себя чем-то... и многое вызывает интерес, поэтому я решил, почему бы и нет? Ненавижу, когда люди просто болтают, но ничего не делают, понимаешь?

– Да, точно. А мне нравится бег. Будь моя воля, я бы бегала все время. Я занимаюсь кросс-кантри и бегом по треку.

– Это круто, – подхватывает он. – Какое-то время я занимался баскетболом. Приятно общаться с таким же увлеченным человеком.

– Согласна.

Между нами снова затягивается молчание, и мне хочется его нарушить.

– У тебя есть братья или сестры?

Он мотает головой.

– Нет. Я один. Слава богу.

Я смеюсь, но затем понимаю, что это не шутка.

– Почему «слава богу»?

Коннор пожимает плечами.

– Потому что мой отец... мой отец алкоголик, – произносит он.

Так просто. Так лаконично. И все же я вижу, с каким трудом ему далось это признание.

– Ох.

Он отрешенно передергивает плечами.

– Не знаю, зачем тебе это рассказал. Обычно такое не обсуждают на первом свидании. Поэтому... давай сменим тему.

Водопад все так же поет, омывая нас редкими каплями воды. Все кажется таким... эфемерным. Наше свидание похоже на сон, словно мои всевозможные фантазии претворились в реальность.

– Ты красивая, – говорит Коннор.

Ого. Это и есть смена темы? Я улыбаюсь и опускаю взгляд на руки. Это точно сон.

– Даже когда краснеешь.

От этих слов я еще больше заливаюсь краской. У меня горит все лицо.

– Наверное, такая девушка, как ты, привыкла получать комплименты.

М-да, ничего подобного. На меня мало кто обращает внимание и уж тем более делает комплименты.

Но каким-то чудом Коннор сидит напротив и по-настоящему видит меня.

Думаю, я смогу к этому привыкнуть.

30 августа

Один год

Когда я просыпаюсь, в комнате уже темно. Буря несколько поутихла, и сквозь струящиеся капли дождя на окне можно разглядеть уличные фонари. Я долго лежу в ожидании, но молнии все нет.

Вернется ли Коннор?

Существует ли еще мир за пределами этой комнаты? Есть ли люди, которые не разучились смеяться? Моя улыбка истерлась. И уже давным-давно.

Когда это случилось? После его первого грубого слова? Злой усмешки или первого раза, когда он меня толкнул?

Закрываю глаза и выкидываю эти мысли из головы. Все кончено. Что сделано, то сделано, и почему или когда это случилось – уже неважно.

Даже если я найду ответы на эти вопросы, ничего не изменится. Коннор есть Коннор, и под каким углом ни посмотри, он все равно причинил мне боль.

Это не любовь. Это нечто испорченное и уродливое. Я так хотела любви, что не обращала внимания на то, как она выглядит.

Коннор сделал это со мной. Это только его выбор. Может, он сломлен и ему нужна была отдушина, но у него все еще был выбор. Он знал, на что идет, когда впервые меня ударил.

Он знал, как обидит меня, когда бросался этими ужасными словами.

И я ненавижу себя за надежду, что он все еще на парковке, за желание открыть дверь и впустить его.

Я никогда не стану той, кем была до него. Но это и не нужно.

Левой рукой – той, что не разрывается от боли – я залезаю в карман и достаю телефон. Когда открываю его, свет экрана ослепляет меня своей яркостью, и мне приходится поморгаться, чтобы привыкнуть.

Я должна это сделать. Должна позвонить.

Дрожащей рукой набираю ее номер, но останавливаюсь на последней цифре, мой палец висит над «пятеркой». Не знаю, смогу ли это сделать. Не знаю, хочу ли с ней связываться, слышать ее «я же

тебе говорила» и как она ненавидит Коннора.

С ней иметь дело сложнее, чем с ним, даже когда черты его лица искажены маской гнева. Она – доказательство каждого моего неправильного выбора. Когда я смотрю на нее, мне хочется заползти под одеяло и забыть обо всех ошибках.

Но отступать нельзя. Я набираю номер до конца. Знаю, что она не притянет меня в свои объятия и не скажет, что все наладится, но не перестая этого желать.

В глубине души мне все еще двенадцать, и я в ней нуждаюсь.

Я знаю, что она спит и телефон будет громко трезвонить рядом с кроватью.

– Алло? – после второго гудка отвечает она сиплым голосом.

– Мам? – Я не осознаю, что плачу, пока не произношу это слово. Звук выходит слабым и с надрывом, словно принадлежит ребенку.

– Энн? Это ты? – Она уже проснулась. Ее голос четок, полон беспокойства и, возможно, надежды.

Мама хочет, чтобы это был звонок от меня. Скучает ли она по мне так же, как я по ней? Чувствует ли она некую дистанцию между нами, которая образовалась не из-за года ссор, а из-за нескольких лет молчания?

Слезы струятся по моим щекам и каплют на пол. И остановить их я не в силах.

– Забери меня, – прошу я дрожащими губами, и меня неожиданно захлестывает волна облегчения. Я уступаю маме контроль.

Спаси меня. Пожалуйста, сделай так, чтобы все закончилось.

Долгую секунду она ничего не отвечает. Меня оглушает гудение в телефоне. На мгновение внутри все переворачивается. Неужели я совершила ошибку? И за последний год она накопила обиду?

– Энн?

– Да? – с трудом спрашиваю я, мешает комок в горле. Он душит меня.

– Я люблю тебя.

Я не могу произнести то же в ответ, потому что после этих слов рыдания накатывают на меня с новой силой.

Со мной все будет в порядке.

Сложно представить, что меня ждет впереди, но, несмотря на то что мне пришлось пережить за этот год, со мной все будет в порядке.

30 августа

Первый день

Моя машина не заводится. Отстой.

Как же не вовремя. Телефон я посадила, болтая с Эбби во время обеденного перерыва, а закусочную уже поставила на сигнализацию. Если вернусь туда, чтобы позвонить, со мной свяжется охранная служба и мне придется им объяснять, почему я вернулась, а на следующий день все повторить начальнику.

Ужасный день. В «Сабвэе» я работаю только летом, но по какой-то причине в это время все хотят перекусить именно здесь. За шесть часов я ни разу не присела, наша печь для выпечки булочек работала без перерыва и в какой-то момент раскалилась так сильно, что температура воздуха в помещении достигла тридцати семи градусов.

Кошмар. Я вся вспотела, устала и просто хочу домой, но нет, мне надо было забыть выключить фары. Теперь приходится сидеть и прикидывать, что же делать дальше. У меня даже нет аккумуляторного провода, которым можно было бы воспользоваться, проезжай здесь машина.

Итак... план «Б». У меня механика. Дорога на парковке вполне ровная. Может, у меня получится подтолкнуть ее и быстренько завести? Раскачу ее, потом прыгну за руль, включу зажигание и отпущу сцепление. Попытка не пытка, раз уж особого выбора у меня нет. Тут не нужно набирать большую скорость. Надеюсь.

Выхожу из машины и начинаю налегать на распахнутую дверь, но толку ноль. Под колеса словно подложили кирпичи. Я упираюсь еще какое-то время, вкладывая в это все силы, но «мазда» не сдвигается ни на сантиметр.

Ничего не выйдет. Я слишком устала для таких манипуляций. Может, попробовать включить телефон, чтобы позвонить Эбби и попросить меня забрать? С аккумуляторными проводами она не разберется, но сможет подбросить меня домой, а со всем остальным я разберусь, когда хоть немного отдохну.

– Нужна помощь?

Развернувшись, я вижу парня примерно моего возраста. Может, на год старше. Высокий и сухощавый, как баскетболист, его светлые

волосы торчат во все стороны. На нем широкие голубые джинсы, выцветшие спереди, и простая черная футболка с серебряной цепью.

И он симпатичный. Даже очень. У него полные губы, которые слегка изгибаются в полуулыбке. Невозможно оторвать от них взгляд.

А я стою тут как полная идиотка и пытаюсь подтолкнуть машину. Замечательно.

– Э-э, да. Я забыла выключить фары и теперь не могу завестись.

– У меня есть аккумуляторные провода, если нужно. Или я могу тебя подтолкнуть.

Я киваю и только спустя секунду понимаю, что тут простым «да» или «нет» не ответить.

– Ой, да, давай попробуем провода.

Парень разворачивается и уходит, и на секунду мне кажется, что я его отпугнула, но нет, он залезает в большой белый пикап, припаркованный у пиццерии, заводит мотор и подъезжает к моей маленькой голубой машине.

У меня уходит минут пять, чтобы сообразить, как открыть капот, я просто слепо шарю рукой под рулем, пока каким-то чудом мне это не удастся. Парень тут же поднимает его и устанавливает зажимы. Я подхожу к нему, и мы оба смотрим на двигатель.

– Нужно немного подождать. – Его голос звучит грубовато и мужественно, и мне это нравится, хочется, чтобы он произнес еще что-нибудь.

Я сажусь на бордюр и впервые за несколько часов наслаждаюсь небольшим отдыхом. Ноги дико гудят. На мгновение закрываю глаза и кладу подбородок на колени.

– Тяжелый день?

Я поднимаю голову и вижу, что парень, скрестив руки, прислонился к моей машине. Сейчас он словно выглядит еще больше, чем в первый миг нашего знакомства. И он неплохо сложен.

– Ага. На самом деле, просто очень длинный.

– В такой день не до горячего. Все хотят сэндвичи, но готовить их лень.

На секунду задумываюсь, откуда он знает, где я работаю, а потом понимаю, что на мне надета уродливая фиолетовая футболка с надписью «СОЗДАТЕЛЬ СЕНДВИЧЕЙ», словно это какая-то привилегия. Ну почему она должна быть такой дурацкой?

– Точно. Мне осталось работать еще неделю. Уйду отсюда, как только начнутся занятия в школе. – Я стряхиваю с футболки хлебные крошки и пытаюсь не кривить лицо при виде ярко-желтого пятна от горчицы.

– Мило.

– Угу. – Мне бы хотелось ответить что-то умное и показать ему, что я не какая-то идиотка, которая забывает выключить фары и заляпывается горчицей, но в голову ничего не приходит.

Он так и стоит, прислонившись к бамперу моей машины. Вид у него расслабленный и сексуальный. Может, тут просто замешан комплекс рыцаря?

– Ты живешь где-то здесь? – спрашиваю я.

– Ага. Возле парка Ларриот. А ты?

Киваю.

– Тоже. На Сноб-хилл.

Он хохочет. У него красивый смех.

– Не думал, что вы так ее называете. Мне казалось, улицу так называем только мы, простолюдины.

– Ну, соседи наверняка возненавидели бы меня за это, но мне плевать. Они все снобы. – Я улыбаюсь собственной шутке, и он ухмыляется в ответ. Наконец-то я сказала что-то путное. – Но зато из моей комнаты открывается отличный вид на океан, – добавляю следом.

Парень кивает и снова смотрит на провода, словно может определить лишь по виду, зарядился ли аккумулятор.

– Ладно, давай-ка проверим.

Поднимаюсь с бордюра и подхожу к машине. Так хочется оглянуться и узнать, смотрит ли он на меня. Надеюсь, что да. Сажусь на свое маленькое сиденье и с молитвой на устах поворачиваю ключ зажигания. На секунду мне кажется, что все получится, но, не успев завестись, машина снова глохнет и начинает щелкать.

В отчаянии я несколько раз бьюсь головой о руль. Мне просто хочется, чтобы она завелась. Этот парень наверняка уже считает меня полной идиоткой и может уйти в любую минуту.

– Ладно, давай еще немного подождем. Наверное, ты сильно его разрядила.

Я занимаю свое прежнее место на бордюре. Парень в это время наблюдает за мной, но я веду себя так, будто ничего не замечаю.

Похоже, сегодняшний день не так уж и плох. Этот привлекательный парень стоит возле моей машины и пытается ее починить. И мне нравится, что он уверен в себе, но у него очаровательная застенчивая улыбка.

О боже, я только что назвала его «этот парень». Я даже не знаю его имени.

Я встаю и подхожу к нему.

– Кстати, меня зовут Энн, – неуклюже протягиваю ладонь.

– О, извини. – Он вытирает руку о джинсы и протягивает ее в ответ. – Я – Коннор.

Интервью с Аmandой Грейс

В книге «Но я люблю его» вы решили рассказать историю в обратном порядке, начиная с конца, так сказать. Почему для истории Энн вы решили выбрать такой формат?

Структура романа во многом связана с моей целью написания книги. Я написала ее потому, что хотела объяснить людям природу насильственных отношений и почему жертвы домашнего насилия не решаются уйти. Зачастую человек считает себя слишком умным, чтобы оказаться в подобной ситуации. По ходу развития истории читатель – неважно он или она – выбирает переломный момент (обычно это первый раз, когда обидчик толкает или бьет жертву), когда говорит себе «после такого я бы ушел(-ла)». И с этого момента он в некоторой степени начинает винить жертву в том, что она вообще оказалась в такой ситуации.

Рассказывая историю в обратном порядке, я лишаю читателей возможности осуждать главную героиню. Они не знают о событиях, которые привели к насилию, поэтому могут лишь сидеть и наблюдать.

В отличие от ваших предыдущих подростковых романов, у этой книги более темные тона. Что послужило вдохновением для этой истории?

Когда мне было семнадцать (столько же было Энн, когда она познакомилась с Коннором), я состояла в отношениях, которые, несмотря на отсутствие физического насилия, все же были напряженными и сложными, они и стали моим вдохновением для этой истории. Я пробыла с тем человеком лишь год, но это оставило на мне глубокий отпечаток, примерно такой же, какой Коннор оставил на Энн. Это основная причина, почему отношения Энн длятся ровно год.

В течение нескольких лет я не раз пыталась написать книгу с подобным сюжетом, но дальше двух глав дело не двигалось. Как только я попробовала писать в обратном хронологическом порядке, то плотину прорвало, и спустя несколько недель был готов черновик.

Коннор отличителен тем, что у него вспыльчивый характер. Он обижает Энн как физически, так и морально. Но мы видим, что к нему так же относились всю жизнь. Мы можем сочувствовать его прошлому, но не закрывать глаза на его поведение и действия. Как вам удалось достичь такого баланса?

Я прочитала несколько романов для подростков на тему насильственных отношений, но не почувствовала, чтобы хоть один из них правильно ее преподнес. Проблема в том, что обидчик там просто не умеет «управлять гневом». Но домашнее насилие – это не только чей-то буйный нрав.

Для меня было важно, чтобы читатели поняли: Коннор не плохой парень, он просто сломлен. Я потратила много времени на проработку прошлого Коннора, чтобы читатели могли понять, что его таким сделало. Честно говоря, я немного переживаю, что люди расстроятся, если он вызовет у них сочувствие. Моя цель – не приравнять к норме его действия, не найти ему оправдание, а показать, что здесь есть глубоко укоренившиеся проблемы, которые далеки от понятия «управление гневом».

Эбби, как и Блейк, служат напоминанием о прошлой жизни Энн, ее прежней личности. Эбби не нравится Коннор, но она позволяет Энн отдалиться от нее. Была ли задумка дать понять Эбби о побоях? Если да, то стала бы она вмешиваться более настойчиво?

Фишка отношений – насильственного характера или нет – в том, что девушка никогда не порвет с парнем только потому, что он не нравится ее подруге. Эбби – умная девушка, и она понимает, как сильно Энн влюблена. Хотя она никогда напрямую не спрашивает Энн о грубом поведении Коннора, Эбби наверняка догадывается, что в их отношениях что-то не так.

Мать Энн выбирает другую линию поведения: она почти постоянно пытается расстроить их отношения. Но, как выясняется по ходу истории, это не приводит ни к чему хорошему – в конце Энн с трудом заставляет себя связаться с мамой.

Суть в том, что нельзя спасти того, кто этого не хочет. И Эбби

это знает.

Известно, что насилие циклично (те, над кем издевались, сами становятся обидчиками). Точно так же жертва зачастую оказывается в похожих ситуациях. Как вы думаете, вступила бы Энн в эти отношения снова, зная, чем все закончится?

К сожалению, думаю, ответ будет зависеть от того, когда вы об этом спросите. Через день, неделю, месяц после окончания отношений она наверняка скажет «да». Но спустя время, расстояние и изменение точки зрения я очень надеюсь, что она найдет в себе силы сказать «нет».

В книге вы иллюстрируете идею о проявлении публичной и частной личности. Энн, Коннора и даже матери Энн. У Энн плохо получается оставаться собой в обществе, ее личность начинает разрушаться, хоть ей и удастся сохранить свой большой секрет в тайне. Частное «я» Коннора (его хорошая сторона, которую видит только Энн) так и остается не раскрыто окружающим. Как вы считаете, всем нужно иметь такие расщепленные личности, или без масок жизнь была бы намного проще?

Думаю, такова человеческая природа – иметь публичный фасад и скрытое истинное лицо, а что это действительно значит, зависит от каждого конкретного индивида. Есть люди, с которыми вы можете быть знакомы всю жизнь, но так и не узнать их по-настоящему, другие же как открытая книга. И это нормально. Соккрытие какой-то части себя – это механизм защиты от людей, которые могут не понять ваши сокровенные мысли.

Поэтому чтение может превратиться в такое эмоциональное и волнующее путешествие – какое-то время вы живете в чужой голове и узнаете то, что скрыто от глаз общества.

Благодарности

Выражаю искреннюю благодарность моему редактору Брайану – за его ум, проницательность и за огромное удовольствие, которое я испытываю при совместной работе; моему агенту Зои, которая была мне верным партнером на каждом этапе этого пути; Кортни, Стивену, Сэнди и всей команде издательства Flux – за то, что они невероятно потрясающие; и Веронике – за то, что вытащила из стопки материалов небольшую рукопись под названием «Вдребезги», прочитала ее за ночь и влюбилась.